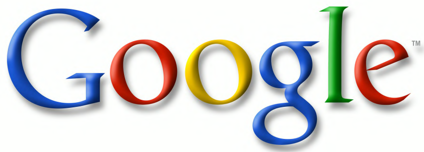

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

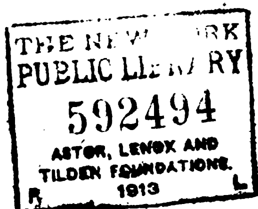
9 3/4

ИЗДАВАЕМЫЙ

Владиміромъ Измайловымъ.

ЧАСТЬ LXXV.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1814.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Москва Апрѣля 20 дня 1814 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ 1814.

№ 9.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Треножникъ (*).

Forma quidem ipsa et tanquam facies honesti si oculis cerneretur, mirabiles amores (ut ait Plato) excitaret sapientiae.

Cicero d. Of. L. I.

„Завтра же" — говорила прекрасная Недіона въ кругу веселыхъ гостей своихъ — „завтра же хочу видѣть возхожденіе солн„ца собственными моими глазами. Неправ„да ли, любезные друзья, что Никарета „пѣла весьма пріятно? Даже во мнѣ посе-

(*) Броннерово сочиненіе.

„лила она желаніе посмотрѣть столь ве„ликолѣпную картину; всякое слово ея до„казывало, что учителемъ ея былъ Ѳа„лесъ, глубокій знатокъ красотъ Природы.“ „Ты обижаешь себя, прекрасная Недіона!“ — съ кротостію возразилъ Ѳалесъ; — „все „показываетъ, что простосердечная моя „невольница за пріятное свое пѣніе должна „благодарить прелестную свою наставни„цу.“ И всѣ гости согласились съ мудрецомъ.

Потомъ Недіона взяла нѣжною рукою чашу, полную искрометнаго вина, и сказала: „Кто хочетъ завтра со мною про„гуливаться, долженъ пить изъ этой ча„ши,“ и отвѣдавъ вина, подала его гостямъ. Кто бы не захотѣлъ пить изъ чаши, къ которой прикасались столь прелестныя губы? Всѣ пили; пилъ и Ѳалесъ. Въ дружеское общество не рѣдко истиннаго мудреца сопровождаютъ забавное остроуміе и невинныя радости. На другой день, едва утро начало сѣрѣть, Ѳалесъ явился къ своей любезной пріятельницѣ.

И вотъ Недіона, окруженная друзьями, вышла изъ городскихъ воротъ: такъ иногда у берега новорожденныя веселыя рыбки толпятся около своей матери; такъ трудолюбивыя пчелы вьются около матки.

Красавица въ легкой одеждѣ, въ кругу веселыхъ юношей, шла по цвѣтущимъ лугамъ. Часто изъ подъ ногъ ихъ выпархивали устрашенные жаворонки, запѣвали свою утреннюю пѣсню, поднимались выше, выше, и отъ глазъ зрителей изчезали. Цвѣточныя чашечки, полныя благоуханій, были еще закрыты. Свѣжая роса окропляла ноги идущихъ; и прилипали къ нимъ цвѣточные листочки, испещренные различными красками. Всѣ растѣнія, большія и малыя, испаряли ароматы; пріятная прохлада оживляла новою, одушевляющею силою каждую ослабѣвшую нерву. Всѣ дышали легче и свободнѣе; всѣ пили утренній воздухъ, свѣжій, укрѣпляющій.

Они остановились на холму, лежащемъ на берегу моря, и смотрѣли, какъ на востокѣ бѣлые пары краснѣли мало по малу, потомъ сдѣлались огнеблестящими, и наконецъ возсіяли ослѣпляющимъ свѣтомъ. Края мрачныхъ горныхъ хребтовъ, за которыми скрывалось солнце, сверкали какъ разкаленный металлъ. Вершины соснъ, растущихъ на вѣтреныхъ высотахъ горы Латмоса, освѣтились, и видно было, какъ лѣсные жаворонки порхали въ ясномъ солнечномъ свѣтѣ; но низшія мѣста еще покрывалъ сумракъ. Наконецъ явился царь дня, и лучи его пролились на землю, отъ

сна возставшую. Башни и высокія зданія въ Милетѣ озарились; извивающійся Меандръ, блистая подобно огненной рѣкѣ, по темнозеленому лугу катилъ струи свои въ море. Маленькія капли, чистыя какъ кристаллъ, сверкали на травѣ подобно перламъ въ открытыхъ раковинахъ. Западные рѣзвящіеся ветерки гнали едва примѣтныя пурпуровыя волны къ берегу, порхали по землѣ, гонялись другъ за другомъ, прятались между лабиринтомъ растѣній и тихо колебали ихъ листья; трепещущія на нихъ капли сверкали разнообразнѣе, подобно милліонамъ блестящихъ звѣздочекъ.

„Благодарю тебя, милая Микарета!" — начала говорить Недіона — „ты открыла „мнѣ источникъ новыхъ удовольствій. Ка„ждое слово твое въ похвалу прекраснаго „утра было справедливо: все окружающее „меня какъ пріятно, какъ восхитительно! „какъ сердце мое разширяется и, полное „небеснаго удовольствія, радостно трепе„щетъ! Благодарю, благодарю тебя, милая „Микарета! Для чего нѣтъ тебя съ нами? „Я разцѣловала бы тебя, прелестная пѣ„вица! Но тебя, любезный Ѳалесъ, кто „тебя достойно можетъ наградить за „столь превосходное воспитаніе этой дѣ„вушки?" „Недіона!" — отвѣчалъ Ѳалесъ — „лучшая для меня награда есть

„удовольствіе, доставляемое мнѣ добродѣ„телями воспитанницы моей." „Но, — лю„безный другъ!" — продолжала Недіона — „для чего скрываешь отъ меня ея проис„хожденіе?" — „Для того, что лучше не „знать его." — „Я знаю, Ѳалесъ, что „Микарета уѣхала; но возвратится ли ко„гда нибудь? Она такъ нѣжно со мною раз„ставалась, такъ пламенно обнимала и „цѣловала меня, такъ горько плакала, такъ „прощалась, какъ будто видѣла меня въ „послѣдній разъ?" — „Нѣтъ, прекрасная „Недіона! она не возвратится. Вчера я „далъ ей свободу, а сего дня отослалъ ее „къ родителямъ." — „О сколь добръ ты, „любезный Ѳалесъ! Но такія черты въ „картинѣ жизни твоей не рѣдки." Недіона, обратившись отъ востока къ западу, продолжала: „Смотри, какъ острова, Ладъ съ „цвѣтущими садами и Астерій съ уте„систыми высокими берегами, въ солнеч„номъ свѣтѣ красуются! Вотъ плывутъ „рыбаки въ заливъ Латмосъ: какъ лодки „ихъ летятъ по тихимъ волнамъ! какъ „весла ихъ отражаютъ ослѣпляющій блескъ! „О друзья мои, кокое восхитительное утро! „Сядемъ на скатѣ этаго холма; передъ на„ми будутъ зеленѣющіе лѣса Латмоса, „обнаженныя вершины скалъ, темныя пе„щеры, въ которыхъ цѣломудренная Діана „цѣловала прекраснаго Эндиміона, и заливъ

„Латмосъ, гдѣ пристали рыбаки: мы ясно „можемъ видѣть, какъ будутъ они бросать „свои сѣти.“

Они сѣли на благоухающую траву и смотрѣли, какъ рыбаки, ставъ большимъ полукругомъ, забрасывали свои сѣти. Когда они вынимали изъ воды края сѣтей, въ петляхъ ихъ, по разпростертому отъ прильпнувшей воды стеклу, скакали безчисленныя маленькія солнцы.

Молодые люди, бывшіе съ Недіоной, согласились купить тоню, чтобы позабавить свою пріятельницу. Юный Гиллосъ подошелъ къ берегу, и условился съ рыбаками: „Слѣдующая тоня наша“ — весело кричалъ онъ, возвращаясь къ своему обществу. — „Прекрасная Недіона! не угодно ли тебѣ „посмотрѣть, что пошлетъ намъ щастіе? „Говорятъ, оно ласкаетъ особенно красоту. „Подойди же: тогда вѣрно для насъ вытянутъ „нутъ полныя сѣти.“ — „Не знаю, такъ ли „же польститъ мнѣ щастіе, какъ и учтивый „тивый Гиллосъ“ — улыбаясь отвѣчала Недіона; — „однакожъ посмотримъ, чѣмъ „оно подаритъ насъ.“

Все общество сошло съ холма и на берегу остановилось съ любопытствомъ. Рыбаки тянули сѣть съ такимъ напряженіемъ, что подъ ихъ ногами вдавливался пе-

сокЪ и многїя раковины хрустѣли. Но, увы! нѣсколько шокмо рыбокЪ трепеталось вЪ петляхЪ. Уже молодые люди теряли надежду: едва видна была на ихЪ лицахЪ полувеселая улыбка. . . . О чудо! вЪ концѣ сѣти нашелся золотый треножникЪ! „Золото, чистое золото!" - вскричали рыбаки, и глядѣли сЪ изумленїемЪ то на треножникЪ, то другЪ на друга. Молодые Милетяне не знали что думать. Сама прекрасная Недїона сдѣлалась неподвижна: вЪ глазахЪ ея изображалось удивленїе. Мгновенно овладѣли ею сомнѣнїе, недоумѣнїе и внезапная радость.

ГиллосЪ бросился кЪ рыбакамЪ, схватилЪ треножникЪ, подбѣжалЪ сЪ нимЪ кЪ НедїонѢ: „Смотри, смотри, Недїона" — сказалЪ онЪ смѣючись — „нынѣ щастїе еще „даритЪ красоту" и положилЪ золотой треножникЪ у ногЪ красавицы.

„Щастїе хочетЪ наградить прилѣжа„нїе и труды" подхватилЪ начальникЪ рыбаковЪ, который стоялЪ уже за ГиллосомЪ: „намЪ принадлежитЪ дарЪ богини! мы про„дали вамЪ тоню; вотЪ рыба, она ваша; „но треножникЪ, дарЪ богини, принадле„житЪ намЪ!" сказалЪ, поставилЪ корзину сЪ рыбою на землю и хотѣлЪ взять треножникЪ. . . .

— Но не допустилъ его Гиллосъ. „Нико-„гда вамъ не достанется даръ благодѣтель-„ной судьбы, которой она намъ послала!“ — вскричалъ онъ. „Естьли бы досталась намъ „одна тина, не должны ли бы мы ею до-„вольствоваться? Вы посмѣялись бы надъ „нашею прекрасною ішонею, и отдали бы „ее намъ безъ противорѣчія. Но въ сѣть „вмѣсто тины попало золото: для чего же „не отдаете намъ сей добычи? Никогда „вамъ не достанется даръ благодѣтельной „судьбы, которой она намъ послала.“

Глухой ропотъ сдѣлался между рыбаками: такъ отдаленный, едва слышный шумъ сражающихся на морѣ вѣтровъ предвѣщаетъ бурю.

Ктезифонъ, Аполлона Дидимейскаго жрецъ, которой былъ также съ Недіоною, выступилъ впередъ и сказалъ: „Выслушай-„те меня, рыбаки, и вы, Милетскіе мои „друзья! выслушайте нелестный, спаси-„тельный вамъ совѣтъ. Повергните опас-„ный треножникъ опять въ глубину мор-„скую: судьба во гнѣвѣ своемъ послала вамъ „сей даръ гибельный, столь гибельный, „какъ золотое яблоко, которое нѣкогда злоб-„ная и ужасная Эринніи бросила на столъ „боговъ. Знайте, его сдѣлалъ Вулканъ и по-„дарилъ своему возлюбленному Пелопсу въ

„день его свадьбы. Отъ Пелопса наслѣдовалъ „его Менелай. Когда сладострастный Парисъ похитилъ прекрасную Елену, вмѣстѣ „съ другими драгоцѣнными утварями онъ „взялъ и сей треножникъ. Корабль его, „при покровительствѣ Венеры, щастливо „достигъ сего берега; тутъ похищенная „красавица, исполнясь пророческаго духа, „сказала ему: ввергни треножникъ въ море; „боги опредѣлили ему быть виновникомъ „опустошительныхъ распрей. Парисъ ея „совѣта послушался. Друзья! послѣдуйте „его мудрому примѣру. Прекратите ссору, „и ввергните гибельной треножникъ въ глубину морскую. Вотъ вамъ совѣтъ нелестный и спасительный.“

Такъ онъ говорилъ. Но что можетъ слабый зефиръ противъ твердаго дуба, маленькой ручей противъ каменной скалы, полезный совѣтъ противъ всесильнаго корыстолюбія? Блескомъ золота глаза всѣхъ ослѣпились. Оскорбительный хохотъ, язвительныя насмѣшки, вотъ все, что произвела рѣчь Ктезифона. Споръ становился жарчѣе: такъ пламя, орошаемое мѣлкими каплями, сильнѣе разгорается. Уже схватили рыбаки свои орудія и грозили тяжелыми веслами.... Осторожный Ѳалесъ подошелъ къ Недіонѣ и шепнулъ ей на ухо: „Скорѣе, прекрасная, посовѣтуй имъ „избрать посредника.“

Тутъ начала говорить красавица. Ясно слышенъ былъ ея нѣжный голосъ сквозь осиплые крики мущинъ: такъ раздается сладкое пѣніе соловья сквозь грубыя пѣсни простыхъ лѣсныхъ птицъ. Всѣ слушали ея въ молчаніи и внимательно. Въ устахъ красавицы сладкія, обворожающія слова покоряютъ жесточайшія сердца, утушаютъ самыя пылкія страсти. Недіона едва говорить перестала, какъ со всѣхъ сторонъ раздалось: „Пусть рѣшитъ нашъ споръ „Архонтъ Милетскій!"

Рыбаки привязали свои лодки къ берегу, и вмѣстѣ съ Милетскими юношами, которые несли треножникъ, пошли къ Архонту. Недіона съ Ѳалесомъ остались на морскомъ берегу и долго еще прогуливались покойно и весело по цвѣтущимъ лугамъ.

Архонтъ присудилъ раздѣлить треножникъ: „Половину его" — сказалъ онъ — „возмите вы, рыбаки; а половину вы, Ми„летскіе юноши." Сей приговоръ ни тѣмъ, ни другимъ не понравился. „Пусть же боги рѣшатъ!" воскликнулъ съ гнѣвомъ Архонтъ, и назначилъ имъ Аполлона Дидимейскаго. „Пусть рѣшитъ Аполлонъ!" дерзновенно всѣ закричали, и немедленно отправили въ храмъ Аполлоновъ узнать святую волю его. Оракулъ отвѣчалъ:

„Драгоцѣнный треножникъ назначенъ му-„дрѣйшему.“

При семъ возсталъ новый раздоръ: кто есть мудрѣйшій? Какъ на обширномъ озерѣ произведенные плещущеюся рыбою маленькіе круги сначала распространяются быстро, потомъ медленно расширяются и наконецъ у береговъ съ тихимъ плескомъ изчезаютъ: такъ молва о божескомъ изрѣченіи распространялась по городу, и народъ Милетской, толпяся, собирался, большинствомъ голосовъ провозгласить мудрѣйшаго.

Рыбаки, потерявъ надежду, стояли печально, съ поникшими отъ разванія взорами. Сожалѣли, но поздно, что не согласились на приговоръ Архонта. Уже оракулъ изрекъ свою волю; кто же богамъ дерзнетъ возпротивиться?

Микарета, разцвѣтающая красавица, пробиралась сквозь народъ и спѣшила къ рыбаку Алфею. „Радуйся, любезный родитель!“ — вскричала она въ восторгѣ и бросилась обнимать его — „безмѣрно ра-„дуйся! я свободна! Мудрый Ѳалесъ, кото-„рому ты продалъ меня, былъ мнѣ отецъ „и учитель; его пріятельница Недіона раз-„дѣляла съ нимъ попеченія о моемъ воспи-„таніи. Микарета! сказалъ онъ вчера и

„подалъ мнѣ этотъ кошелекъ полный зо-
„лота, ты свободна; возвратись къ сво-
„ему отцу, будь щастливою супругою, и
„никогда не оставляй добродѣтели! Да на-
„градятъ тебя боги, мудрый Ѳалесъ! Зав-
„тра я хотѣла сѣсть на корабль, чтобы
„возвратиться къ тебѣ, любезный роди-
„тель! Но Эвримедонъ, корабельщикъ, ска-
„залъ мнѣ, что ты въ Милетѣ: о сколь
„я щастлива, что могу опять обнимать
„тебя!“

Глаза старца наполнились слезами. „О Ѳалесъ!“ — вскричалъ онъ — „ты „добродѣтельнѣйшій, мудрѣйшій изъ смер-„тныхъ! сколь щастливыми ты сдѣлалъ „меня и дочь мою! Поди, Микарета, по-„ди, разскажи Милетскому народу, сколь „великое благодѣяніе намъ оказалъ мудрецъ!“ Алфей съ прекрасною своею дочерью сталъ среди толпящагося народа, поднялъ руку и требовалъ вниманія. Всѣ умолкли. „Милетцы!“ — сказалъ онъ громко — „естьли добродѣтельный есть вмѣстѣ и муд-„рый, то Ѳалесъ мудрѣйшій изъ человѣ-„ковъ! Выслушайте, какъ великодушно по-„ступилъ онъ съ моею дочерью; выслушай-„те отъ нее самой, и почтите добро-„дѣтель!“ Скромно начала говорить Микарета. Слова текли изъ устъ ея такъ сладко, какъ течетъ драгоцѣнное вино изъ чаши, увитой розами. Она разсказала,

какъ отецъ ея, по крайней нуждѣ, продалъ ее Ѳалесу; съ какою нѣжностїю сей мудрецъ воспитывалъ и училъ ее какъ бы свою собственную дочь, и потомъ поручилъ Недїонѣ; какъ богато онъ одарилъ ее и возвратилъ ей свободу; и какъ онъ, подобнымъ образомъ, сдѣлалъ многихъ дѣвушекъ щастливыми. При семъ она показала народу кошелекъ, полный блистающаго золота. Еще Микарета не успѣла кончить своей рѣчи, какъ весь народъ вдругъ воскликнулъ: „Ѳалесъ добро„дѣтельнѣйшїй, Ѳалесъ мудрѣйшїй изъ „смертныхъ! ему принадлежитъ золотой „треножникъ!" Какъ удивились Ѳалесъ и прїятельница его Недїона, когда, при игранїи музыки и съ радостнымъ пѣнїемъ, золотой треножникъ положенъ былъ, неожиданно, у дверей его! Какая щедрая награда за усердныя ихъ попеченїя, когда они узнали, что все сїе было дѣйствїе благодарности юной ихъ воспитанницы! Смятенный мудрецъ отвѣчалъ скромно: „Отнесите тре„ножникъ въ храмъ Дидимейскаго Аполло„на: ибо одинъ Богъ премудръ!"

Село Покровское.

II. НАУКИ.

О солнцѣ, свѣтѣ и теплотѣ.

Въ одномъ изъ новыхъ любопытныхъ сочиненій (*) представлена теорія о существѣ солнца, свѣта и о дѣйствіи его на нашу землю. Весьма справедливо сказано тамъ, что солнце не горитъ; ибо, какъ бы оно велико ни было, должно бы въ теченіи вѣковъ примѣтно уменьшаться, и наконецъ превратиться въ пепелъ и головню.

Авторъ теоріи полагаетъ, что солнечный свѣтъ долженъ быть особливаго свойства, и дѣйствовать другимъ образомъ, нежели свѣтъ, происходящій отъ горѣнія земныхъ тѣлъ; и думаетъ, что солнечные лучи сами по себѣ холодны. Не имѣя въ себѣ ни малѣйшей теплоты, солнечный свѣтъ грѣетъ землю собственнымъ ея теплотворомъ, заключеннымъ во всѣхъ земныхъ тѣлахъ, изъ которыхъ онъ освобождается прикосновеніемъ и треніемъ солнеч-

(*) Санктпетербургскій карманный мѣсяцословъ на 1814 годъ.

ныхъ лучей съ атмосферою и поверхностію земли, гдѣ происходитъ несносный жаръ въ знойной странѣ, когда тамъ же высокія горы остаются покрыты всегдашнимъ снѣгомъ и льдомъ.

Признавая солнце источникомъ свѣта, Авторъ не почитаетъ оное состоящимъ изъ жидкаго свѣтотвора, а полагаетъ въ немъ холодную, твердую и темную массу, окруженную только атмосферою свѣта, и которой удѣльная тяжесть вообще равна тяжести нашей воды.

Изъ двухъ теорій о произхожденіи свѣта Г. Авторъ принимаетъ Невтонову, по которой свѣтъ истекаетъ отъ солнца во всѣ страны міра, подобно пахучему веществу, исходящему отъ курящагося тѣла. Таковое истеченіе предпочелъ онъ Эйлерову сотрясенію эфира по тому, говоритъ, что сотрясательнаго распространенія никакъ не можно приспособить къ законамъ, по которымъ свѣтъ дѣйствуетъ.

Вещество свѣта признаетъ Авторъ такъ тонкимъ, что не можетъ рѣшительно сказать, должно ли его причислять къ тѣлесному міру; и что протекутъ тысящи лѣтъ прежде, нежели поперечникъ солнца уменшится на одну секунду отъ

безпрерывнаго истеченія его свѣта. Солнце, говоритъ онъ, есть море, изъ котораго въ каждое мгновеніе истекаетъ безчисленное множество рѣкъ во всѣ стороны, и сколько намъ извѣстно, ни малѣйшій ручей въ него не возвращается; но со всѣмъ тѣмъ мы не примѣчаемъ, чтобы отъ сего безпрестаннаго истеченія свѣта вещество солнца хотя малѣйше убывало. По сему Авторъ и думаетъ, что кометы, пробѣгая многоразличными путями всю солнечную систему изъ края въ край, собираютъ разсѣянное по всему пространству вещество свѣта, безъ пользы солнцемъ изліянное, и подошедъ близко къ сему свѣтилу, возвращаютъ ему оное посредствомъ притягательной его силы. Но какъ услуга кометъ недостаточна къ возвращенію несмѣтной сей потери, то солнце, теряя въ другія системы міровъ свой свѣтъ, притягиваетъ за то чужой, излитый отъ другихъ солнцевъ въ его систему; и такое обращеніе свѣта, подобное обращенію крови въ животныхъ, связуетъ между собою отдаленнѣйшія солнцы, и вселенную сопрягаетъ въ одно цѣлое.“

Сія мысль показываетъ довольно неудачное покушеніе разума человѣческаго, представить механическимъ образомъ то, что находится внѣ области механизма.

Ежели бы солнечный свѣтъ былъ дѣйствительно вещественъ, то бы оная теорїя имѣла свою важность. Но есть ли свѣтъ не состоитъ изъ какихъ бы то ни было тонкихъ атомовъ и не принадлежитъ къ числу никакихъ ощущаемыхъ, ниже воображаемыхъ тѣлъ, то матерїальное о немъ понятїе остается безъ всякаго значенїя.

Величайшее чудо Природы состоитъ въ томъ, что она въ явственнѣйшихъ своихъ видахъ пребываетъ сокровеннѣйшею. Огонь, свѣтъ, теплота, стужа суть весьма ощутительны, но которыхъ сущность столько же не постижима для простыхъ людей, сколько не понятна и для ученыхъ, старающихся узнать оную по чувственнымъ и механическимъ соображенїямъ. Всѣ виды ощущаемой Природы суть внѣшнїя токмо явленїя внутренней ея сущности, которая сама не подлежитъ чувственнымъ нашимъ понятїямъ; и изъяснять оную чувственно, значитъ то же самое, что ловить тѣнь, или отраженные въ зеркалѣ предметы считать вещественными.

Что свѣтъ не состоитъ изъ тончайшихъ частичекъ, какъ обыкновенно думаютъ, и вовсе не есть матерїальный, сїе доказать можно тѣмъ, что онъ занимаетъ

и проходитъ свободно наполненное уже совершенно прозрачнымъ тѣломъ мѣсто, когда по физическому закону два тѣла на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одно и то же время находиться не могутъ. Воздухъ, вода, стекло и другія прозрачныя тѣла такъ проницаемы для свѣта, что онъ занятое ими мѣсто наполняетъ, какъ бы совершенно пустое. Свѣтъ, отъ одного свѣтила наполняющій извѣстное пространство, ни мало не мѣшаетъ свѣту, отъ другаго, или множайшихъ свѣтилъ происходящему, наполнять равнымъ образомъ то же самое пространство, гдѣ каждый остается по себѣ, не смѣшиваясь одинъ съ другимъ, чего съ матеріяльнымъ качествомъ согласить не можно. Какая бы тонкая и упругая матерія свѣта ни была, не могла бы она въ одно мгновеніе проходить и наполнять неизмѣримое пространство отъ неподвижныхъ звѣздъ до нашихъ глазъ. По симъ и другимъ еще доказательствамъ никакой вещественности свѣту приписать не можно, хотя также не слѣдуетъ считать его ничтожнымъ; ибо онъ существуетъ очевидно и преимущественнѣе всякой матеріи. Свѣтъ, объемля и наполняя освѣщаемое имъ пространство, не занимаетъ въ немъ ни малѣйшей точки и не требуетъ никакого времени для прохожденія отдаленнѣйшихъ разстояній;

слѣдовательно онъ безпредѣленъ; когда каждый атомъ, какой бы то ни было тонкой матерїи занимаетъ свое мѣсто въ пространствѣ, и отъ одного къ другому проходитъ въ извѣстное время, а посему всякое вещество есть ограничено.

Ежели свѣтъ не принадлежитъ къ тѣлесному мїру, какъ и самъ Авторъ въ томъ сомнѣвается, то его слѣдуетъ отнести къ духовному: и тогда не будетъ удивительно, что его ни словить, ни запереть, ни взвѣшивать, ни разлагать, ни составлять не можно. И такъ свѣтъ есть духъ неорганической природы, показывающїйся только въ тѣлесномъ видѣ, — тотъ самый духъ, которой въ собственномъ, или духовномъ его видѣ, обнаруживается мыслями человѣка, какъ совершеннѣйшаго въ органической природѣ на землѣ.

Матерїалисты не могутъ увѣриться о невещественности свѣта по тому, что они занимаются одною ощущаемою и видимою стороною Природы, не касаясь противной, то есть неосязаемой и невидимой, гдѣ находится самая сущность свѣта, понятная токмо для умозрѣнїя. Несправедливость и противорѣчїя въ обыкновенныхъ физическихъ теорїяхъ суть необходимыя слѣдствїя односторонняго раз-

сматриванія Природы, которой всѣ явленія происходятъ отъ единственной, недѣлимой ея цѣлости; и не знавши самой причины, не можно понять никакихъ ея дѣйствій.

Солнечный свѣтъ и свѣтъ, происходящій отъ горѣнія земныхъ тѣлъ и электрическихъ дѣйствій, есть одинъ и тотъ же. Хотя онъ большею частію сопряженъ съ теплотою, но сія есть особенное явленіе въ Природѣ, также невещественное какъ и свѣтъ. Солнечные лучи, не будучи тѣлесными, не суть по себѣ ни теплы, ни холодны, не трутся съ атмосферою и земною поверхностію, подобно сѣченію стали съ кремнемъ, какъ говоритъ Авторъ; и слѣдовательно не освобождаютъ изъ земныхъ тѣлъ заключеннаго здѣсь, по его мнѣнію, теплотвора. При невещественности свѣта, истеченіе его отъ солнца, разсѣяніе въ его системѣ и потеря въ чужихъ мірахъ суть только игра воображенія, которое также произвольно опредѣляетъ значеніе кометъ въ солнечной системѣ, вмѣняя имъ въ должность собирать разсѣянный свѣтъ и доставлять оный солнцу.

Какъ солнце не горитъ, такъ и кометы не состоятъ изъ огненнаго веще-

ства; ибо свѣтъ ихъ ни чуть не показываетъ настоящаго пламени, а болѣе имѣетъ видъ электрическаго сїянїя. Кометы сїяютъ собственнымъ свѣтомъ, когда планеты и спутники ихъ освѣщаются только солнечнымъ. Чрезвычайно скорый ихъ бѣгъ въ пространнѣйшемъ, неопредѣленномъ пути солнечной системы доказываетъ большую ихъ неограниченность и меньшую зависимость отъ солнца. Посему кометы должны быть гораздо превосходнѣе планетъ, движущихся несравненно медленнѣе и въ извѣстномъ пути около солнца, которымъ онѣ освѣщаются и согрѣваются.

Произхожденїя свѣта въ солнцѣ и согрѣтїя онымъ земли не можно представить ни по Невтонову истеченїю, ни по Эйлерову сотрясенїю, которые суть поверхностные, механическїе способы, когда напротивъ того сїянїе солнца и дѣйствїе его на планеты происходитъ внутреннимъ органическимъ процессомъ солнечной системы, какъ единаго живаго тѣла, образовавшагося въ разные члены. Цѣлость солнечной системы представлена въ самомъ солнцѣ, а кометы и планеты съ ихъ спутниками составляютъ части онаго, которыя всѣ дѣйствуютъ взаимно между собою внутреннею ихъ силою, принадлежатъ и влекутся къ солнцу, какъ части къ цѣ-

лому. Наружность совершеннѣйшаго сего организма видимъ мы въ самобытности каждаго изъ его членовъ, въ ихъ разстояніи, движеніи и опредѣленномъ теченіи около главнаго ихъ центра; а внутренность должна состоять въ особливомъ веществѣ каждаго, въ свойственномъ оному произведеніи, въ сообразномъ вліяніи на составъ цѣлаго организма, и въ извѣстной зависимости отъ онаго. Кометы и планеты безъ солнца были бы то, что члены тѣла человѣческаго безъ головы; и напротивъ того солнце безъ кометъ и планетъ оставалось бы подобнымъ головѣ безъ членовъ.

Свѣтъ солнца происходитъ вліяніемъ на оное планетъ, которыхъ теплота происходитъ въ нихъ же самихъ, но дѣйствіемъ солнца. Таковая взаимность совершается электрическимъ образомъ; и солнце, находясь въ безпрерывной электризаціи съ планетами, какъ положительное тѣло съ отрицательнымъ, внутреннее свое состояніе обнаруживаетъ свѣтомъ, который есть величайшая электрическая искра въ мірѣ. Ежели бы отнять отъ солнца его планеты, то оно, оставаясь на томъ же мѣстѣ и пребывая въ своемъ качествѣ, тотчасъ бы угасло.

Какъ въ солнцѣ происходитъ свѣтъ, такъ на землѣ раждается теплота, кото-

рая есть произведенїе электрическаго ихъ дѣйствїя съ отрицательной его стороны. Электрическїй процессъ вообще есть живое дѣйствїе не органическихъ тѣлъ, — то самое, которое въ животномъ организмѣ оказывается раздражительностїю и движенїемъ. Электризуемыя тѣла суть разнокачественны, электризацїя состоитъ въ дѣйствительномъ усилїи двухъ тѣлъ прїйти изъ различнаго ихъ качества въ одинаковое, общее обоимъ. Здѣсь происходитъ перемѣна во внутреннемъ составѣ одного тѣла на счетъ и по мѣрѣ таковой же перемѣны въ другомъ; при чемъ нѣтъ никакой электрической матерїи, принимаемой обыкновенно для истолкованїя электрическихъ явленїй; но всѣ таковыя суть наружныя произведенїя внутренней перемѣны самыхъ тѣлъ.

Солнце, электризуясь со своими планетами, силится содѣлать ихъ равнокачественными себѣ, отъ чего зависитъ притягиванїе планетъ къ солнцу, какъ однородныхъ частей къ цѣлому; и свѣтъ солнца изъявляетъ въ немъ, какъ въ центральномъ тѣлѣ, происходящую одинакость съ периферическими его членами. Солнечный свѣтъ есть настоящїй образъ единственной души мїра, представляемой въ

цѣлости его системы, когда свѣтъ отъ всякаго пламени на землѣ показываетъ оную въ частномъ токмо отраженіи.

Планеты со своей стороны усилива-ются быть также одинакими съ солнцемъ, но въ собственномъ ихъ качествѣ; почему происходитъ въ оныхъ двоякое состояніе: одно, когда онѣ подвергаются могуществу солнца, а другое, когда преимуществуютъ въ своей силѣ. Оба состоянія земли суть постоянны и перемѣнчивы, — постоянны подъ экваторомъ и полюсами, а перемѣнчивы между экваторомъ и поворотными кругами. Подъ экваторомъ владычествуетъ вліяніе солнца надъ землею, отъ чего зависитъ стремленіе земли къ солнцу, годовое ея обращеніе вокругъ онаго и всегдашняя дневная теплота на семъ поясѣ. Въ полюсахъ, напротивъ того, господствуетъ сила земли, по которой удерживается она на своей оси, обращается около себя и пребываетъ всегда холодною подъ оными. Въ умѣренныхъ поясахъ температура перемѣняется по преимущественному въ оныхъ качеству экватора, или полюсовъ. Лѣтомъ сѣверный поясъ находится въ качествѣ экватора, подъ господствующимъ вліяніемъ солнца, отъ чего и зависитъ теплота на ономъ; а зимою имѣетъ онъ свой-

ство полюса, пребывающаго въ преимущественной силѣ земли, которая и производитъ здѣсь стужу.

И такъ теплота и стужа не происходятъ отъ какихъ либо особенныхъ веществъ, но суть внѣшнія явленія внутренняго состоянія земли относительно къ солнцу. Въ обыкновенной физикѣ теплотворъ считается особливымъ, тончайшимъ, проницательнымъ веществомъ, коего присутствіемъ изъясняютъ теплоту, а отсутствіемъ стужу; но таковое понятіе о теплотѣ и стужѣ есть не основательно, когда мнимаго теплотвора нѣтъ и въ Природѣ.

Какъ свѣтомъ изъявляется сущность Природы со стороны ея дѣйствія или духа, такъ теплотою обнаруживается она со стороны бытія или тѣла. Теплота тѣлъ происходитъ отъ ослабленія связи отдаленнѣйшихъ атомовъ ихъ состава, а холодъ отъ усилія той же связи; и теплота тѣлъ есть напряженіе къ разрушенію въ нихъ особенности и прехожденію въ одинакое (жидкое) состояніе составныхъ ихъ частицъ, а холодъ состоитъ въ напряженіи тѣла къ утвержденію своей особенности и пребыванію въ оной. Посему всѣ

тѣла въ теплотѣ расширяются, а въ холодѣ сжимаются. Горящее тѣло находится въ дѣйствительномъ разрушеніи его состава, при чемъ обнаруживается свѣтъ и теплота: тотъ какъ собственное начало дѣйствія, а сія какъ единообразіе бытія матеріи.

Лѣтняя теплота и зной на землѣ ни чуть не зависятъ отъ развившагося изъ ея тѣлъ теплотвора; равно какъ и зимняя стужа не происходитъ отъ сокрытія онаго въ тѣлахъ: но онѣ суть слѣдствія различныхъ напряженій земли, которая лѣтомъ приходитъ въ состояніе сообразное солнцу, а зимою пребываетъ въ усиленной ея особенности. Перемѣнная температура и погода во всякое годовое время происходятъ также отъ безпрерывнаго напряженія земли въ электрическомъ ея дѣйствіи съ солнцемъ, при чемъ она въ разныхъ ея странахъ оказывается различною.

Касательно вещества солнца, Г. Авторъ говоритъ справедливо, что мы онаго знать не можемъ, хотя притомъ удѣльную тяжесть солнечной массы вообще полагаетъ онъ равною тяжести нашей воды; чему однако повѣрить трудно. Вещество солнца,

кометѣ, планетѣ и ихѣ спутниковѣ должно быть вѣ каждомѣ различно; отѣ чего зависитѣ отдѣльное пребыванїе каждаго, взаимное отношенїе и дѣйствїе между оными. Но судя по важности солнца вѣ системѣ мїра и наружному его великолѣпїю, вещество его и всѣ на немѣ произведенїя должны быть несравненно превосходнѣе тѣхѣ, изѣ которыхѣ состоитѣ наша земля.

Докторъ Велланскій.

1 Марта 1814.
Вѣ Санктпетербургѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ (*).

Отрывокъ изъ поэмы: Сады.

Но да сокроется отъ дневнаго сіянья
Убѣжище любви, убѣжище молчанья!
Такъ вкусъ сокрылъ въ тѣни сей Радзивильскій храмъ,
Вдали чуть видимый, вблизи открытъ очамъ,
На тихомъ островѣ, въ пустынѣ сладострастной,
Онъ веселъ, простъ, великъ; молчанье, сумракъ ясной,
И во святилищѣ таящійся Эротъ,
И тихій шумъ деревъ, и тихій шопотъ водъ,
И сладкое цвѣтовъ окрестъ благоуханье,
И въ гладкомъ озерѣ лазури трепетанье,
И зримый на холмѣ разрушившійся храмъ,
И мирныя стада, безпечно спящи тамъ,
Гдѣ встаринубъ ихъ кровь дымилась предъ богами, —
Все слито здѣсь въ одной картинѣ передъ нами.

Но что веселая пріятность зданій сихъ,
И свѣжая краса, и блескъ, и младость ихъ
Передъ священными развалинъ сѣдинами:
Громады стѣнъ, столповъ, набросанныхъ вѣками,

(*) Онѣ помѣщены ошибкою въ семъ отдѣленіи; ихъ надлежало помѣстить въ изящной словесности.

Отъ нихъ отрадныя пріемлемъ наставленья:
Смотря какъ падаетъ и мавзолей, и храмъ,
И пышныя врата, и лики въ честь вождямъ,
Мы предаемъ себя потоку перемѣны,
Не сѣтуя на рокъ. Такъ падшей Карѳагены
Обломки мертвые гонимый Марій зрѣлъ,
И услажденіе печали въ нихъ обрѣлъ.

Развалинъ пышностью сады обогатятся.
О ты! съ которою люблю межъ нихъ скитаться,
Которая ведешь, незримая, толпой
Создателя садовъ въ путь новый за собой,
Ты живописи другъ, поэзія, мой геній!
Приди одушевить картину разрушеній,
Для вкуса обнаружь развалинъ красоты,
Руки Сатурновой глубокія черты.
Здѣсь опустѣвшая часовня передъ нами;
Въ ней древлѣ сонмы женъ, дѣтей и дѣвъ съ дарами,
Передъ ступенями простертыхъ олтаря,
Молили о плодахъ небеснаго Царя!
Преданье и поднесь развалинъ сихъ хранитель.

Тамъ замокъ: встарину округи всей властитель,
Онъ неприступною твердыней окруженъ,
До облакъ возносилъ гордыню грозныхъ стѣнъ;
Онъ былъ, въ ужасны дни раздоровъ и смятеній,
Свидѣтель славныхъ битвъ и дивныхъ похожденій
Баярдовъ, Генриховъ и славы древнихъ лѣтъ —
Днесь жатва на его развалинахъ цвѣтетъ.
Сія угрюмыя, разрушенныя стѣны,
На коихъ муравы лежитъ покровъ зеленый,

И въ дикости своей обворожаютъ взглядъ;
Онѣ слѣды вѣковъ промчавшихся хранятъ!
Добыча варваровъ, войны, землетрясенья,
Сіи остатки вратъ, сіи ряды зубцовъ,
Гдѣ птица въ тишинѣ таитъ своихъ птенцовъ,
Пріютъ спокойныхъ стадъ въ обителяхъ побѣды,
Дитя играющій, гдѣ ратовали дѣды;
Веселый миръ и брань, смиреніе и спѣсь....
Присвой садамъ сію противорѣчій смѣсь!

Тамъ древній монастырь, покинутый, забвенный,
Вдругъ открывается пустыней окруженный.
Какъ тихо все окрестъ! Полуночной порой,
Здѣсь Размышленіе съ потупленной главой
Сидитъ, на темный храмъ вперивъ прискорбны взгляды,
Гдѣ древлѣ узницы, какъ блѣдныя лампады,
Предъ ликами Святыхъ возженныя въ ночи,
Или какъ хладныя надъ мертвыми свѣчи,
Пылали, таяли и тихо угасали.
Здѣсь благодать, и миръ, и вѣра обитали.
Трапеза, келій рядъ, гробницы, мшистый сводъ,
Вокругъ монастыря идущій крытый ходъ,
Помостъ, колѣнями молящихся избитый,
Мракъ оковъ и олтарь, въ Святилищѣ сокрытый,
Гдѣ дѣвы, можетъ быть, не смѣя узъ прервать,
Неумолимаго дерзали умолять,
Къ погибшимъ радостямъ душой перелетали,
И робкую слезу у вѣры похищали....
Все сердцу говоритъ среди сихъ мрачныхъ стѣнъ:

И путникъ къ симъ мѣстамъ мечтою заведенъ,
Здѣсь мыслитъ подъ вечеръ ненастный и уны-
лой
Зрѣть Элоизы тѣнь стѣнящу надъ могилой.

Воейковъ.

Мечта воображенія.

Бывъ сраженный лютымъ рокомъ,
Потерявши дочь мою,
И въ уныніи глубокомъ
Ненавидя жизнь свою,
Бродилъ я — куда? не зная;
Лишь въ молчаніи рыдалъ;
Имя Лизы повторяя,
Горьки слезы проливалъ.
Съ угасающей зарею
Вѣръ былъ сопутникъ мнѣ,
И туманы надъ рѣкою
Разливались въ тишинѣ —
Все покрылось темной мглою
Скрылся лунный блѣдный свѣтъ;
Я, бесѣдуя съ тоскою,
Шелъ все далѣе впередъ.
Колокольный звукъ унылой
Далъ знать сердцу — и въ стѣнахъ
Я нашелся надъ могилой,
Гдѣ въ землѣ сокрытъ былъ прахъ
Той, которую наградой
Въ жизни горестной считалъ,
Кто была моей отрадой,
Въ комъ я душу полагалъ.
„О мой другъ! моя Лизета!"
Я, упавъ на землю, рекъ;

„Ты сего лишилась свѣта,
„Ранній твой скончался вѣкъ!
„Услышь съ горняго чертога
„Вопль нещастнаго отца!
„Проси помощи отъ Бога,
„Мнѣ съ терпѣньемъ ждать конца!“
Вдругъ Природа озарилась
Яркимъ свѣтомъ! . . . въ тѣ часы
Дочь моя ко мнѣ явилась,
Ангельски имѣвъ красы:
Ризы изъ лучей свѣтящихъ,
Юностью лице цвѣло,
И вѣнецъ изъ звѣздъ блестящихъ
Украшалъ ея чело —
Всей красы ея чудесной
Не возможно описать, —
И съ гармоніей небесной,
Начала ко мнѣ вѣщать:

„Не грусти о мнѣ, родитель,
„Горькихъ слезъ не проливай!
„Богъ нещастнымъ покровитель, —
„На Него ты уповай;
„Смертнымъ всѣмъ одна дорога,
„Раноль, поздноль, а придетъ;
„Я щастлива въ нѣдрѣ Бога,
„И печалей тамо нѣтъ;
„Лишь однѣ меня смущаютъ
„Горьки жалобы твои,
„И на время прерываютъ
„Вѣчны радости мои.
„Я молитвы проливаю
„За тебя, родитель мой,
„Всеблагаго умоляю
„Даровать тебѣ покой.
„Такъ предписано судьбою,

„Ей не льзя противустать;
„Въ лучшемъ мірѣ мы съ тобою,
„Вѣрь — увидимся опять.

Аф. . . . Юр. . . . .

Путь жинзи.

Когдабъ сей жизни на пути
Всѣ страсти нами не владѣли,
Тогдабы смертные умѣли
Блаженство безъ труда найти.
Но здѣсь, сіяньемъ ослѣпленны,
Мы ловимъ золото въ грязи;
Тамъ, вихремъ свѣта увлеченны,
Живемъ съ пороками въ связи;
Гдѣ истина, тамъ ложъ находимъ;
Гдѣ пропасть, тамъ пріятный путь:
Во мракѣ *на удачу* бродимъ,
Чтобъ послѣ съ горемъ отдохнуть.

Д. Гл. Б. въ.

III. ЛИТТЕРАТУРА.

О Новой Элоизѣ.

Письмо Россіянки.

Столько было писано и говорено о семъ романѣ, что всякое новое замѣчаніе можетъ показаться излишнимъ, или обыкновеннымъ; но Руская можетъ сказать свое мнѣніе для Руской, для тебя, моего друга, не заботясь о мнѣніи свѣта, Авторовъ и Французовъ. Впрочемъ, ни одинъ изъ ихъ литтераторовъ (*), сколько мнѣ извѣстно, не замѣтилъ, какое дѣйствіе имѣютъ первыя письма новой Элоизы на сердцѣ, истинно благородное въ отношеніи къ главной страсти, столь мастерски описанной.

Достойно удивленія, что Руссо, который хотѣлъ представить своихъ любовниковъ столь нѣжными и разборчивыми, во многихъ мѣстахъ противорѣчитъ сему намѣренію и сему чувству нѣжности. Не льзя

(*) Ла-Гарпъ, Мармонтель, Сталь, Жанлисъ, естьли угодно Мерсье, и проч.

не замѣтить того, читая первыя письма романа. Едва признаніе любви вырвалось изъ устъ отчаянной Юліи, и щастливый любовникъ чрезъ нѣсколько дней ропщетъ уже на ея строгость въ обхожденіи, и не довольствуясь сердцемъ красавицы, смѣетъ говорить ей въ письмахъ о движеніи грубыхъ чувствъ своихъ, какъ будто бы невинность могла разумѣть и должна слышать такой языкъ безстыдный: „Долго ли очамъ моимъ" пишетъ Сен-Пре къ Юліи, „долго ли очамъ пожирать тѣ пре„лести, до которыхъ уста мои не смѣютъ „никогда прикасаться? . . . . Ты будешь „для меня предметомъ всегдашняго почте„нія; но могу въ иное время забыться, „и упоеніе чувствъ можетъ довести до „такого преступленія, котораго ужаснул„ся бы я самъ въ другое время, въ часъ „хладнокровнаго спокойствія." Это ли языкъ нѣжнаго любовника? Кому осмѣливается онъ представлять вмѣсто почтительной нѣжности сердечной порочную картину чувственныхъ движеній и любовнаго сладострастія? Молодой дѣвушкѣ, достойной его уваженія, слѣпой любовію къ нему доведенной до крайности, пожертвовавшей ему добрымъ именемъ, женскою стыдливостію, дочернею должностію. Не самъ ли онъ произнесъ свое осужденіе, когда въ первомъ письмѣ сказалъ такъ пре-

красно: „Не страшитесь, прекрасная Юлїя, „не забудусь до того, чтобы говорить „рѣчи неприличныя и васъ недостойныя; „никогда не нарушу того почтенїя, кото- „рое имѣть обязанъ, не столько къ роду „вашему, сколько къ вашимъ добродѣтелямъ.“ Можно ли ожидать, что тотъ же самый любовникъ будетъ досадовать на то, что приносимыя имъ жертвы въ угожденїе любви и добродѣтели стоятъ ему усилїя, а ей не стоятъ никакого труда? И чего онъ хочетъ? чего требуетъ? Того ли, чтобы невинность обрекши сама себя на погибель, дала ему и себѣ волю въ движенїяхъ чувства, сказала съ безстыдствомъ Аспазїи, или Нинолы: владѣй мною и удовлетворяй твоимъ восторгамъ! Нѣтъ! истинная любовь бережетъ честь своего предмета; и естьли самая безпорочная склонность ея не разлучна съ восторгами пылкихъ желанїй, то по крайней мѣрѣ уваженїе къ любовницѣ повелѣваетъ добродѣтельное молчанїе. Можетъ ли любовникъ, не оскорбляя женскаго достоинства, позволить себѣ говорить дѣвушкѣ о тѣхъ порочныхъ желанїяхъ, которыя возбуждаетъ красота ея? Никогда; или любовь его достойна презрѣнїя. Но этого еще не довольно: Юлїя въ состоянїи дѣвической невинности, конечно незнакомая съ тѣми желанїями, о которыхъ пишетъ къ ней Сен-Пре, Юлїя

понимаетъ его, не стыдится понимать и отвѣчаетъ ему въ томъ же смыслѣ: „Разу-„мѣю" говоритъ она, „удовольствія порока, „и честь добродѣтели принесли бы лест-„ный тебѣ жребій! Развѣ въ томъ со-„стоитъ мораль твоя? . . . Скоро, мой „другъ, скоро наскучило тебѣ великодушіе!" Боже мой! какъ можетъ стыдливая краса-вица, не потерявъ послѣдняго уваженія къ добродѣтели, сказать: *разумѣю тебя*, когда любовникъ говоритъ ей о самыхъ низ-кихъ стремленіяхъ чувства, естьли и предположимъ, что она можетъ въ такихъ юныхъ лѣтахъ имѣть понятіе о другихъ наслажденіяхъ въ любви, кромѣ сердечныхъ. Все, что не пишетъ она въ семъ письмѣ къ любовнику, есть грозное для него осуж-деніе, вѣрное доказательство непочтитель-ной любви, и справедливѣйшая укоризна, но которой надлежало быть въ сердцѣ Сен-Пре, въ устахъ моралиста, а не на языкѣ доб-родѣтельной Юліи, пишущей къ другу серд-ца. Но Руссо не имѣлъ и намѣренія со-крыть неблагопристойность сего рода. Мы усомнились выше, чтобы Юлія знала нѣко-торыя любовныя таинства; а сочинитель романа не оставляетъ даже повода къ со-мнѣнію: ибо героиня его признается въ томъ же письмѣ, что *сердце ея тре-буетъ любви, но чувства не требу-ютъ любовника*. Можетъ быть насмѣш-

ники скажутъ, что она не слишкомъ еще свѣдуща для своего возраста и пола; но мы замѣтимъ, вопреки забавникамъ, что она слишкомъ откровенна для женщины хотя и въ тайной перепискѣ любовной.

Красноречивое письмо о первомъ поцѣлуѣ любви имѣетъ для меня тотъ же порокъ и недостатокъ. Великодушная любовница за терпѣніе и снисходительность друга обѣщаетъ ему въ награду пріятное удивленіе, котораго онъ не ожидаетъ; и въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней позволяетъ ему поцѣловать себя въ уединенной рощѣ Кларансовой, но въ присутствіи неразлучной съ нею подруги Клеры. Мнѣ кажется, что въ подобныхъ обстоятельствахъ истинный любовникъ написалъ бы благодарное письмо совсѣмъ не въ томъ духѣ и тонѣ, съ какимъ написано письмо Сен-Пре къ Юліи. Смятеніе и воспаленіе всѣхъ чувствъ, произведенныя симъ поцѣлуемъ, какъ говоритъ Сен-Пре, не помѣшали бы, кажется, чувствительному и прямо нѣжному любовнику наложить на себя молчаніе о дѣйствіи сего поцѣлуя на чувства, чтобы дать волю говорить одному сердцу, преисполненному любви и благодарности. Юлія сохраняла еще свою невинность, и дѣвическое состояніе требовало языка бережливаго, а не вольнаго; развѣ Сен-Пре хотѣлъ наказать ее симъ языкомъ за изли-

щество женской слабости, и за примѣръ, соблазнительный для обоихъ половъ. Однимъ словомъ, вижу въ семъ письмѣ краснорѣчиваго Автора; но едва узнаю чувствительнаго любовника и добродѣтельнаго мущину.

Не скажу того о нѣсколькихъ строкахъ, начертанныхъ любовникомъ въ кабинетѣ Юліи передъ ночнымъ свиданіемъ, и о письмѣ, къ ней написанномъ на другой день послѣ сего свиданія. Тогда любовь могла являться безъ покрывала и говорить безъ таинства; ибо они были уже *полными* любовниками.

Между неестественными и недобродѣтельными поступками полагаю замужество Юліи. Нѣтъ сомнѣнія, что она могла, въ угожденіе родителямъ, по нѣкоторомъ позднемъ раскаяніи, разорвать порочную связь съ любовникомъ, чтобы навсегда оплакивать заблужденіе молодости; но могла ли безъ преступленія, должна ли была безъ предварительнаго объявленія о своей любовной слабости вступить въ супружество съ другимъ мущиною, для котораго молчаніе ея было обманомъ? Правда, Вольмаръ зналъ о ея любовной связи, но зналъ не отъ нее; и этого довольно для ея обвиненія.

Естьли для многихъ кажется невѣроятною довѣренность гостепріимнаго мужа,

который позволяетъ старинному любовнику жить у себя въ домѣ, то мнѣ кажется еще невѣроятнѣе согласїе послѣдняго на предложенїе поселиться въ домѣ Вольмара, чтобы проводить мучительную жизнь среди вѣрныхъ супруговъ; изъ которыхъ одна была нѣкогда его любовницею, а другой былъ похитителемъ его правъ и щастїя, среди ихъ дѣтей, которыхъ образъ не могъ не терзать его вѣчнымъ сожалѣнїемъ, среди жестокихъ искушенїй, которымъ надлежало доводить его до послѣдняго отчаянїя. Здѣсь Авторъ, соблюдая нравственную благопристойность, удалился отъ естественнаго хода страстей и отъ опытовъ человѣческаго сердца. Кто на мѣстѣ Сен-Пре выдержитъ безъ отчаянїя всегдашнее присутствїе Юлїи и неразлучныя съ тѣмъ воспоминанїя на вѣки потеряннаго блаженства, тотъ не любитъ, или не любилъ; и, какъ говоритъ главный герой романа, тотъ достоинъ паденїя, кто поднимаетъ трудъ свыше силы человѣческой. Конечно добродѣтель не позволяла даже мыслить прежнему любовнику о нарушенїи того священнаго союза, который соединялъ согласныхъ супруговъ, достойныхъ его зависти; но тѣмъ болѣе повелѣвало ему мудрое благоразумїе и справедливая недовѣрчивость къ самому себѣ, не подвергаться тѣмъ искушенїямъ,

которыхъ жестокость была не въ соразмѣрности съ человѣческою природою. Лучшее письмо въ романѣ о прогулкѣ по озеру есть вѣрная и прекрасная картина того страданія, отъ котораго надлежало вѣчно кипѣть сердцу безщастнаго друга Юліи; и оно доказываетъ, что сердечная слабость была готова погубить обоихъ любовниковъ, естьлибъ возобновлялись для нихъ уединенныя прогулки.

Въ семъ отношеніи большая часть тѣхъ превосходныхъ писемъ, гдѣ Сен-Пре разпространяется о пріятностяхъ, забавахъ и порядкѣ Вольмарова дома, кажутся мнѣ неестественными. Могъ ли онъ спокойно разбирать, наблюдать, описывать отчаянную картину того домашняго и семейственнаго щастія, которому надлежало быть его собственнымъ удѣломъ, естьли бы судьба не поставила къ тому вѣчной преграды? Нѣтъ конечно; но естьли не имѣютъ тѣ письма истины и вѣроятности, за то онѣ служатъ образцами изящнаго слога, вкуса и таланта.

То же должно сказать о цѣломъ романѣ, котораго главное достоинство состоитъ въ искусствѣ живописнаго пера. Многія письма могутъ почитаться въ одно время мастерскими произведеніями авторскаго дарованія и любовнаго краснорѣчія. Предпочтительный выборъ нѣкоторыхъ писемъ

есть дѣло особеннаго вкуса для каждаго читателя. Что касается до меня, то, предпочитаю всѣмъ другимъ мѣстамъ въ Новой Элоизѣ трогательное сожалѣнїе Юлїи о потерѣ тѣхъ добродѣтелей, которыми нѣкогда любовь украшалась въ невинной связи ихъ сердецъ; сердечное излїянїе щастливаго любовника послѣ ночи, бывшей покровомъ и свидѣтельницей таинственной любви ихъ; описанїе перваго свиданїя по замужствѣ Юлїи; катанье по озеру и прогулка въ Мельери; письмо, гдѣ Сен-Пре говоритъ о нещастномъ атеизмѣ Вольмара, и о сердечной ангельской вѣрѣ чувствительной Юлїи, огорченной мнѣнїями супруга; наконецъ, плѣнительныя картины тѣхъ семейственныхъ радостей, которыми добродѣтельная уже мать и супруга умѣла окружить въ домѣ мужа, дѣтей, отца, всѣхъ родственниковъ и друзей своихъ.

Но, по моему мнѣнїю, несправедливо думаютъ нѣкоторые критики, что главное произшествїе сего романа не имѣетъ моральной цѣли. Не желаю быть защитникомъ вредныхъ для нравственности книгъ; но я не вижу основанїя сего мнѣнїя. Изъ новой Элоизы можно вывести то же нравоученїе, какое мы извлекаемъ изъ Ричардсоновой Клариссы, которую приводятъ обыкновенно въ сравненїе и въ опроверженїе

Руссовой — Элоизы. Мы видимъ во Французскомъ романѣ (то же, что и въ Англійскомъ), какъ молодая дѣвушка, украшенная отъ природы всѣми достоинствами сердца и разума, переступивъ за границу обязанностей своего пола и довѣренности къ родителямъ, увлечена неосторожною любовію въ бездну стыда и злополучія; видимъ, какъ добродѣтельная женщина, съ благородными правилами, не должна вѣрить ни уму, ни сердцу въ опаснѣйшей изъ страстей человѣческихъ, когда не руководствуетъ ею опытный разсудокъ, или просвѣщенный другъ; видимъ сверхъ того, какъ молодый человѣкъ, имѣя честныя намѣренія, а не злодѣйскіе умыслы Ловеласа, не можетъ однакожъ остеречься отъ заблужденія чувствъ своихъ, и не погубитъ, подобно послѣднему, ту, которой честь и спокойствіе должны быть для него дороже собственной жизни; видимъ, наконецъ, какъ молодые любовники не могутъ полагаться на ихъ взаимные обѣты, ибо въ сихъ случаяхъ чувства бываютъ всегда въ противорѣчіи съ языкомъ, а любовь съ добродѣтелью. Или я много ошибаюсь, или преступленіе любви нравоучительнѣе въ лицѣ слабаго Сен-Пре, нежели въ лицѣ звѣрскаго Ловеласа; ибо такіе совершенные злодѣи, каковъ обольститель Клариссы, рѣдки въ свѣтѣ, и по тому менѣе опасны; а добродушные, не

виновные юноши, какимъ по слабости сердца и чувствъ сдѣлался любовникъ Юліи, гораздо обыкновеннѣе и скорѣе могутъ показать примѣръ опасности для обоихъ половъ. Какой урокъ для молодыхъ людей! Сначала Сен-Пре и Юлія тайно любятъ другъ друга; но вмѣсто того, чтобы первому осудить себя на молчаніе передъ ученицею, изъ уваженія къ ея роду, къ ея обязанностямъ, къ святому долгу гостепріимства, а другой открыться въ сердечной склонности доброй матери, которая могла бы принять мѣры, требуемыя осторожностію, оба позволяютъ себѣ питать въ груди порочное пламя, и даже вступаютъ въ переписку, которую строгая нравственность не можетъ никогда позволить. — Какія же гибельныя послѣдствія! Едва сей первый шагъ сближилъ любовниковъ, и бездна грозитъ разкрыться подъ ихъ ногами! Какъ чистосердечно обнадеживаетъ свою подругу неопытный молодой человѣкъ, что она не имѣетъ причины остерегаться отъ восторговъ любви его, и какъ нечувствительно ведетъ ее и себя на край пропасти къ безчестію и преступленію! Добрый Швейцарецъ дорожитъ спокойствіемъ достойной красавицы, а самъ лишаетъ ее перваго блага въ жизни — чести и добраго имени! Красавица вѣритъ добродѣтели, и порочною связію убиваетъ

тѣхъ, которымъ обязана жизнїю, благодарностїю и совершенною покорностїю! Ничто не можетъ оправдать ихъ; но они оправдываютъ себя любовїю: страшный примѣръ для неосторожнаго юношества и убѣдительное доказательство, что всякая страсть приноситъ только ослѣпленїе, а непозволительная связь горестныя бѣдствїя! Виновная и раскаявшаяся дочь исполняетъ наконецъ волю родителя, и заглаживаетъ отчасти свое преступленїе; но чего стоитъ ей позднее раскаянїе, вѣчный разрывъ любви, жестокїя воспоминанїя невозвратнаго? кто согласится за нѣсколько быстрыхъ мгновенїй радости принять тѣ безпрерывныя муки и страданїя, которыя терпѣли оба любовника въ жизни? Никто конечно, естьли онъ умѣетъ только войти въ ихъ чувства и положенїя. Вотъ нравоученїе, которое само собою представляется для читателей романа. Естьли же картина любви склоняетъ болѣе къ сердечной слабости, нежели удаляетъ отъ нее чрезъ тайныя нравоученїя, то сей упрекъ долженъ относиться не къ Новой Элоизѣ, но ко всѣмъ романамъ вообще, которыхъ разсмотрѣнїе не принадлежитъ уже къ предмету моего письма.

Новыя открытія въ Помпеѣ.

Извѣстно, что Помпея, древній городъ въ Неаполитанскомъ Королевствѣ, сокрылся, какъ и Геркуланъ, отъ изверженія Везувія въ 76 году по Р. Х. и въ первый годъ Титова царствованія. Естьли вѣрить баснословію, то сіи оба города имѣли своимъ основателемъ Геркулеса Финикійскаго; но Исторія сказываетъ только, что Помпейское болото, Pompeia palus, находилось въ сосѣдствѣ Геркуланума, и что была съ той стороны пристань, способная для нагруженія кораблей. Крестьяне отрыли сей древній городъ, перекапывая землю близъ рѣки Сарно для садки деревъ. Копка началась въ 1755 году. Съ того времени она была неистощимою и богатою жатвою для любителей древности. Безпокойства революціи не помѣшали ученымъ заниматься сими трудами, ни публики брать въ нихъ участіе. Отрытія 1812 года были самыя любопытнѣйшія, о которыхъ здѣсь сообщаемъ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ, около 21 числа, очищали большую улицу, засоренную пепломъ, и ведущую мимо храма Изиды. Добравшись до грунта земли на той улицѣ, отрыли входъ большаго портика передъ театромъ, и нашли среднюю часть колонны, стоявшей у входа. Работа производилась далѣе 10 футовъ отъ ниж-

няго яруса въ пеплѣ, засыпанномъ на полтора фута землею растительною. Не вѣроятно было, чтобы на такой высотѣ попалось что нибудь любопытное; но вдругъ работникъ, роющій то мѣсто, выкопалъ человѣческую кость, потомъ человѣческой оставъ, потомъ кучу медалей бронзовыхъ и серебреныхъ. Бережно отрытыя медали находились въ совершенной цѣлости; послѣднія были Домиціанова времени: но всего болѣе приводили въ удивленіе восемь золотыхъ небольшихъ медалей, только, кажется, отчеканенныхъ, съ чистымъ самымъ штемпелемъ. Весьма вѣроятно, что нещастный владѣлецъ, котораго смерть постигла на скоромъ ходу его, тщательно сберегалъ золото; ибо оно было завернуто въ полотняную тряпку, въ нѣсколько рядовъ сложенную. Хотя сырость разпустила отчасти полотно, однакожъ осталось нѣсколько лоскутковъ, по которымъ можно судить, что ткань была очень плотная и крѣпкая.

Подъ большимъ портикомъ, близь улицы съ гробницами, найдено нѣсколько другихъ скелетовъ, и между прочими скелетъ женщины съ нѣсколькими младенцами. Конечно мать спасалась съ дѣтьми своими; ибо ихъ кости, перемѣшанныя однѣ съ другими, показывали, что нещастные по-

гибли, крѣпко обнявшись. Три золотыя кольца, золотыя серьги лежали вмѣстѣ со скелетами; одно кольцо имѣетъ видъ змѣи съ хвостомъ, загнутымъ въ нѣсколько круговъ, и съ головою, простертою вдоль пальца; другое кольцо, вѣроятно дѣтское, судя по его малости, украшено гранатомъ, на которомъ вырѣзанъ Перунъ.

Въ разныхъ домахъ, отрытыхъ изъ подъ развалинъ, нашли множество посуды всякаго рода: самыя употребительнѣйшія въ домашнемъ хозяйствѣ отдѣланы съ великимъ вкусомъ, и служатъ новымъ доказательствомъ, что народы Греціи украшали съ роскошью ихъ мебли. Между сими вещами замѣтны нѣкоторые стеклянные сосуды, на которые время и сырость навели радужный цвѣтъ, такъ что они имѣютъ подобіе опаловъ; но два такіе сосуда, найденные въ гробницахъ, обращаютъ на себя особенное вниманіе: ибо, кромѣ всыпаннаго въ нихъ праха мертвыхъ, они налиты были водою по самое горло сосуда, тогда какъ во всѣхъ другихъ урнахъ донынѣ извѣстныхъ находили одинъ сухой пепелъ. Въ одномъ изъ сихъ стеклянныхъ сосудовъ вода свѣтла, чиста и не имѣетъ никакого вкуса; а въ другомъ она темна, и вкусъ ея похожъ на вкусъ кипятка, или щелока. Трудно угадать, къ чему служила

шутъ вода; и не льзя рѣшить съ точностїю, заключались ли въ ней благовонїя, ибо въ теперешнемъ ея состоянїи она не имѣетъ никакого запаха.

Улица, отъ жилья военныхъ идущая къ однимъ городскимъ воротамъ, такъ тѣсна, что имѣетъ въ ширину только 13 футовъ; она вымощена, какъ Аппїйская дорога въ Итри и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ она сохранилась невредима, большими камнями, только приложенными, а не обтесанными. На каждой сторонѣ есть парапеты вышиною въ два фута отъ середины улицы, и шириною въ три фута. На мостовой проведены двѣ глубокїя рытвины, по чему видно, что повозки держались всегда одной линїи, и что между обоими колесами было разстоянїя около четырехъ футовъ; и такъ надлежало имъ ѣхать всегда по одному направленїю, и надобно, чтобы для ѣзды были назначены часы: ибо двѣ колесницы не могли разъѣхаться; сверхъ того видны надолбы, поставленныя отъ мѣста до мѣста, чтобы не переѣзжали за рубежъ. Домы по улицѣ стоятъ тѣсно; они имѣютъ видъ лавокъ; вышина и ширина ихъ почти одинакая; онѣ выстланы камнемъ и росписаны красками почти всѣ одинакимъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ есть статуи недодѣланныя, что означаетъ мастерскую художника.

Слово *salve*, крупными буквами вырѣзанное надъ входомъ другаго дома, изъявляетъ, кажется, усердіе гостепріимства. Въ другомъ видны *амфоры* или сосуды для напитковъ, а на мраморномъ столѣ черепки чашекъ и стакановъ.

Городскія ворота имѣютъ три отверстія, изъ которыхъ среднее шире и больше двухъ боковыхъ, и парапеты одинакой ширины съ улицею; за ними, но вблизи воротъ, находятся полуциркульныя мѣста съ каменными сидѣлками, а за ними гробница и *palumbarium*, или хранилище надгробныхъ урнъ.

Но что всего достойнѣе любопытства, недалеко отъ города найдена вилла (*villa*), состоящая изъ трехъ дворовъ; въ первомъ, самомъ обширномъ, находится прудъ, а на срединѣ храмикъ, oedicula; далѣе многочисленный рядъ покоевъ всякаго рода, выстланныхъ камнемъ на подобіе мозаики, съ различною живописью на стѣнахъ, самаго лучшаго стиля. Бани въ семъ мѣстѣ показываютъ необыкновенную роскошь въ убранствѣ и самыя утонченнѣйшіе способы искусства; не смотря на всѣ изобрѣтенія новѣйшихъ временъ, мы не знаемъ ничего совершеннѣе. Въ погребахъ подъ самымъ портикомъ большаго двора найдены скелеты нѣсколькихъ женщинъ,

рядомъ стоявшихъ спинами къ стѣнѣ; пепелъ, затвердѣвшiй отъ времени, въ иныхъ мѣстахъ удержалъ на себѣ отпечатокъ женскихъ грудей и даже лоскутки платья.

У воротъ того же двора найдены два другiе скелета, изъ которыхъ одинъ держитъ ключь, а другой кошелекъ, крѣпко сжавъ ихъ рукою.

Дѣмы имѣютъ одинъ и два этажа; главные покои на задней сторонѣ; онѣ заключаютъ въ себѣ по большей части дворъ съ портикомъ, вокругъ обходящимъ, и съ мраморнымъ бассейномъ на срединѣ; въ двухъ домахъ есть стеклы, а въ другихъ только ставни; всѣ вымощены мраморомъ, а стѣны расписаны непримѣтною краскою; другiя украшенiя состоятъ въ барельефахъ отштукатуренныхъ, и въ живописныхъ медальонахъ. Мраморъ, кажется, самой простой.

Изъ Фр. Газ.

IV. СМѢСЬ.

Извѣстія и замѣчанія.

— Журналъ, выдаваемый во Франціи, подъ названіемъ: *Императорской журналъ*, лишился одного изъ дѣятельнѣйшихъ и отличнѣйшихъ сотрудниковъ своихъ. Жофруа, гроза драматическихъ поэтовъ и акторовъ, умеръ въ Парижѣ 25 Февраля. Революція, родившая столько поэтовъ, политиковъ, воиновъ, которые почитали себя предназначенными быть основателями новой школы и участниками въ дѣлѣ возрожденія ума человѣческаго, не имѣла вліянія на дарованія и вкусъ сего литтератора. Онъ былъ Профессоромъ краснорѣчія въ Мазаринскомъ училищѣ (College Mazarin). Образованный въ школѣ Римскихъ и Аѳинскихъ писателей, которыхъ Парижскій Университетъ преподавалъ всегда правила и образцы, онъ умѣлъ предохранить себя отъ заразы дурнаго вкуса, давно разпространявшагося во всѣхъ отрасляхъ Французской литтературы. Великій даръ ума, ясный, легкій, живый и

остроумный слогЪ, приверженность кЪ правиламЪ древнихЪ, ревностное защищеніе сихЪ правилЪ противЪ искусственнаго принужденія, неологизма, и вообще дурнаго вкуса вЪ стихотвореніяхЪ: таковы были достоинства сего грознаго критика. СЪ другой стороны пристрастіе, явное намѣреніе порочить и чернить, по одному дурному расположенію кЪ новѣйшимЪ, превосходныя творенія, увѣнчанныя общею хвалою; излишняя и притворная насмѣшливость; критика, обращенная вЪ острыя эпиграммы и колкіе сарказмы, которые всегда хороши кажутся, когда они занимаютЪ и забавляютЪ лукавство: таковы были его пороки. ОнЪ выдалЪ на ФранцузскомЪ языкѣ переводЪ *Теокритовыхъ идиллій*, и *Комментаріи* на Расина, котораго лучше гораздо читать вЪ текстѣ, и котораго самЪ ВольтерЪ не хотѣлЪ разсматривать, отговариваясь тѣмЪ, что надлежало бы на каждой страницѣ восклицать: *Прелестно! неподражаемо!* и проч. Жофруа родомЪ изЪ Бретаніи, умерЪ 70 лѣтЪ. —

— Желая ободрять любовь кЪ изящнымЪ искусствамЪ и труды молодыхЪ писателей, сЪ удовольствіемЪ увѣдомляемЪ нашихЪ читателей обЪ отпечатанной на сихЪ дняхЪ книжкѣ, подЪ названіемЪ: *Моя жертва Наполеону.* Она содержитЪ вЪ себѣ двѣ шут-

ливыя пїэсы въ стихахъ: *Кривой коршунъ, притча,* и *Кузнецкій мостъ;* объ писаны молодымъ любезнымъ человѣкомъ, котораго юный талантъ, ободренный вниманїемъ публики, можетъ созрѣть, прїобрѣсть опытность, имѣть успѣхи гораздо совершеннѣйшїе. Вотъ содержанїе притчи: *Кривой коршунъ*, такъ названный конечно по тому, что онъ вознесся на степень Царской птицы кривыми путями. Совы, или Французы, вздумали *разжаловать* своего стараго Царя, и *пожаловать* новаго:

. . . . . . А старый сѣдъ
И гдѣ ему владѣть совами?
. . . .
И такъ на старика напали —
Хоть правъ, хотя не правъ, а перья ощипали.

Нарядили Корсиканца-Коршуна въ порфиру, только за то, что онъ

. . . . . . Казался имъ не глупъ
. . . .
Премудрый Царь сидитъ,
Молчитъ;
А иногда уставъ твердитъ
Монаршаго правленья,
Законы, уложенья —
Все вытвердилъ тотчасъ;
И вдругъ приказъ:
. . . .
„Пора за службу приниматься!"
На дѣлѣ покажусь я подданнымъ своимъ,
Въ приказѣ сказано и скрѣплено самимъ.

Эта послѣдняя и забавная черта напоминаетъ читателю, какъ Корсиканецъ писалъ свои приказы и уставы. Скоро коршунъ-законодатель сдѣлался коршуномъ-завоевателемъ, разорилъ воробьиное царство,

Изъ знатныхъ воробьевъ
Надѣлалъ конюховъ.

Но этаго для него мало; надобно еще приласкаться къ роднѣ своей коршунамъ:

„На дѣлѣ подданнымъ я показать желаю,
„Какое мѣсто занимаю!"
Еще онъ подтвердилъ,
И брата-коршуна на тронѣ посадилъ.

По введеніи въ честь птичьей родни своей, онъ пустился на всѣхъ другихъ птицъ, кромѣ подобныхъ себѣ коршуновъ, ощипалъ однихъ, столкнулъ другихъ, и назвавшись коршуномъ-Императоромъ,

Сорокъ, грачей, синицъ, дроздовъ,
Кукушекъ, снигирей, воронъ и журавлевъ,
Всѣхъ птицъ накрылъ сѣтями.
Но дѣло дошло до орловъ; самъ забіяка коршунъ задумался.
Вести войну съ орлами
Не съ воробьями.

Однакожъ для щастливаго забіяки искушеніе великое, и онъ уступаетъ коршунской склонности своей:

Пойдемъ къ орлину Царству!

. . . .

Указъ послѣдовалъ къ народу:
„Народъ! желая дать свободу
„Славнѣйшимъ птицамъ и орламъ,
„Я самъ
„Съ знатнѣйшими совами,
„Какъ съ храбрыми сынами,
„Послѣдую туда —
„Не стоитъ и труда
„О важной цѣли объясняться;
„Всѣмъ подданнымъ собраться,
„Вельможамъ, Королямъ
„Я предводитель самъ!“ —
Въ совѣтѣ слушали, рѣшили
И руки приложили.
Толпа сорокъ, грачей, дроздовъ,
Чечетокъ, галокъ, воробьевъ,
Кукушки, снигирки, вороны и синицы —
Летятъ всѣ птицы.
Отряды соловьевъ,
Гвардейцовъ соколовъ
Въ жандармы нарядили,
За Императоромъ пустили. . . .

. . . .
. . . .

Снарядившись на *стать* героя великій коршунъ:

При арміи такой на Сѣверъ потянулся,
. . . . . И славою надулся!

Выраженіе: *надулся славою*, очень удачно. Кровожадная птица летитъ, разитъ и жжетъ; но какъ ей не похвастать своими хищническими подвигами?

И въ резиденцію бюльтень:
ВЪ шакой-то день
Я дѣлалЪ нападенье —
Жестокое сраженье!
Да пушку, знамя взялЪ,
ОрловЪ назадЪ прогналЪ,
На мѣстѣ удержался
И крѣпко окопался.

Но между тѣмЪ, какЪ хвастунЪ превозносится,

Орлы молчатЪ,
Терпѣніе хранятЪ.
Терпѣли, да терпѣли —
Да стаей налетѣли.
На двѣсти, триста совЪ
ПошлютЪ двухЪ, трехЪ орловЪ;
ЗахлопаютЪ крылами
И карачунЪ сЪ совами.
СоровЪ, грачей, дроздовЪ,
КлюютЪ, какЪ муравьевЪ.

НаконецЪ самаго коршуна прогнали и ощипали;

ВотЪ каково героемЪ быть!
И ктожЪ тому виною?
Орлы — неправильной войною.

ВотЪ конецЪ и утѣшеніе коршуна. —

V. ПОЛИТИКА.

Истинная слава.

„*Слава* есть чувство, возвышающее насъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ и увеличивающее наше достоинство въ глазахъ людей просвѣщенныхъ. Понятїе о ней неразрывно связано съ помышленїемъ о восторжествованїи надъ непреоборимою трудностїю о великой пользѣ, послѣдующей за успѣхомъ, и о значительномъ приращенїи ко благу вселенной, или отечества. Какой бы чрезвычайный генїй ни усматривалъ я въ изобрѣтенїи нѣкоего смертоноснаго орудїя, я возбудилъ бы во всѣхъ праведное на себя негодованїе, естьли бы сказалъ, что такой-то человѣкъ, или такой-то народъ имѣлъ *славу* изобрѣсть оное. *Слава*, по моему мнѣнїю, не принадлежитъ даже и величайшему успѣху въ наукахъ. Выдумай кто новое вычисленїе; напиши превосходную поэму; пусть превзойдетъ кто Цицерона въ краснорѣчїи, Фукидида, или Тацита въ Исторїи, я не откажу ему въ знаменитости: но *слава* не его удѣлъ. Равно не заслуживаетъ ее и превосходство

таланта въ искусствахъ. Оживите кусокъ мрамора, источите изъ него бойца, или Аполлона Бельведерскаго, пусть Преображеніе напишется вашею кистію, пусть выразительныя и сладкозвучныя пѣсни ваши поставятъ васъ на ряду съ Перголезомъ, вы сдѣлаетесь извѣстными, заслужите отличную похвалу, но не *славу*. Я скажу болѣе: сравняйтесь съ Вобаномъ въ построеніи крѣпостей, съ Тюреномъ, или Кондеемъ въ искусствѣ предводительствовать арміями; одерживайте побѣды, завоевывайте провинціи — всѣ сіи дѣла будутъ блистательны, конечно, и имя ваше перейдетъ къ позднѣйшимъ потомкамъ: но *слава* принадлежитъ совсѣмъ инымъ качествамъ. Присовокупивъ нѣчто во *славѣ* своихъ соотчичей, мы еще не имѣемъ полнаго права на *славу*. Именемъ нашимъ будетъ хвалиться корпусъ, которымъ предводимъ; мы можемъ сдѣлаться честію отдѣленія, нами управляемаго, не сдѣлавшись еще *славою* своего Отечества. Частный человѣкъ не рѣдко можетъ достигнуть громкаго имени, повсемѣстной извѣстности, и даже безсмертія: однѣ необыкновенныя стеченія случаевъ безпримѣрныхъ, или нѣкое небесное предопредѣленіе въ судьбѣ его, могутъ возвести его на степень *славы*."

„*Слава* принадлежитъ Богу на небесахъ. На земли се достояніе добродѣте-

ли, а не генія, добродѣтели полезной, великой, благотворной, героической. Се достояніе Монарха, который, во время бурнаго царствованія, радѣлъ о щастіи своихъ подданныхъ, и радѣлъ объ ономъ съ успѣхомъ. Се достояніе подданнаго, который пожертвовалъ своею жизнію пользѣ своего Государя и соотчичей. Се достояніе народа, который рѣшился лучше умереть свободнымъ, нежели дышать рабомъ чуждыя власти. Се достояніе не Цесаря, или Помпея, но Регула, или Катона. Се достояніе Генриха IV."

Такъ говорилъ Реналь, прежде нежели блистательныя событія не указали вселенной смертнаго, достойнаго *истинной славы.*

Кто изъ жителей Европы, стенавшей подъ игомъ тирана, нынѣ Царемъ Рускимъ освобожденной, кто изъ обитателей всего земнаго шара не присоединитъ своего гласа ко гласу истины, въ вѣкахъ гремящему, кто не скажетъ: *Прямая слава принадлежитъ Россійскому ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ 1 му*, Который бывъ человѣкомъ, явилъ себя превыше человѣковъ? — Обладая сильнѣйшимъ въ мірѣ народомъ, Онъ никогда не зачиналъ войны, не бывъ на то подвигнутъ явнымъ оскорбленї-

емъ чести онаго народа; и даже тогда, когда дерзкій повелитель буйственныхъ палачей добраго Царя, рабовъ подлыхъ тирановъ, когда вѣроломный Наполеонъ, презрѣвъ всѣ союзы, всѣ права, уважаемыя народами просвѣщенными, подстрекаемый злобною завистію при воззрѣніи на щастливую Россію, осмѣлился собрать свои полки и нечестивою пятою коснуться священныхъ предѣловъ сего благословеннаго Царства, и тогда отеческое сердце АЛЕКСАНДРА, чуждое всякой злобы, внимало единому внушенію любви къ своимъ народамъ; и тогда, воображая потоки драгоцѣнной ему крови чадъ Своихъ, Онъ употребилъ всевозможное стараніе къ удаленію брани. Но гнусный и свирѣпый врагъ не понялъ и не уважилъ благородныхъ и великодушныхъ его намѣреній.

Въ нещастныя времена господствованія Наполеона, Государи, видя столицы свои занятыя врагами, скоро преклоняли выи предъ сильнымъ и жестокимъ тираномъ; АЛЕКСАНДРЪ, видя Столицу Свою въ рукахъ того же тирана, пребылъ твердъ — и можетъ быть одинъ пребылъ твердъ: сею то твердостію спасъ Онъ Россію и спасаетъ вселенную. Богъ, Которому Онъ смиренно предоставляетъ успѣхъ сего великаго дѣла, помогъ Ему — и возникли

полководцы, возникли воины, возсталъ народъ, увѣнчавшій себя неслыханными у Спартанцевъ, Аѳинянъ и Римлянъ добродѣтелями и геройскими подвигами, народъ — достойный своего ГОСУДАРЯ; возстали бури, гладъ и отчаяніе — и сильный врагъ, подобно ужасному наводненію разливавшій смерть и ужасъ по обильнымъ долинамъ Россіи, разбитый, посрамленный, изумленный ополченіемъ прямой добродѣтели противъ порока, побѣжалъ къ позорищу прежнихъ своихъ злодѣяній, побѣжалъ терзать уже измученные имъ народы Запада.

Какъ Ангелъ, поражающій злобу, утѣшающій безутѣшныхъ, спасающій погибающихъ, явился АЛЕКСАНДРЪ среди сыновъ-героевъ своихъ. Стоны отчаянія и потоки горькихъ слезъ нещастныхъ Германцовъ поразили слухъ и небесный взоръ Его. Тутъ увидѣлъ Онъ заросшія травою нивы, нѣкогда восхищавшія земледѣльца и обѣщавшія ему награду за благородные труды его; разбросанныя бревна бывшихъ жилищь семейныхъ добродѣтелей, старца съ преданными бурямъ и зною сѣдинами, спотыкающагося на распутіяхъ, зовущаго къ себѣ послѣдняго сына, уведеннаго тираномъ, или смерть; вдовицу, въ иступленіи горести, въ отчаянномъ безуміи влекущую сиротъ-дѣтей своихъ къ ближнему потоку,

котораго быстрота предварила бы томленія голодной смерти. Таковыя позорища представали взору чувствительнаго МОНАРХА, и Онъ указалъ полкамъ своимъ путь къ *истинной славѣ*!

Срѣтая побѣду во всякой битвѣ, съ неслыханною неутомимостію занимаясь великими соображеніями Полководца, заботясь о благосостояніи войскъ, о продовольствіи оныхъ, о порядкѣ и устройствѣ, одушевляющихъ армію, стараясь, сколько возможно, облегчить участь изнуренныхъ жителей, Онъ украсилъ себя лавромъ побѣдъ и добродѣтели, и явился міру столь сильнымъ Государемъ, что все, казалось, долженствовало пасть къ ногамъ Его.

Кто изъ облеченныхъ въ порфиру, будучи на Его мѣстѣ въ сіи часы величія, торжествъ и прославленій, не уступилъ бы могущественному очарованію успѣха? кто, повторяю, ведя за собою полки несчетные, по единому Его мановенію готовые обратить во прахъ все противляющееся, внимая кликамъ Владыкъ и народовъ, сердца и руки ему покоряющихъ, — внимая торжественному гласу воинскихъ ликованій, срѣтая поздравленіе Царей и Царедворцовъ, — кто бы не упалъ въ состояніе

обыкновеннаго смертнаго и не возмечталъ бы о лестномъ названіи завоевателя? — Чтожъ дѣлаетъ АЛЕКСАНДРЪ, возведенный на сію степень величія? — Печется о мирѣ, и готовъ заключить оный съ врагомъ, Его оскорбившимъ, лишь только бы сей миръ могъ казаться прочнымъ (*).

Миръ? . . . Но сильный предлагаетъ миръ, умножающій его величіе, высокомѣріе, гордыню, и условія таковаго мира унижаютъ прочіе народы. О великая душа! о безсмертный примѣръ! Тебѣ потомки не будутъ вѣрить, или будутъ покланяться страницамъ, на коихъ Исторія начертаетъ дѣла Твои. Условія торжествующаго АЛЕКСАНДРА: *спокойствіе семействъ и щастіе вселенной.*

(*) 1814 Года Іюля 12 прибылъ въ Прагу посланный отъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА полномочный для переговоровъ. Но Императоръ Французовъ не желалъ искренно мира а поставляемыми имъ препятствіями и затрудненіями хотѣлъ только продолжить прекращеніе военныхъ дѣйствій и чрезъ то выиграть время, для враждебныхъ его соображеній потребное. Сіе видно въ манифестѣ Австрійскаго Императора 1813 года изданномъ въ Прагѣ при объявленіи разрыва съ Французскимъ Дворомъ, и въ другихъ оффиціальныхъ бумагахъ.

Приведя воиновъ своихъ къ предѣламъ враждующей противъ Него страны, произнесъ ли Онъ хотя одно слово, означающее Его торжество? Гдѣ пышныя рѣчи къ войскамъ? гдѣ высокомѣріе Побѣдителя? Нигдѣ не видимъ завоевателя; вездѣ Отца, вездѣ Бога, гласящаго: *Любите враги ваша и ненавидящимъ насъ творите добро* (*).

Европа! вселенная!.. внимайте!

„*Да водворится на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и тишина* (**)!"

Гдѣ тотъ языкъ, на коемъ не возгласилось бы: *Истинная слава принадлежитъ Россійскому АЛЕКСАНДРУ?* гдѣ тѣ племена, въ бытописаніи коихъ не возблистало бы Имя сего Великаго Монарха? Народы странъ отдаленныхъ, народы дикіе придутъ поклониться слѣдамъ его и, вмѣстѣ съ нами, щастливыми и славными Россами, воскликнутъ: *Такъ, истинная слава принадлежитъ АЛЕКСАНДРУ, Отцу своего и Спасителю чуждыхъ народовъ!*

Николай Иванчинъ Писаревъ.

(*). Смотри приказъ, отданный по арміямъ, по случаю перехода войскъ за Рейнъ.

(**) Тамъ же.

Черты Наполеонова самовластія.

Между многими чудесными анекдотами, которые разсказывают о Наполеонѣ, достойно смѣху и удивленія то, что онъ позволилъ себѣ говорить въ 1806 году къ депутатамъ Ганзейскимъ городовъ, а именно: „онъ хочетъ довести до того, чтобы не „было другаго торгу и другой мѣны, кро„мѣ торгу скота, хлѣба, шерсти и проч. „Всѣ торгующіе народы должны возвра„титься въ то положеніе, въ какомъ они „были въ 4 столѣтіи, ожидая новаго на„значенія, имъ приготовляемаго для наро„довъ.“ И такъ одинъ человѣкъ, котораго жизнь такъ кратковременна и быстротечна, почиталъ себя въ силѣ и въ правѣ похитить у всего человѣческаго рода съ трудомъ пріобрѣтенные въ продолженіе пяти сотъ лѣтъ великіе успѣхи торговаго разума? И онъ, который былъ самъ твореніемъ времени, ознаменованнаго грозными ужасами, надѣялся истребить плоды минувшихъ временъ, овладѣть настоящимъ, опредѣлить заранѣе будущее? — Эзопова притча о Мухѣ, которая сидя на ѣдущей каретѣ, почитала себя главною причиною поднявшейся пыли, имѣетъ болѣе истины, нежели мы воображаемъ себѣ.

Къ памятникамъ Наполеонова духа принадлежатъ еще его покушенія, преобра-

вить по своимъ видамъ предметы учености и морали. Такъ на примѣръ, по его повелѣнію отпечатаны новыя изданія Греческихъ и Римскихъ авторовъ, изъ которыхъ выпущено все, что имѣетъ отношеніе къ мужественнымъ подвигамъ народной гордости; и самый каталогъ Музеума служилъ для него къ распространенію того рабскаго духа, которой полагалъ онъ за вѣрнѣйшее основаніе похищеннаго имъ трона. Тамъ, къ бюсту Римскаго Брута, прибавлено замѣчаніе: „Сей фанатикъ и „стоикъ былъ неблагодаренъ противъ своего благодѣтеля!“ — И такъ, когда всѣ мудрые умы въ продолженіе двухъ тысячь лѣтъ судили иначе, одному Наполеону угодно было заключать, что Брутъ несправедливо предпочелъ благо своего отечества дружбѣ Юлія Кесаря. И для чего люди должны такъ мыслить? Для пользы Наполеона; ибо онъ не могъ употреблять въ свои орудія другихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые, пользуясь его дарами, титлами и почестями, забывали, что онъ поработилъ ихъ отечество и ввергнулъ его въ бездну нещастія.

Не только самъ Наполеонъ, но и Министры его позволяли себѣ то же самовластіе, какъ доказываетъ слѣдующій анек-

дотъ. Известно, что всѣ Европейскія Державы имѣютъ въ Перу, въ одномъ изъ Константинопольскихъ предмѣстій, домы для ихъ Министровъ. По заключеніи Кампоформійскаго мира, Австрійскій Министръ владѣлъ двумя домами, прежнимъ Австрійскимъ, и тѣмъ, который принадлежалъ Венеціанской республикѣ. Первый стоялъ на прекрасномъ мѣстоположеніи, но вторый былъ гораздо великолѣпнѣе; тогда положили продать Венеціанскій домъ, чтобы распространить и украсить Австрійскій. Но Г. Гербертъ Руцкилъ, бывшій тогда Интернуиціемъ, больный и старый человѣкъ, предложилъ продать Австрійскій домъ, и занять лучше Венеціанскій. Такъ и случилось: Австрійскій домъ продали партикулярному человѣку за 80,000 піастровъ.

По заключеніи Люневильскаго мира, Франція требовала Венеціанской домъ, и ей возвратили его. Но какъ Австрійскій Интернунцій оставался безъ дому, то приступили къ условіямъ для найма одного изъ трехъ домовъ (Французскаго, Венеціанскаго и Голландскаго), принадлежавшихъ Франціи. Выборъ обратился на послѣдній, который тотчасъ и былъ занятъ Г. Барономъ Стурмеромъ, тогдаш-

нимЪ новымЪ Интернунцїемъ. Нѣсколько лѣтъ сряду продолжали нанимать сей домЪ для Австрїйскаго посольства. Наконецъ, не за долго до нынѣшней войны, Французское правительство согласилось продать тотЪ домЪ за 100 тысячь пїастровЪ, которые надлежало выплатить вЪ извѣстный срокЪ. Между тѣмЪ открылась война. ГенералЪ Андреосси требовалЪ суммы неотступно. Но какЪ союзныя войска овладѣли почти всею Голландїею, и ПринцЪ Оранскїй принялЪ уже правленїе, такЪ что не извѣстно еще было, у кого останется вЪ собственности домЪ Голландскаго Министра, то уплата была отложена, и просили Французское посольство дождаться конца войны.

Но ГенералЪ Андреосси воспользовался отсутствїемЪ Барона Стурмера, Австрїйскаго Интернунцїя, бывшаго вЪ деревнѣ, также и безпечностїю Турецкаго Правительства, и сЪ горстью янычарЪ овладѣлЪ насильственно домомЪ, всѣми меблями и даже собственными меблями Интернунцїя. БаронЪ СтурмерЪ принесЪ жалобу Турецкому начальству, требуя удовлетворенїя за такой насильственной поступокЪ, который равномѣрно оскорблялЪ достоин-

ство Порты. Но правительство уклонилось отъ рѣшительнаго участія въ семъ дѣлѣ.

Изъ ин. Жур.

ИЗВѢСТІЯ

о послѣднихъ произшествіяхъ.

Европа спасена, народы освобождены, тиранъ обезоруженъ, и утомленное человѣчество ожидаетъ всеобщаго мира, какъ мореплаватель послѣ бурь и крушеній, претерпѣнныхъ имъ на грозномъ океанѣ, зоветъ тишину и пристань. Но великая слава даровать миръ народамъ должна украсить послѣднимъ лавромъ безсмертія того ГОСУДАРЯ, Который пожалъ всѣ другіе лавры ея, Который нынѣ истощилъ любовь, хвалу и удивленіе свѣта, Который, по общему гласу народовъ, нареченъ Царемъ Царей, какъ нѣкогда великій предводитель союзныхъ Монарховъ вооруженныхъ за честь и славу Греціи.

Говорить ли, послѣ утѣшительной надежды общаго мира, о послѣднихъ дѣйствіяхъ кровавой брани, въ Европѣ сви-

рѣпствующей? обращаться ли къ тѣмъ военнымъ произшествїямъ, которыя привели къ рѣшительному удару, нанесенному врагу человѣчества? упоминать ли о томъ славномъ дѣлѣ на высотахъ Монмартра, которое 30 Марта (н. с.) истребило послѣднїе остатки армїи Мортье и Мармонта, заставило перваго Маршала заключить условїе о здачѣ Парижа, принудило его удалиться за столицу въ сторону, совершенно противоположную отъ Бонапартовой армїи, на дорогу къ Бретанїи? сообщать ли любопытныя но извѣстныя уже всѣмъ подробности о въѣздѣ двухъ вѣнценосныхъ Союзниковъ въ столицу Францїи, покоренную не столько оружїемъ, сколько любовїю и кротостїю, обрадованную ея освобожденїемъ отъ самовластїя, возвращенную наслѣдникамъ Бурбонскаго трона? описывать ли торжество добраго ГОСУДАРЯ среди чужаго народа, какъ среди своихъ собственныхъ подданныхъ; великодушїе Побѣдителя, награжденное любовїю побѣжденныхъ; порывы народнаго энтузїазма передъ Царственнымъ Гостемъ Парижа; зрѣлище Траяновыхъ добродѣтелей, передъ Нимъ представленное на театрѣ, сколько въ похвалу Ему, столько и къ услажденїю Его сердца; мудрыя изреченїя, внушенныя ему симъ добрымъ сердцемъ, и всѣми наизусть затверженныя; прекрас-

ное его слово передъ колоссальною статуей Наполеона: Si j'etois placé ſi haut, je craindrois d'en être étourdi (Естьли бы Я стоялъ такъ высоко, то боялся бы, что у Меня голова закружится); другое Божественное слово, когда народъ хотѣлъ разрушить Бонапартіевъ памятникъ: Je ne viens pas ici, pour détruire (Я пришелъ сюда не разорять); милости и даже ласки, оказанныя имъ Французскому народу (*); возвращеніе свободы всѣмъ плѣннымъ Французамъ въ Россіи именемъ Короля и человѣчества? повторять ли не оффиціальныя, но вѣрныя извѣстія (**) о Мармонтѣ и другихъ Французскихъ Маршалахъ, прибѣгнувшихъ подъ знамена Бурбоновъ, объ отреченіи похитителя короны, объ опредѣленномъ жребіи гордому нѣкогда повелителю многихъ обширныхъ Царствъ въ Европѣ, проводить остатокъ жизни въ заточеніи на уединенномъ островѣ Эльбѣ? позволить ли себѣ нѣкоторыя разсужденія о ненадежныхъ дарахъ фортуны; о грозномъ паденіи владѣтелей, когда они царствуютъ не любовію, а ужасомъ, и народовъ, когда они велича-

(*) Въ Рѣчи къ Сенату Государь сказалъ: *Я другъ Французскаго народа.*

(**) Онѣ получены Герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ отъ Князя Волконскаго изъ Парижа, какъ написано во всѣхъ Газетахъ.

ются не добродѣтелями, а пороками; о страшномъ и, можетъ быть, небезполезномъ примѣрѣ для предбудущихъ завоевателей, жадныхъ къ убійственнымъ побѣдамъ, и кровавой славѣ? Но сіи размышленія такъ естественны, а произшествія такъ уже извѣстны, что было бы излишнее о нихъ распространяться. Подивимся таинственному промыслу и обратимъ вниманіе на тѣ случаи, которые приближаютъ насъ къ великой цѣли общаго мира.

Уже Французскій Сенатъ, въ засѣданіи 1 Апрѣля (н. с.), подъ предсѣдательствомъ Принца Беневентскаго, положилъ опредѣленіе, чтобы временное Правленіе, составленное изъ пяти Членовъ, приступило къ начертанію конституціи, соотвѣтственной пользѣ Французскаго народа, и поднесло Сенату проэктъ сей конституціи. Сенатъ и Законодательный Совѣтъ входятъ въ ея составъ; Государственный долгъ, продажа національныхъ имѣній, свобода богослуженія и книгопечатанія остаются во всей ихъ силѣ; военнослужащіе, кавъ и отставные, сохранятъ ихъ чины, почести и пенсіи; но, что всего достойнѣе замѣчанія и похвалы, не позволяется никого тревожить за его политическія мнѣнія. 2 Апрѣля Сенатъ подписалъ отрѣ-

шеніе Императора Наполеона и его фамиліи отъ Французскаго престола; а 3 Апрѣля Законодательный Совѣтъ изъявилъ свое согласіе на опредѣленіе Сената, съ тѣмъ видомъ, что Наполеонъ нарушилъ общественный договоръ (Pacte consitutionnel) съ нимъ заключенный народомъ. Такимъ образомъ великодушные Союзники пользуются правомъ побѣды не для порабощенія Французскаго народа, но для возвращенія ему правъ, несправедливо отнятыхъ Наполеоновымъ самовластіемъ.

Голландская конституція также образуется. Главнымъ ея основаніемъ положено, что Принцъ Нассау-Оранскій есть Владѣтельный Государь Соединенныхъ Нидерландъ, состоящихъ изъ девяти провинцій. Ежегоднаго доходу Владѣтельному Принцу назначено 1,500,000 гульденовъ, а Наслѣдному 100,000. Генеральные и провинціальные штаты будутъ сзываться; послѣдніе должны управлять ихъ провинціями, а первые составлять Совѣтъ, въ которомъ Владѣтельный Принцъ имѣетъ рѣшительный голосъ. Ему дано право вести войну и заключать миръ; онъ управляетъ исключительно колоніями. Реформатская вѣра есть вѣра Государя; но всѣ другія вѣры и богослуженія терпимы, когда онѣ не на-

рушаютъ общаго спокойствія. Протестантскіе и другихъ исповѣданій духовные люди пользуются тѣмъ же содержаніемъ и покровительствомъ, какія прежде имѣли въ Голландіи. Каждый человѣкъ, какой бы онъ вѣры ни былъ, можетъ быть избираемъ для всѣхъ мѣстъ и почестей.

Швейцарія готова заняться тѣмъ же важнымъ предметомъ — образованіемъ своего устава. Сейму ея надлежало собраться 21 Марта. Депутаты кантоновъ Шафгаузенскаго, Базельскаго, Гларисскаго, и проч. прибыли уже къ мѣсту ихъ назначенія. Другихъ ожидали; всѣ должны соединиться въ Люцернѣ. Тамъ начнется совѣтъ о способахъ примирить враждующіе кантоны, и составить между ими тотъ союзъ дружбы и согласія, который Высокіе Посредники Европы готовятъ для всѣхъ народовъ.

Быстрый взглядъ на остатокъ военнаго театра долженъ заключить наше политическое обозрѣніе. Какъ на главномъ полѣ брани, такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ военныя происшествія текутъ щастливо для оружія Союзниковъ. Въ Голландіи они заняли снова Гентъ, и Брюссель снова обезпеченъ отъ нападенія не-

пріятеля. Въ Южной Франціи, по вступленіи союзныхъ войскъ въ городъ Бордо, Сультъ отступилъ къ Тулузѣ, и три департамента (des basses Pyrenees, des Landes, de la Grionde) съ 1,200,000 жителей объявили себя на сторонѣ Бурбоновъ. Въ Италіи Лордъ Бентинкъ высадилъ въ Ливорнѣ 10,000 Англичанъ, чтобы присоединить ихъ къ войскамъ Неаполитанскаго Короля и Генерала Нугента; Старембергъ вступилъ въ Парму, а Французы стоятъ за рѣкою Таро. Со стороны Швейцаріи, Біанка, который 21 Марта овладѣлъ Ліономъ, быстро преслѣдуетъ 15,000 корпусъ подъ начальствомъ Ожеро, имѣя противъ него около 40,000 съ приведенными къ нему войсками Принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ и Графомъ Бубной отъ Женевы. Но вѣроятно, что, когда мы пишемъ сіи извѣстія, битвы прекратились, и Наполеоновы сподвижники, Генералы, Маршалы, Вицъ или Экс-Короли стоятъ уже подъ торжественными знаменами Лудовика XVIII, или подъ разбитымъ щитомъ Наполеона I., и — послѣдняго.

Апрѣля 27 дня.

Москва.

Народная пѣсня (*).

(*На голосъ: За горами, за долами.*)

За горами, за долами,
Бонапарте съ плясунами
Вздумалъ въ ровень стать: — 2

Конь куда съ копытомъ мчится,
Ракъ тудажъ съ клешней тащится,
И давай плясать. — 2

*

Не въ попадъ пошелъ *Англезу*,
Вздумалъ, бросивъ *экоссезу*,
Польскую пройтить; — 2

Не видавши пыли Руской,
Къ верьху вздернулъ носъ Французской,
И давай кружить. — 2

*

А *Сарматы* пустословы
Подъиграть ему готовы:
Гостикъ дорогой! — 2

Скрыпки, басы заревѣли,
Звонки трубы загремѣли,
То што пиръ горой! — 2

*

Скоро *Польскимъ* онъ наскучилъ,
Музыкантовъ перемучилъ,
„Сѣмъ, на Русь пойду!“ — 2

(*) Подражаніе Французской, напечатанной въ первой книжкѣ Вѣстника 1813 года.

„Тамъ я *барыню* пройдуся,
„Фертомъ въ боки подопруся,
„Пляску заведу!“ — 2

❖

Бородинскія заботы,
Не отбили въ немъ охоты
Въ матушку *Москву*. — 2

„Тамъ мнѣ есть гдѣ разойтиться,
„А чтобы повеселиться,
„Барынь позову.“ — 2

❖

Побывать то удалося,
Да не такъ отозвалося, —
Не съ кѣмъ по плясать. — 2

Только проложилъ дорогу,
Занозилъ скоренько ногу,
Пришлось отдыхать. — 2

❖

Князь Кутузовъ помнилъ слово:
Хоть не скоро, да здорово.
Старый воробей! — 2

Знавши вывертки Француэски,
Заиграть велѣлъ по Руски
Музыкѣ своей. — 2

❖

Наши грянули посвойски:
„Мы не знаемъ по заморски,
„Нушка *козачка*!“ — 2

Чуть прослышалъ *Корсиканецъ*:
„Провались проклятой танецъ;
„Дастъ онъ мнѣ толчка! — 2

●

„То ли дѣло по Нѣмецки,
„Танцовать по молодецки,
„Старой *алемандъ*! — 2

„Эта пляска мнѣ сходнѣе,
„И для ногъ моихъ споснѣе;
„Ну, назадъ, назадъ!“ — 2

❖

„Видно хватъ ты изъ Французовъ“
Говоритъ ему *Кутузовъ*;
„Нѣтъ, братъ, погоди! — 2

„Шаркать мастеръ ты ногою,
„Сѣмъ попляшемъ мы съ тобою,
„Нушка выходи!“ — 2

❖

„Захотѣлъ плясать по Руски,
„Присѣдай ка по Французски
„Ты, *Наполеонъ*!“ — 2

Бонапарту не до пляски,
Растерялъ свои подвязки,
Хоть кричать пардонъ. — 2

❖

Сталъ онъ въ стороны кидаться,
Мѣлкимъ бѣсомъ извиваться,
Дрогнула нога! — 2

Его музыки не стало,
Скрыпокъ будто не бывало:
Пляска дорога! — 2

❖

Маргнулъ онъ *Коленкуру*:
„Сѣмъ ка выкинемъ фигуру
„На *цыганской* ладъ.“ — 2

Бросивъ пышныя ухватки,
По цыгански, безъ оглядки,
Шаркнулъ назадъ. — 2

Не соваться было въ воду,
Не спросяся прежде броду,
Хвать-богатырю! — 2

— Мать Россійская Держава,
Силы много! — Слава! слава!
Бѣлому Царю! — 2

С. Черная слобода.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ 1814.

№ 10.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

ПРОТИВОРѢЧІЯ,

или

гордость ума и слабость сердца,

повѣсть.

Изъ многихъ дамъ и мущинъ, ужинавшихъ въ домѣ одинокаго, но гостепріимнаго Поліента, всегдашняго Московскаго жителя, всѣ разъѣхались послѣ ужина, кромѣ красавицы Валеріи, его родной, молодой племянницы, которая по смерти своихъ родителей жила у тетки въ домѣ,

но всякой день ужинала у дяди, у сего почтеннаго и добраго старика. Онъ любилъ ее какъ дочь, но видѣлъ безъ ослѣпленія, и съ ласкою остерегалъ отъ заблужденія молодости и общества. „Береги доброе имя" говорилъ ей Поліектъ, между тѣмъ какъ подавали ея карету; „ты добра умна, и любезна, но слишкомъ вѣтрена и нескромна." — Вы такъ судите въ шестьдесятъ лѣтъ, — съ улыбкою отвѣчала Валерія, цѣлуя его руку; — но вы не такъ думали въ двадцать, согласитесь сами? — „Нѣтъ, никогда не любилъ я вѣтреныхъ женщинъ"... — Такихъ, какъ я, вы сказать хотите; но будьте справедливы. Можете ли сомнѣваться въ постоянствѣ моего сердца? Могу ли имѣть слабыя привязанности? Нѣтъ! кого полюблю одинъ разъ, того буду любить вѣчно! — „Такъ, знаю твое сердце; но, другъ мой, кто вѣритъ тайнымъ добродѣтелямъ женскимъ, когда поступки обличаютъ въ порокахъ? Ахъ! видя твою легкомысленность, и воображая, чего она можетъ тебѣ стоить, я готовъ плакать какъ младенецъ. Пока ты не будешь за мужемъ и щастлива, я не умру покойно." — Дядинька! вы меня трогаете. Но скажите, чего вы хотите? чего требуете? — „Того, чтобы ты не была такъ скора на изъявленіе твоихъ предубѣжденій въ пользу однихъ и противъ другихъ людей, такъ

насмѣшлива въ твоихъ лѣтахъ и въ состоянїи твоего пола, такъ наконецъ несправедлива на счетъ нѣкоторыхъ людей, которые не безъ причины гордятся передъ тобою ихъ достоинствами.....“ — Угадываю! вы говорите объ Евгенїѣ? — „Да; ваши вѣчныя противорѣчїя мнѣ не нравятся.“ — Хорошо, обѣщаю вамъ не противорѣчить ему никогда съ нынѣшняго дня. Чего не сдѣлаю въ угожденїе ваше? Но позвольте мнѣ взглянуться въ зеркало? Гдѣ часы ваши? Пристала ли ко мнѣ эта шаль? Но простите; спѣшу на балъ. — Племянница скрылась; а дядя глазами и мыслями ее провожая, говорилъ самъ въ себѣ: „Избалованное дитя фортуны, ты погибаешь!“

Въ самомъ дѣлѣ, веселая, живая, плѣнительная Валерїя родилась любимицею природы и щастїя, которыя щедро осыпали ее дарами своими, украсили достоинствами ума и сердца, преимуществами рода, красоты и достатка. Но какъ воспользовалась красавица сими щастливыми дарами? Какъ многїя ей подобныя, измѣняя добродѣтели для любезности, обращая способности природы на усилїя искусства, и отъ развратныхъ нравовъ свѣта портя свое доброе сердце. Къ тому же, она имѣла безмѣрную гордость, и кромѣ дяди не позволяла никому говорить себѣ истины, никому по-

давать себѣ совѣтовъ. Но великое самолюбіе неразлучно съ нѣкоторымъ возвышеніемъ ума и сердца. Велерія любила похвалу, а не терпѣла лести. Умнѣе другихъ сверстницъ своихъ, она скучала льстивымъ языкомъ Нарциссовъ влюбленныхъ въ зеркало и въ самихъ себя. Нѣчто свыше обыкновеннаго образа мыслей, чувство своего достоинства и глубокая сердечная нѣжность, сдѣлали ее строгой въ выборѣ жениховъ, и неприступной для толпы искателей. Наружность обманула наблюдателей. Знаки ея равнодушія къ женихамъ отнесли къ видамъ честолюбія, а свободное обращеніе со всѣми молодыми людьми къ вѣтрености и непостоянству сердца. Поліектъ судилъ о ней справедливѣе. Онъ видѣлъ, что ея маленькая слабость состояла только въ свойственномъ ея полу желаніи нравиться самымъ невиннымъ образомъ безъ всякаго порочнаго намѣренія, видѣлъ, и сожалѣлъ, что наружная склонность подражать нравамъ свѣта обнаруживала въ ней движенія порочнаго кокетства. Но ему было всего чувствительнѣе и досаднѣе то, что она подала поводъ къ предубѣжденію противъ себя одному изъ дальнихъ его родственниковъ, который съ недавняго времени жилъ у него въ домѣ, и котораго ему хотѣлось женить на племянницѣ.

Сей родственникЪ Евгенїй, прекрасный собою мущина, около 30 лѣтЪ, имѣлЪ строгїя добродѣтели, едва смягченныя глубокою чувствительностїю, великую привязчивость кЪ свѣтскимЪ порокамЪ, и маленькую слабость досадовать на успѣхи, чуждые его славѣ. КакЪ пятна на солнцѣ, такЪ слабости вЪ мудрыхЪ; ихЪ скорѣе замѣчаютЪ, можетЪ быть отЪ того, что онѣ облегчаютЪ самую раздражительную боль вЪ чувствѣ самолюбїя, какЪ тѣ вЪ чувствѣ зрѣнїя. И какЪ скоро воспользовалась сими слабостями толпа вѣтрениковЪ и вѣтрепицЪ, чтобы вызывать его на совмѣстничество и оспоривать его преимущества! ИзЪ тѣхЪ, которые сЪ большимЪ жаромЪ противорѣчили его суду и мнѣнїю, была Валерїя, умная Валерїя, достойная защищать справедливѣйшее дѣло. Упрямый Евгенїй не хотѣлЪ ничѣмЪ жертвовать для удовольствїя Грацїи, а красавица не хотѣла ничего уступить требованїямЪ строгаго мудреца, и молодые люди, видя ихЪ жаркїе споры, говорили сЪ улыбкою: никогда эти антиподы не будутЪ имѣть ничего общаго, ни языка, которымЪ говорятЪ, ни правилЪ, которымЪ слѣдуютЪ вЪ жизни!

ПослѣтогоЪ, какЪ Валерїя обѣщала дядѣ не входить болѣе вЪ спорЪ сЪ Евгенїемъ, сей послѣднїй принялЪ на себя то же обя-

зательство, по убѣжденію Поліекта; но оба съ того времени перестали не только противорѣчить, но и говорить другъ съ другомъ. Напрасно Поліектъ придумывалъ способы исполнить свое желаніе. Какъ было приступить къ дѣлу? какъ заговорить о томъ двумъ человѣкамъ, до того предубѣжденнымъ другъ противъ друга, что одинъ не хотѣлъ слышать похвалы другому? Иногда Поліектъ бралъ каждаго по одиначкѣ, и хвалилъ передъ нимъ другаго, ожидая безпристрастія и справедливости; но безъ всякаго успѣха. „Какой суровый умъ" говорила Валерія, „какое черствое у него сердце!" — Какая неосновательность мыслей — говорилъ Евгеній, — какія порочныя правила; кто можетъ ожидать отъ нее уваженія къ добродѣтели? — „Это самый холодный философъ! " восклицала Валерія. — Эта своенравная и высокомѣрная прелестница — утверждалъ Евгеній. Старикъ отчаялся, и замолчалъ.

Въ лѣтахъ глубокой старости самое легкое прискорбіе дѣйствуетъ на физическую природу, и добрый Поліектъ, огорченный сими обстоятельствами, слегъ въ постелю отъ жестокой нервической болѣзни. Три недѣли никого не принимали; одна племянница съ теткою своею навѣщала больнаго. Послѣдняя часто уѣзжала; но Валерія проводила день и ночь у его посте-

ки, не оставляя его ни на часъ, и только засыпала въ креслахъ на то время, когда Евгенїй приходилъ смѣнить ее въ должности. Такое неусыпное попеченїе о дядѣ, заботливая осторожность во всѣхъ поступкахъ, вѣрнѣйшая точность въ исполненїи докторскихъ предписанїй, а всего болѣе неизмѣнная кротость, съ которою она вытерпливала несправедливые иногда ропоты и укоризны больнаго, изумили Евгенїя; едва ли строгїй разумъ его не примирился на этотъ разъ со всѣми свѣтскими слабостями; по крайней мѣрѣ онъ готовъ былъ снисходить къ нимъ по слабости своего собственнаго сердца. Скоро Полїектъ началъ выздоравливать. Онъ лежалъ еще въ постелѣ, но безъ страданїя. Иногда Валерїя читала ему книгу; иногда онъ разсуждалъ съ нею не безъ намѣренїя въ присутствїи Евгенїя о тѣхъ нравственныхъ предметахъ, которые представлялись въ книгѣ и которыя могли обнаружить передъ нимъ ея доброе сердце. Въ одинъ вечеръ зашелъ разговоръ о дружбѣ. Валерїя хвалила описанїя сей героической страсти въ Ричардсоновой Клариссѣ и въ Руссовой Элоизѣ, и говорила шутя, что *любовь отсвѣчивается въ дружбѣ, какъ солнце въ стеклѣ, или водѣ.* Можетъ быть она не позволила бы себѣ такъ смѣло изъясниться о любви, естьли бы не видала себя равнодушною

къ Евгенїю, а его равнодушнымъ къ себѣ. Какъ бы то ни было, она продолжала разсуждать съ великою основательностїю. Пылкое воображенїе, доброе сердце, неразлучное съ женщинами желанїе нравиться лицемъ, или умомъ, приносили ей даръ краснорѣчїя. Во все время Евгенїй молчалъ и слушалъ; но передъ концемъ разговора сказалъ: „Знаете ли однакожъ, что я думаю? Дружба есть дурная копїя любви, или, слѣдуя вашему сравненїю, неясное отраженїе ея чистаго свѣта.“ Велерїя взглянула на него съ коварною усмѣшкою, и едва не сказала: Вы философъ, а почитаете любовь чистымъ свѣтомъ! но удержалась въ присутствїи дяди, который, предвидя ея насмѣшку, принялъ на себя важный видъ и остановилъ ее строгимъ взоромъ. Между тѣмъ она защищала свое дѣло, называя мудреца преступникомъ добродѣтели и природы; но мудрецъ былъ на сей разъ нечистосердеченъ: немного женскаго лукавства пристало къ нему отъ красавицы. Совсѣмъ не такъ думалъ онъ о чувствѣ дружбы; но ему хотѣлось говорить о преимуществѣ любви, и нѣкоторыя сильныя доказательства, приведенныя въ пользу сего послѣдняго мнѣнїя, заставили Валерїю раза два задуматься и даже закраснѣться. Разговоръ кончился. Послѣ ужина Валерїя уѣхала домой, но уѣхала съ удивленїемъ,

что строгій Евгеній предпочитаетъ любовь дружбѣ, и это удивленіе не выходило у ней изъ головы.

На другой день, когда Валерія пріѣхала освѣдомиться о здоровьѣ Поліекта, сей послѣдній напомнилъ ей о бывшемъ наканунѣ разговорѣ: „Какъ показалось тебѣ вчерашнее разсужденіе о любви?" Этотъ вопросъ, самый обыкновенный, привелъ Валерію въ нѣкоторое замѣшательство отъ того, что дядя угадалъ нѣкоторымъ образомъ ея тайныя сомнѣнія. „Что значитъ этотъ вопросъ?" спросила она съ удивленіемъ. — Ничего; хочу знать только твое мнѣніе. — „Нѣтъ, ваше лице показываетъ что-то таинственное?" — Нѣтъ другой таинственности, кромѣ той, которую нахожу въ рѣчахъ Евгенія, и которой не могла ты не замѣтить. Его вчерашнее мнѣніе противорѣчитъ, кажется, его строгимъ правиламъ и его обыкновенному удаленію отъ любви и женщинъ. „Чтожъ вы заключаете изъ того?" съ улыбкою спросила Валерія. — То, что онъ имѣетъ намѣреніе жениться, и, можетъ быть, на тебѣ. — Валерія ахнула. „Что вы говорите, дядинька? Я и Евгеній! . . . какая пара! . . . Но скажите, пожалуста, развѣ онъ говорилъ вамъ что нибудь на это похожее?" Догадливый старикъ на-

рочно задумался. — „Нѣтъ“ повторила' Валерія съ любопытствомъ „вы молчите и что-то скрываете.“ — Когда ты хочешь знать — отвѣчалъ Поліектъ съ важнымъ видомъ, который имѣлъ свою цѣль и причину, — то скажу тебѣ, что онъ расположенъ жениться, и говоритъ прямо, что естьли бы ему надлежало искать себѣ подругу въ кругу свѣтскихъ женщинъ, то выборъ его обратился бы не на тебя, и что онъ предпочитаетъ тебѣ многихъ другихъ женщинъ по ихъ любезности и красотѣ. Но можетъ быть. . . — „Какая мнѣ до того нужда“ перервала Валерія съ огненною въ лицѣ краскою; „и что вамъ вздумалось говорить мнѣ о такомъ замужствѣ, которому предпочту скорѣе вѣчное уединеніе въ стѣнахъ монастырской кельи.“ — Однакожъ Евгеній имѣетъ достоинство, добродѣтели и чувствительность, которыя могутъ сдѣлать женщину щастливою. — „Пускай бережетъ свои достоинства для другихъ. Но перервемъ этотъ разговоръ, для меня очень скучный.“ — Такъ кончилась рѣчь, но оставила впечатлѣніе въ умѣ и душѣ Валеріи, которая не смѣла спросить, а любопытствовала знать всѣ подробности того, что Евгеній говорилъ о ней. Обманъ Поліекта имѣлъ свое дѣйствіе. Живо тронутое самолюбіе Валеріи задавало ея дѣятельному

воображенію трудъ угадывать, по какому случаю строгій мудрецъ могъ рѣшиться на женитьбу, и какимъ образомъ онъ судилъ и сравнивалъ красавицъ. Сколько она ни почитала себя равнодушною къ его мнѣнію, однакожъ ея гордость страдала, и сердце противъ воли занималось тѣмъ предметомъ, о которомъ разумъ не позволялъ ей мыслить.

По совершенномъ выздоровленіи Поліекта, когда гости съѣхались въ одинъ вечеръ къ ужину, остались подлѣ Евгенія одни пустыя кресла, на которыя Валерія сѣла, какъ вдругъ Евгеній всталъ съ своего мѣста, и занялъ другое, безъ всякаго умысла. Никто въ шумномъ стеченіи людей не замѣтилъ сего перехода, кромѣ Валеріи, которая вспомнила тотчасъ пересказанныя ей Поліектомъ рѣчи. Не досадно ли, думала она сама въ себѣ, что тотъ человѣкъ, который не имѣлъ и не имѣетъ никакой причины на меня жаловаться, показываетъ но мнѣ явное презрѣніе? Конечно не важно для меня его мнѣніе, но чувствительна обида; и есть-ли не всякая женщина можетъ ожидать почтенія къ ея достоинствамъ, то всякая имѣетъ право требовать уваженіе къ ея полу: правило, конечно и ему извѣстное. — Эта мысль долго занимала Валерію, раздражая ея тщеславіе; но чтобы показать себя равно-

душною къ сему поступку, она смѣялась, хохотала, рѣзвилась, замѣчая украдкою каждый шагъ Евгенія. Иногда ей казалось, что онъ смѣется надъ ней, и даже произноситъ ея имя, перешептываясь съ пріятелями; иногда она пробѣгала мимо того мѣста, гдѣ былъ Евгеній, чтобы говорить съ другими, но вслушиваться въ его рѣчи. Ей хотѣлось чрезвычайно привязаться къ первому слову и случаю для отмщенія грубому человѣку насмѣшкою, или презрѣніемъ. Въ концѣ вечера, остановясь нарочно у того мѣста, гдѣ Евгеній сидѣлъ съ нѣсколькими дамами, она вмѣшалась въ общій разговоръ; и Евгеній, видя всѣ мѣста занятыя, уступилъ ей свое такъ вѣжливо и охотно, что Валерія отблагодарила его самымъ чувствительнымъ образомъ. Съ какою удивительною скоростію обращаются люди съ живымъ характеромъ отъ одного движенія къ другому! Въ сердцѣ Валеріи кипѣла уже не досада, но радость и глубокая признательность; ибо ей казалось, что раскаявшійся Евгеній хотѣлъ сею вѣжливостью загладить свою первую грубость; и она помнила, что онъ не былъ никогда ревностнымъ исполнителемъ свѣтскихъ обыкновеній. Но, что всего болѣе утѣшило ея самолюбіе, Евгеній стоялъ подлѣ нее, бралъ участіе въ разговорѣ, и

соглашался со многими ея мнѣніями. Богъ знаетъ, какъ далеко забѣгало на тотъ разъ женское воображеніе для изъясненія сего феномена въ пользу своей красоты и любезности! Но догадки умной женщины въ любовныхъ случаяхъ не далеки всегда отъ истины. Какъ бы то ни было, она обѣщала сама себѣ вознаградить его вниманіе ласкою, какъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ хотѣла отплатить ему за грубость насмѣшкою (крайности, не рѣдкія въ женщинахъ!); но, къ ея сожалѣнію, Евгеній скрылся: жестокая головная боль не позволила ему возвратиться къ ужину. Напрасно Валерія, безпрестанно оглядываясь на всѣ стороны и двери, ожидала его; нетерпѣливое желаніе изъявить ему сердечную ласку не могло исполниться; и дамы, проводя съ нею остатокъ вечера, находили ее молчаливой и скучной противъ обыкновенія.

Съ недѣлю Евгеній лежалъ въ постелѣ отъ легкой простуды, и всякой разъ, какъ Валерія пріѣзжала къ Поліекту, она посылала освѣдомляться о здоровьѣ больнаго, съ изъявленіемъ учтиваго, но искренняго желанія видѣть его скорѣе. По истеченіи недѣли они увидѣлись въ домѣ Поліекта до съѣзда гостей и въ отсутствіи хозяина, который, по нѣкоторымъ дѣламъ отъ-

ѣхавъ къ ближнему сосѣду, оставилъ племянницу для угощенія ожидаемыхъ къ вечеру дамъ. Какъ не вспомнить и какъ не заговорить о давнишнемъ, но памятномъ случаѣ? Когда Евгеній благодарилъ Валерію за принятое въ его болѣзни участіе, она отвѣчала ему съ улыбкою: „Видите, что я не злопамятна?“ — Какъ? — спросилъ Евгеній — развѣ я подалъ вамъ причину къ злопамятству? — „Въ послѣдній разъ, какъ мы видѣлись, вы бѣгали отъ меня.“ Евгеній изъявилъ сомнѣніе; а Валерія напомнила ему тотъ случай, о которомъ говорила; и онъ отвѣчалъ искренно, что оставилъ тогда свое мѣсто безъ всякаго намѣренія, и совсѣмъ ее не замѣтилъ. — „Вѣрю, что вы не замѣчаете меня и мнѣ подобныхъ“ повторила Валерія съ живостію; „но такъ близко, какъ я была отъ васъ?“ — Такъ вы думаете, что я могу только замѣчать васъ вблизи? — „Едва ли и тогда; а ваше признаніе есть тому доказательство. И гдѣ вамъ строгимъ мудрецамъ снисходить къ намъ слабымъ тварямъ, созданнымъ только для вихря забавъ и для мрака безвѣстности! не правда ли?“ — Можетъ быть и правда, только не для васъ. Позвольте сказать себѣ, что вы не такъ смиренны въ чувствѣ вашего женскаго достоинства! Но, Валерія, вы начали опять войну, которую продолжать не имѣю жела-

нія и намѣренія. — Валерія улыбнулась. Они замолчали. Черезъ нѣсколько минутъ Евгеній такъ возобновилъ разговоръ: „Знаете ли, Валерія, что за двѣ недѣли передъ этимъ во всю болѣзнь вашего дядюшки вы были совсѣмъ другою женщиною? . . . . нѣтъ! вы были свыше всѣхъ женщинъ въ мірѣ, — вы были Ангеломъ кротости, благоразумія и добродѣтели!“ . . . — Васъ ли я слышу, Евгеній! Какая лестная для меня похвала! Вы не обманываете конечно, ибо не знаете лести. Ахъ! какъ желаю быть всегда достойною вашего хорошаго мнѣнія и примирить съ собою наконецъ строгаго, но великодушнаго человѣка, которому сама отдаю и честь и справедливость. — „Вѣрить ли мнѣ искренности этой рѣчи?“ — Не думайте, Евгеній, чтобы вы были одни на свѣтѣ искренны, и послушайте. Вы меня видѣли легкомысленной на словахъ, вѣтреной въ поступкахъ, упрямой въ моихъ безразсудныхъ мнѣніяхъ; но знаете ли отъ чего? скажу вамъ также откровенно. Я видѣла себя по крайней мѣрѣ въ разстояніи земли и неба отъ прекрасной цѣли и великихъ добродѣтелей, на которыя вы указывали свѣту съ гордостію. По той же гордости и въ тайной досадѣ, что не могу приближиться къ вашимъ правиламъ, я поставляла себѣ за славу отъ нихъ удаляться, и даже ихъ оспоривать, хотя

чувства мои противорѣчили мыслямъ, а сердце языку. Прибавить ли другое къ тому признанїе въ знакъ совершенной откровенности? Ваша мудрость казалась мнѣ немного принужденною, не совсѣмъ естественною, не для чувствительныхъ людей сотворенною. Конечно я ошибалась. . . — „Нѣтъ, вы были правы" перервалъ Евгенїй съ великимъ жаромъ. „Я притворялся холоднымъ стоикомъ, когда былъ чувствительнымъ и слишкомъ чувствительнымъ человѣкомъ, которому дорого стоила его строгость." — Какъ! — воскликнула Валерїя съ улыбкою — и вы мудрые имѣете ту слабость, въ которой упрекаете насъ бѣдныхъ женщинъ, не говорю уже лукавить, но таить ваши чувства и мысли? — „Побужденїя наши были почти однѣ" отвѣчалъ Евгенїй, не много смѣшавшись; „я не хотѣлъ, какъ и вы, изъ одной гордости уступать вашимъ требованїямъ, и не надѣясь ничего выиграть передъ женщинами черезъ достоинство и добродѣтель, я удвоилъ свои наружныя строгости; но теперь примирился съ вами и . . . ." — При семъ словѣ растворились двери. Прїѣхали гости. Евгенїй не могъ договорить, чего съ любопытствомъ и нетерпѣнїемъ ожидала Валерїя. Нещастная литера! нещастный союзъ: и, ты отрѣзалъ рѣчь, вмѣсто того, чтобы связать ее! На немъ остановились два сердца въ смя-

шеніи и неизвѣстности, какъ роковое слово на устахъ Евгенія безъ конца и развязки.

Какъ скучны гости, думала Валерія, усаживая дамъ, и не удостоивая мущинъ никакого вниманія, та, которая любила гостей, и не оставляла мущинъ безъ привѣтствія. Казалось, что на тотъ вечеръ Евгеній и Валерія перемѣнились въ ихъ свойствахъ и поступкахъ: тотъ былъ привѣтливѣе, говорливѣе, даже развязнѣе; а та гораздо осторожнѣе въ ея живости, молчаливѣе противъ обыкновенія, и задумчива. Но оба говорили и поступали, какъ по тайному согласію: такъ встрѣчались ихъ мысли въ предметахъ общаго разговора. На лицѣ Валеріи пылалъ румянецъ отъ сердечныхъ движеній; а Евгенія оживляла какая-то наружная веселость.

Между тѣмъ увлеченная мало по малу живостію ума и сердца, Валерія возвращалась къ своему любезному характеру, и все вокругъ себя украшала неподражаемою пріятностію веселаго разума, цвѣтущаго, подобно красотѣ ея, всею свѣжестію природы — какъ вдругъ Поліектъ возвращается домой. Едва она видитъ его входящаго въ двери, и подбѣгаетъ къ нему съ пылкостію, съ изображенною на лицѣ радостію, съ рѣчью, готовою летѣть изъ устъ

ся такимъ примѣтнымъ образомъ, что Поліектъ останавливается и говоритъ: „Ожидаю, мой другъ; у тебя слова на языкѣ.“ На бѣду слова изчезли. Валерія раздумала говорить; но смѣшалась, видя стоящаго передъ нею старика, и все общество, въ молчаніи ожидающее конца забавнаго явленія. Она хочетъ отъиграться шутками. Забавники приступаютъ къ ней; самъ дядя требуетъ обьясненія; а въ нѣсколькихъ шагахъ стоитъ Евгеній, строгій наблюдатель, и вѣрно смотритъ на нее съ важностію Катона! . . . Какое стеченіе свидѣтелей и затрудненій! . . . . Какъ ни умна и ни проворна Валерія, она не можетъ ничего придумать отъ замѣшательства, кромѣ неудачнаго способа отвести Поліекта въ сторону, которому говоритъ въ полголоса: „Мы примирились почти съ Евгеніемъ, вотъ о чемъ хотѣла вамъ сказать; но ради Бога“ . . . . — Какая странность! — громко перерываетъ Поліектъ (который имѣлъ свои виды, и котораго напрасно просили молчать), — какая странность выдавать это за тайну. А я поздравляю Евгенія съ общимъ примиреніемъ. — Евгеній усмѣхнулся и покраснѣлъ не совсѣмъ какъ мудрый, и не совсѣмъ еще какъ влюбленый.

Въ теченіи сего вечера нетерпѣливая красавица выжидала Евгенія во всѣхъ углахъ

и мѣстахъ, гдѣ рѣдѣла толпа гостей, чтобы возобновить безъ свидѣтелей разговоръ, нещастнымъ образомъ перерванный. Но осторожный человѣкъ не позволилъ себѣ говорить въ многолюдствѣ, чего не изъясняютъ на вѣтеръ и удачу, и чего напрасно ожидали отъ него, какъ тайну жизни отъ рока и Провидѣнія. Съ вечеромъ протекала надежда; она изчезла совсѣмъ, когда кончился ужинъ; и Валерія готова была ѣхать домой съ какимъ-то внутреннимъ расположеніемъ къ досадѣ, естьли бы другой новый случай не привелъ ее въ самое пріятное удивленіе. Въ часъ ея отъѣзда, когда она откланивалась Евгенію, онъ подошелъ поцѣловать у ней руку въ первой разъ въ жизни, и въ полголоса сказалъ: „Вы были нескромны." Этотъ дружескій упрекъ, въ тайнѣ произнесенный кроткимъ голосомъ, и съ пріятнымъ видомъ; ласка, которую важный мудрецъ никогда ей не оказывалъ, и которая имѣла для нее цѣну прелестнаго дара любви, оба знака нѣкотораго рода довѣренности и несомнительной нѣжности, ей изъявленной человѣкомъ, до того времени угрюмымъ, и, казалось, нечувствительнымъ: сколько лестнаго для женскаго самолюбія и пріятнаго для сердца, занятаго уже своимъ предметомъ!

Теперь допросимъ, естьли угодно читателямъ, нѣмыя стѣны обоихъ домовъ, гдѣ

Валерія и Евгеній проводятъ время ночи и . . . . безсонницы. Онѣ скажутъ намъ, сколько сердечныхъ движеній и быстрыхъ мыслей передано имъ безмолвливымъ свидѣтелямъ, подъ вѣрною печатью таинства! сколько было такихъ чувствъ, съ которыми одно сердце отзывалось, кажется, на голосъ другаго, какъ будто бы пересылаясь и переговаривая между собою черезъ тихаго Ангела ночи! Милый человѣкъ, говоритъ Валерія, какъ судила я несправедливо о тебѣ и о самой себѣ! . . . . Всегда буду уважать и любить тебя, но какъ друга! . . . Могу ли надѣяться? . . . . Нѣтъ. . . Мудрецъ и влюбиться! . . . Но по чему знать? . . . можетъ быть. . . . И какія послѣднія слова замерли на устахъ любезнаго Евгенія? . . — О Валерія, мыслилъ, послѣдній въ свою очередь, Богъ знаетъ, до чего бы договорился я вчерашній вечеръ, естьли бы не гости. . . Склонности сердца, слабости разума, всѣ таинства души моей готовъ я былъ открыть какъ бы самому Богу, со мной бесѣдующему, тебѣ восьмнадцатилѣтней красавицѣ, младенцу по лѣтамъ и чувству! . . . Но я самъ былъ на ту минуту младенцемъ! . . . . Буду ли всегда въ такомъ безпамятствѣ? . . . Ахъ! поздно, поздно! . . Ты цвѣтешь, а я — отцвѣтаю. . . Но мы не хотимъ и не можемъ пересказывать всего, что говорили втайнѣ серд-

ца наши друзья, и . . . едва не сказалъ и любовники. Нѣтъ, они еще не любовники, но похоже на то; и можетъ быть мы не много ошибемся, естьли назовемъ ихъ симъ именемъ.

По утру Поліектъ изъявилъ Евгенію желаніе слышать подробности того примиренія, о которомъ племянница объявила ему наканунѣ, и послѣдній разсказалъ чистосердечно, какъ дѣло происходило, умолчавъ только о нѣкоторыхъ сердечныхъ движеніяхъ. Опытной старикъ разсмѣялся, не отъ лукавства, но отъ радости.

На другой день герои наши встрѣчаются у Поліекта; и Евгеній удивляется, смотря на красавицу. Какъ просто и скромно одѣта Валерія! какъ видно намѣреніе угодить вкусу новаго друга, который любитъ простоту и хвалитъ скромность! Безъ всякихъ другихъ украшеній, кромѣ бѣлаго платья и чернаго кружевнаго покрывала, кстати соединенныхъ въ знакъ сердечнаго траура и чистой Весталической добродѣтели (а женщины имѣютъ великій даръ изъясняться через эмблемы), молодость и красота лица ея сіяютъ сквозь прозрачное кружево, какъ солнце сквозь облако. Но что всего болѣе украшаетъ ее въ глазахъ Евгенія? Новая заботливая осторож-

ность въ всѣхъ частяхъ женскаго наряда; не видно того смѣлаго небреженія, съ которымъ тонкій флеръ прикалывался нѣкогда у ея прекрасной груди. Евгеній дорого цѣнитъ ея осторожность; и сколько жадные взоры и слабое сердце не оспориваютъ строгій разумъ въ пользѣ таинства для женскихъ прелестей, онъ благодаритъ красавицу за ея вниманіе къ долгу скромности и за спасеніе святыхъ правъ невинности отъ взоровъ наглости и безстыдства. Съ неменьшимъ удовольствіемъ видитъ онъ, какъ Валерія удерживаетъ забывчивыхъ вѣтрениковъ въ предѣлахъ строгой должности, удаляется отъ ихъ обидной ласки, и выразительнымъ взоромъ относитъ къ нему достоинство сего примѣрнаго поведенія, какъ подражаніе его примѣру, какъ дань его добродѣтелямъ. Въ любви всякая жертва есть для одного даръ, а для другаго утѣшеніе. Не довольно было для Валеріи угождать безмолвно правиламъ Евгенія. Съ милою заботливостію подходила она къ нему и говорила: „Вы не веселы? можетъ быть вы не довольны?" и щастливый Евгеній, угадывая смыслъ вопроса, отвѣчалъ съ полнымъ сердцемъ: — Нѣтъ, я веселъ, я доволенъ; будьте всегда подобны себѣ самой. —

Въ концѣ вечера разговоръ обратился на спектакли. Нѣкто изъ гостей предложилъ Велеріи играть на его домашнемъ театрѣ. Она не отвѣчала ничего рѣшительнаго; но взглянула на Евгенія такими глазами, которые требовали его мнѣнія. Между тѣмъ, какъ продолжали разсуждать о спектакляхъ, она умѣла довести разговоръ до мнѣнія нѣкоторыхъ строгихъ людей, которые не позволяютъ ихъ полу являться на сцену для забавы публики и для увѣнчанія себя пальмою актерской славы. Многіе вооружились противъ излишней строгости сего правила; но Евгеній и Поліектъ защищали его съ великимъ жаромъ. „Когда такъ!" воскликнула Валерія, „то съ нынѣшняго дня никто не увидитъ меня на сценѣ. Одинъ разъ играла я на театрѣ, но этотъ разъ будетъ первый и послѣдній въ жизни моей." При этомъ словѣ улыбнулись многіе изъ молодыхъ и старыхъ людей, перешепнувшись коварнымъ образомъ; а Валерія закраснѣлась отъ сердечнаго пламени и отъ явнаго признанія, которое вырвалось изъ устъ ея по быстрому движенію страстной души. Какимъ прелестнымъ существомъ казалась она Евгенію! Онъ не вѣрилъ еще силѣ любви ея, но вѣрилъ уже силѣ добродѣтели надъ ея сердцемъ, и влеченію своего сердца къ ея уму и красотѣ. Единственная жен-

щина въ мірѣ! думалъ онъ самъ въ себѣ, ты рѣшила наконецъ мои сомнѣнія! Какъ долго не понималъ я, отъ чего въ одно время досаждали и льстили мнѣ наши противорѣчія! Къ тебѣ летѣлъ я на сладкую брань; въ тебѣ любилъ тотъ умъ, тотъ языкъ и тотъ добрый нравъ, которыхъ оспоривалъ достоинство по одной наружности, но передъ которыми тайно въ душѣ смирялся. А теперь, теперь . . . душа моя отдана тебѣ! . . . —

Такимъ образомъ они продолжали видѣться и въ слѣдующіе дни, съ тайною сердечною склонностію, но безъ объясненія, съ общею но безмолвною довѣренностію, одинъ угождая другому, тотъ смягчая свои строгости и требованія, а та умѣряя свое легкомысліе и очищая свои нравы; одинъ примиряясь съ любезностію, а другая съ мудростію, но оба говоря себѣ: ахъ! мы можемъ только быть друзьями! Они обманывались, но Поліектъ не обманывался, примѣчая за ними въ ежедневныхъ свиданіяхъ окомъ опытнаго наблюдателя и ревностнаго ихъ друга. Посмотримъ, какую пользу принесетъ ему наука сердцевѣденія!

Черезъ нѣсколько времени разнеслись по городу слухи о замужствѣ Валеріи съ Евге-

нїемъ. Многїе сомнѣвались; а другїе переувѣряли даже съ таинственнымъ видомъ, что она идетъ за другаго достойнаго мущину, который часто бываетъ въ домѣ Полїекта, и который въ самомъ дѣлѣ искалъ руки ея. Сей послѣднїй слухъ дошелъ до Евгенїя черезъ людей, всегда готовыхъ или отъ праздности, или отъ порочности, спѣшитъ объявленїемъ печальныхъ извѣстїй. Съ того времени онъ началъ замѣчать за симъ молодымъ человѣкомъ съ ревностїю, съ часу на часъ возрастающею; а какъ Валерїя не подозрѣвала ни мало сей ревности, то и не могла она избѣгать тѣхъ случаевъ, которые возбуждали въ немъ несправедливое подозрѣнїе. Однажды, когда Полїектъ давалъ у себя маскерадный балъ, Валерїя танцовала съ молодымъ человѣкомъ нѣсколько разъ сряду очень неохотно, но изъ вѣжливости, по долгу хозяйки, и не имѣя возможности отговориться отъ убѣдительнаго приглашенїя. Евгенїй, смотря издали, кипѣлъ отъ ревности и сомнѣнїя. Каждая улыбка красавицы, каждый взоръ ея, обращенный на кавалера, каждое прїятное его слово волновало кровь любовника. Ему казалось уже, что онъ читаетъ въ ихъ глазахъ согласїе любви и признанїе страсти. Онъ не могъ болѣе вытерпливать мучительнаго подозрѣнїя; но когда Валерїя, по общему вызову всей публики, на-

чала съ тѣмъ же кавалеромъ Рускую пляску, которая выражала нѣкоторымъ образомъ живость любовной страсти, и когда молодый человѣкъ преклонилъ передъ ней колѣно, Евгеній, внѣ себя, скрылся. Перервемъ ослѣпленіе, говорилъ онъ самъ себѣ, заключась въ своей комнатѣ, перестанемъ быть игрушкою страсти, и молодой красавицы. Любовь, и любовь безнадежная, не есть дѣло мудраго. Можетъ ли Валерія не предпочесть мнѣ молодаго красавца? — Нѣсколько часовъ Евгеній сражался съ самимъ собою; но рѣшился наконецъ въ умѣ, а не въ сердцѣ своемъ, уѣхать на другой день изъ Москвы. Онъ возвратился на балъ передъ концемъ, но скрылъ отъ Валеріи свое неудовольствіе.

На другой день, какъ скоро Поліектъ проснулся, является къ нему Евгеній съ блѣднымъ лицемъ, и объявляетъ о своемъ отъѣздѣ въ деревню. Поліектъ угадалъ причину, задумался, и наконецъ спросилъ: „И вы ѣдете непремѣнно сего дня?“ — Сей часъ, — отвѣчалъ Евгеній. „Но у васъ нѣтъ еще ни подорожной, ни почтовыхъ лошадей?“ — Самъ бѣгу за ними. — „Говорили ли вы съ моей племянницей о вашемъ отъѣздѣ?“ — Нѣтъ. — „Она будетъ сожалѣть; но долго ли пробудете въ деревнѣ?“ — Удаляюся изъ Москвы навсегда. — „Какое

скорое и твердое рѣшенie! Что бы могло вамъ подать къ тому поводъ?" — Ничего, кромѣ скуки въ городѣ. — Поліектъ принялъ на себя таинственный видъ, и черезъ нѣсколько минутъ молчанiя, сказалъ: „Это для меня тѣмъ прискорбнѣе, что я надѣялся имѣть васъ гостемъ на свадьбѣ нашей. — „На какой свадьбѣ?" съ ужасомъ спросилъ Евгенiй. — Развѣ не знаете вы, что моя племянница идетъ за мужъ? — „И такъ Валерiя ваша Валерiя, точно идетъ за мужъ?" — Да; чтожъ васъ удивляетъ? — „Ничего; а кто этотъ смертный, ей предназначенный судьбою?" . . . — Это не моя тайна, не могу открыть ее; но кстати вспомнилъ я, что Валерiя поручила мнѣ просить васъ переговорить съ нею объ этомъ дѣлѣ сегоднишнимъ утромъ. Она скоро прiѣдетъ. . . . — „Со мною переговорить объ этомъ дѣлѣ? Это странно, насмѣшливо и даже безстыдно." Старикъ притворился, будто бы не вслушался въ послѣднiя слова, а Евгенiй черезъ минуту размышленiя, прибавилъ: „Хорошо . . . я буду у васъ къ тому часу." — Онъ удалился скорыми шагами, говоря самому себѣ: увижу по крайней мѣрѣ, съ какимъ лицемъ эта вѣтреная прелестница подпишетъ мнѣ приговоръ смерти, увижу — я буду доволенъ.

Едва онъ скрылся, и Поліетъ отправилъ письмецо къ Валеріи, которая, по дядиному приглашенію, весьма убѣдительному, но только не объясненному, прискала отъ неизвѣстности безъ души и памяти. Хитрый старикъ, обнявъ ее, сказалъ: „Не безпокойся, нѣтъ ничего важнаго; дѣло состоитъ въ томъ, что я хотѣлъ съ тобою проводить до заставы Евгенія, который сего дня отправляется въ свою деревню." — Что вы говорите? Евгеній ѣдетъ сего дня въ деревню? — „Да, сей часъ и навсегда." — Вы шутите? — „Ни мало; подорожная взята, и лошади уже готовы." — Боже мой! — воскликнула Валерія, — что можетъ быть причиной сего отъѣзда и намѣренія? Ради Бога объясните мнѣ тайну, выведите меня изъ мучительной неизвѣстности? — „Я не знаю самъ тайны; но отъ чего ты пришла въ такое смятеніе?" — Ахъ! . . . дядинька! . . . я люблю его, какъ не любила никого въ жизни, какъ буду только любить его одного, вѣчно, до гроба! . . . Спѣшите къ нему; удержите его . . . Нѣтъ! . . . призовите его сюда! . . . пускай онъ видитъ мое состояніе; оно тронетъ можетъ быть жестокаго человѣка, котораго я считала чувствительнымъ. . . . Неблагодарный, какихъ жертвъ не принесла я изъ любви къ нему! . . . Гдѣ награда? гдѣ любовь? —

Валерїя плакала, а дядя улыбался — какъ вдругъ человѣкъ отворилъ двери для входящаго Евгенїя.

Отчаянный Евгенїй, увидя изъ окна въѣзжающую на дворъ карету и въ каретѣ Валерїю, хотѣлъ броситься на крыльцо, чтобы осыпать ее укоризнами; но, долго не имѣя силы и смѣлости, побѣжалъ наконецъ къ Полїекту — входитъ, и — какое явленїе! — Валерїя стоитъ передъ дядею, цалуя его руку и моля о посредничествѣ. . . . Блѣдность ея лица, катящїеся по лицу слезы, въ безпорядкѣ разсыпавшїеся по плечамъ волосы: какой предметъ для взоровъ Евгенїя, который ожидалъ видѣть красавицу веселую и щастливую! Онъ останавливается отъ удивленїя и смятенїя.

Полїектъ далъ немного продолжиться сей нѣмой сценѣ любви. Потомъ, отирая сладкїя слезы, онъ сказалъ: „Евгенїй! утѣшь твою невѣсту; а ты, Валерїя, твоего жениха, и сложите руки въ знакъ общаго согласїя.“ Они слышатъ, но стоятъ, не подавая другъ другу руки и не смѣя взглянуть другъ на друга. Ихъ взоры устремляются на дядю; но Полїектъ повторяетъ со смѣхомъ: „Развѣ я ошибся? развѣ не хотите вы быть супру-

тами? Эти слова, этотъ смѣхъ ободряютъ двухъ любовниковъ, нѣкогда столь гордыхъ, а теперь столь слабыхъ и робкихъ. Довольно сказать, что они соединяютъ руки и сердца въ присутствіи добраго старца, который отъ глубины души радовался сею развязкою, ускоренною его выдумкою.

Скоро во всей Москвѣ узнали о семъ новомъ союзѣ. Одни кричали отъ удивленія; другіе критиковали отъ зависти; иные угадывали и подозрѣвали, чего совсѣмъ не было: но щастливые любовники сдѣлались добродѣтельными супругами, которыхъ щастіе и согласіе не перерывалось до конца жизни. Часто они удивлялись ихъ первымъ предубѣжденіямъ и противорѣчіямъ; но Полієктъ говорилъ имъ: „Не удивляйтесь; я видалъ въ жизни, что любовь начинается размолвкой, какъ размолвка оканчивается любовью. Впрочемъ вашъ примѣръ доказываетъ, что наружность иногда обманчива.“

В. И.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХИ

на возобновленіе Благороднаго Пансіона, Апрѣля 14го дня 1814 года.

(Къ товарищамъ.)

Творенья мудрости, которыхъ перва цѣль
Есть польза общая Отечества сыновъ, —
Не гибнутъ посреди рушительныхъ громовъ,
Не сотрясаемы среди волненій свѣта. —
— Сей, сто ужасныхъ главъ вращающій Тифонъ,
Напрасно изрыгалъ на храмы просвѣщенья
Соблазны адскіе и пламень разрушенья; —
Сквозь дымъ, куреніе — взоръ кинулъ Аполлонъ, —
И нѣтъ врага! — и царство Бога
Изъ хаоса возникло вновь! . . .
Науки процвѣли; открыта къ нимъ дорога,
И попечительна Отечества любовь
Опять привѣтствуетъ въ свои насъ вертограды
Вкушать ученія и доблестей отрады! —
Благодареніе Великому ЦАРЮ!
Когда Могущій, ОНЪ, въ гнѣздилищѣ тирана
Спѣшитъ Европы кончить прю,
Среди орловъ молніеносныхъ стана;

Въ то время, въ страшной брани часъ,
ОНЪ сердцемъ и душей болѣзнуетъ о васъ,
Любезныя Науки! —
И Вышняго перунъ метающія руки
Отверзлись благостью въ родныя племена!
Се! въ пепелъ матери градовъ многострадальной
Благотворенія упадши сѣмена
Уже прозябли днесь въ красѣ весны начальной!
Утѣшьтесь, нѣжные родители, теперь,
Утѣшьтесь матери, которыхъ трудъ и радость —
Благовоспитанна дѣтей любезныхъ младость:
Отверзта имъ къ наукамъ дверь!
Заботы вашихъ душъ, почтенныя, драгія
Отечество и ЦАРЬ готовы воспріять
На рамена свои святыя!
Наставники, вожди готовы управлять
Птенцовъ неопытныхъ путями! —
Да будетъ миръ и радость съ нами,
О юные друзья!.. откроемъ нашу грудь
Благимъ внушеньямъ Музъ и Ѳеба!
И, осѣнённые живою силой Неба,
Надежно потечемъ въ благословенной путь! —
Исполнимъ на себѣ родителей желанья,
Достойны будемъ ихъ болѣзненныхъ трудовъ,
И Царскаго благодѣянья,
И попеченія Отечества сыновъ,
Которымъ ввѣрены младыя наши лѣта! —
Да сей священный вертоградъ,
Цвѣтя къ утѣхѣ свѣта,
И сохранитъ на вѣкъ, и вознесетъ стократъ
Свою нелoжну честь, искуплену годами!..
Онъ можетъ славенъ быть — лишь нашими хвалами!

Друзья! воззрите вдаль на бранныя поля,
Гдѣ стонетъ твердь, дрожитъ земля
Отъ рева медныхъ жерлъ несметныхъ —
Тамъ, видите ли вы щастливыхъ юныхъ смертныхъ,
Подобныхъ выспреннимъ орламъ,
По сердцу, кажется, толико близкихъ къ вамъ? —
То ваша братія, предмѣстники младые!
Въ семъ храмѣ укрѣпясь и тѣломъ и душой,
Несутъ свободу, миръ въ края они чужіе!
Здѣсь Мудрость имъ дала, когда пошли на бой,
Щитомъ алмазнымъ — крѣпость *Вѣры*;
Мечемъ — богатый умъ, необоримый духъ,
Вождемъ — прапрадѣдовъ великіе примѣры;
А въ латы облекла вокругъ
Здѣсь къ родинѣ Любовь и Нравственность священна. —
Такъ въ брани ратуетъ дружина окрыленна! . . .
Воззрите: слава ихъ вѣнчаетъ каждый часъ,
Ихъ перси блещутъ, какъ лучами,
Ихъ вѣренъ шагъ, ихъ вѣренъ глазъ,
Побѣда — ихъ гордится знаменами! —
О нѣжной цвѣтъ Славянъ! — о грусть, и честь отцамъ!
Иной летитъ съ щитомъ, — и сила неизмѣнна!
А этотъ на щитѣ — . . . о смерть благословенна!
Друзья! *почто и мы не тамъ*! . . .
Почто еще не въ силахъ
Дѣлить съ безцѣнными опасности, труды,
Любви къ Отечеству сладчайшіе плоды: —
Жить тѣломъ — въ славныхъ ихъ могилахъ,
Жить духомъ въ небесахъ — и въ памяти вѣковъ,

Въ благословеніяхъ отцовъ,
Въ молитвахъ матерей, ихъ чествующихъ тризну! . . . .
Но обратимъ свой взоръ
Отъ браней — въ милую Отчизну:
И здѣсь вы видите избраннѣйшихъ соборъ,
И здѣсь — предшественники ваши,
И здѣсь, о граждане младые! кто блюдетъ
Покой, права и собственности наши?
Тѣ, коимъ суждено познать науки свѣтъ,
Законовъ духъ святой, обычаи народа,
И все, чѣмъ богатитъ насъ добрая природа; —
Тѣ, коихъ Музы облекли
Во броню честности, и правды, и терпѣнья;
Тѣ, кои въ храмахъ сихъ священныхъ обрѣли
Свѣтъ немерцающій во мракѣ заблужденья,
Которыхъ воспиталъ святой и строгой трудъ,
И Милосердіе, вѣнчающее Судъ. —
Воззрите вы на нихъ, блистающихъ честями,
Возвышенныхъ ЦАРЕМЪ! . . .
Какъ первые жрецы, воззванны Небесами,
Они Отечества стоятъ предъ олтаремъ!
Вотъ наши образцы! — вотъ мета просвѣщенья!
Они свершили то, что мы спѣшимъ начать!
Товарищи, къ трудамъ! . . . да благость Провидѣнья
Укажетъ чадамъ путь, — гдѣ предковъ оправдать!

Мерзляковъ.

Дружба.

Мы живемъ въ печальномъ мірѣ; но кто имѣетъ друга, тотъ пади на колѣна и благодари Вездесущаго! — *Карамзинъ.*

Сердце, сердце, ты страдаешь:
Ты другаго не нашло;
Знать о томъ ты вспоминаешь,
Что мелькнуло — и прошло.

Ты любило — въ томъ свидѣтель
Грусть, товарищь давній твой,
Ты любовь и добродѣтель
Не дѣлило межъ собой.

Ты любило слишкомъ много,
Сердце! вотъ твоя вина!
Вотъ за что судьбой такъ строго
Тебѣ гореѣть суждена.

Ты покинуто судьбою,
Какъ тебѣ не горевать?
Тяжко сердцу сиротою,
Тяжко въ мірѣ свѣковать!

Берегъ! берегъ! восклицаетъ
Странникъ къ родинѣ приплывъ,
Бури, волны забываетъ:
Онъ на сушѣ — онъ щастливъ.

Дружба! дружба! и я странникъ,
И я море переплылъ;

За

Былъ и я нещастья данникъ,
Камни въ морѣ находилъ:

Будь мнѣ пристанью надежной,
Будь ты родиной моей,
Дай мнѣ кровъ свой безмятежной,
Успокой и отогрѣй!

Будь мой якорь, и отъ брега
Не пускай меня опять;
Будь мнѣ горлицей ковчега,
Вели щастья ожидать!

Естьли дунетъ вѣтерочикъ
Мнѣ на сердце невзначай,
Сердце вздрогнетъ какъ листочикъ:
Ему воли не давай;

А то сердце понесется
Снова въ морѣ погибать,
Снова съ бурями бороться,
А тамъ пристани желать.

Среди бурь оно родилось,
Среди бурь и вскормлено;
Къ нимъ раненько пріучилось,
Въ нихъ измучилось оно.

Дружба! пусть оно привяжетъ
Къ тебѣ крѣпко и уснетъ;
Кто, твой узелъ, кто развяжетъ?
Его смерть лишь разорветъ.

Сердце бѣдное, спокойся!
Ты страдало — отдохни!
Вотъ затишье, въ немъ укройся,
И въ послѣдній разъ вздохни!

Щастливъ, кто узнавъ и море,
Пристань тихую найдетъ!
Тотъ не жалокъ, кому въ горѣ
Дружба руку подаетъ.

Н. Иванг. Писаревъ.

Орелъ и змій (*).

У тихихъ водъ Москвы пернатыхъ обладатель
Съ холма на древній Кремль свой быстрый взоръ взносилъ;
Какъ вдругъ изъ мрачныхъ норъ ползущій обитатель
Отважно ринувшись, его въ грудь уязвилъ.
Летитъ за дальніе грозящихъ тучь предѣлы,
Кто насылаетъ съ нихъ разженны грома стрѣлы;
И не смотря, что весь опутанъ, брань ведетъ,
Извившагося онъ съ собой змія несетъ.
Орелъ, врага въ когтяхъ сжимая, раздираетъ,
Пріяты раны имъ стократно отмщеваетъ.
На землю съ высоты кипяща каплетъ кровь;
Лютѣе брань межъ ими вновь.
Вотще чудовище всю ярость истощаетъ,
Съ остаткомъ духа въ немъ смѣщенный ядъ дымитъ.
Разитъ еще орелъ: трупъ смрадный въ долъ бросаетъ,
И въ выспрь торжественно паритъ.

(*) Авторъ, извѣстный знатностію своего Государственнаго сана, извѣстенъ и многими остроумными стихотвореніями, писанными имъ въ молодости на Французскомъ языкѣ.

Равно Наполеонъ, шедъ къ Сѣверу кичливо,
Возмнилъ, что Руску мочь съ лица земли сотреть;
Но то, что создалъ Петръ, то въ вѣкъ неколебимо.
Тебяжъ, Наполеонъ, и силъ твоихъ ужь нѣтъ.

(Изъ Санктпетербурга.)

Побѣда красоты.

(Къ Княжнѣ А. И. Т-ой.)

На пиршество къ богамъ Венеру пригласили;
Три Граціи ее съ улыбкой окружили.
Случилось Т***ой тотъ праздникъ посѣтить:
Ужь весь Олимпъ готовъ былъ ей одной служить.
Богиня на свою соперницу смотрѣла,
И что же дѣлала? — Краснѣла.

Араповъ.

Къ ней.

Нѣтъ! ты не кажешься Венерою лицомъ,
Ни Грацій станомъ ты на память не приводишь,
И ты не божество душею и умомъ;
Ты смертная — но всѣхъ безсмертныхъ превосходишь!

Аполлонскій.

III. ЛИТТЕРАТУРА.

О Фихтѣ, или о Философіи Нѣмцовъ и Французовъ.

Германія есть та земля, гдѣ науки и Философія имѣли гораздо болѣе успѣховъ, нежели въ другихъ земляхъ Европы. Нѣкоторые сосѣдственные народы, которые присвоивали себѣ право на исключительное владычество въ литтературѣ, долго не признавали титловъ ея ученой славы. Но съ того времени, какъ Французская революція возбудила въ умахъ дѣятельность и безпокойство, свѣтъ науки изъ тѣсныхъ предѣловъ своихъ разлился далѣе и обратилъ взоры на ту страну, гдѣ противъ общаго чаянія заключался начальный ея источникъ; тогда имена Гарве, Реймара, Эбергарда, Платнера, Реингольда, Канта, Якоби, Боутервека, Шеллинга и Гердера сдѣлались гораздо извѣстнѣе, и вездѣ произносились съ честію. Но между великими умами, которыхъ недавно лишилась Философія, ученый Фихтъ достоинъ истиннаго сожалѣнія.

Онъ родился въ Рамнау, близъ Бишофсвердера въ Верьхней Лузаціи. Его природныя способности открылись рано въ Лейпцигскомъ, Іенскомъ и Виттембергскомъ Университетѣ. Окончивъ курсъ наукъ самымъ блестящимъ образомъ, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Швейцаріи; потомъ въ 1793 году пріѣхалъ въ Кенигсбергъ, гдѣ ознакомился и подружился съ знаменитымъ Кантомъ; черезъ нѣсколько времени послѣ того онъ былъ призванъ въ Ену, и занималъ каѳедру Философіи до 1800 года: тогда сей Университетъ процвѣталъ съ тѣмъ блескомъ, которымъ донынѣ пользуется. Но по усердной любви своей къ истинѣ наживъ соперниковъ и враговъ, онъ удалился въ Пруссію, какъ въ убѣжище самое способное для спокойнаго изслѣдованія истины. Въ нѣдрахъ уединенія, гдѣ питаются и живутъ умозрительныя души, онъ предавался глубокимъ размышленіямъ съ пламенною ревностію къ наукѣ. Когда основался Берлинскій Университетъ въ 1809 году, слава имени его доставила ему каѳедру Философіи — должность, которую онъ выполнялъ съ великою честію до нынѣшняго времени, когда нервная горячка похитила его на 51 году жизни у наукъ, у дружбы и у благодарныхъ его учениковъ.

Труды его, говоритъ одинъ Нѣмецкій Писатель, имѣли въ предметѣ *не земное*, но высокія и предвѣчныя истины. Съ необыкновенною силою разума и проницательности рѣдкой, онъ вознесся до высокой Метафизики, и былъ творцемъ новой системы въ Философіи, которой единственное достоинство въ глазахъ его состояло въ томъ, что она имѣла основаніемъ истины Божества и религіи. Всѣ труды его обращались къ одной цѣли: онъ старался возносить разумъ выше чувствъ и матеріи, представлять умственную жизнь, какъ одну жизнь истинную, и вселять любовь къ чистѣйшей добродѣтели и къ совершеннѣйшему безкорыстію. Сердце доброе, откровенное, чувствительное къ дружбѣ, съ героическимъ духомъ готовое защищать истину, вѣнчало достоинства его разума. При нашествіи Французовъ въ Берлинъ въ 1808 году онъ явилъ въ себѣ духъ истиннаго Германца, вѣрнаго сына отечества, издавъ въ свѣтъ сочиненіе, въ которомъ выставляетъ добрыя правила противъ дурныхъ, тѣ самыя, которыя нынѣ восторжествовали съ такою славою! . . . Покойся въ мирѣ, душа благородная! наслаждайся тою небесною жизнію, которую ты изображалъ для насъ подъ бреннымъ покровомъ смертнаго!

Послѣднія минуты жизни его были посвящены благотворенію. По убѣжденію сего человѣколюбиваго мудреца, сама его супруга пеклась о больныхъ, лежавшихъ въ военномъ гошпиталѣ. Его сотрудники и ученики, и между ими единственный 17 лѣтній сынъ, отдали ему послѣдній долгъ и послѣднюю честь. Профессоръ Маргейнихъ произнесъ надгробное Слово, и въ немъ изобразилъ труды и добродѣтели сего почтеннаго Мужа, котораго науки и дружба будутъ долго оплакивать.

Всѣ тѣ, которыхъ одно имя *Философіи* приводитъ въ ужасъ не безъ причины, когда они обращаются мыслями на тѣ разрушительныя системы, которыхъ она была во Франціи началомъ, побужденіемъ и слѣдствіемъ, читаютъ не безъ удивленія похвалы, воздаваемыя Нѣмецкими писателями тѣмъ людямъ, которыхъ они удостоиваютъ преимущественно имени философовъ. Ихъ сомнѣнія и безпокойство имѣютъ конечно основаніе; но было бы несправедливо подвергнуть тому же осужденію философію Нѣмцовъ, и смѣшать ея духъ съ духомъ Французской философіи, которая, со времени послѣдней половины истекшаго вѣка, вошла въ употребленіе. Опытъ доказалъ, что послѣдняя философія имѣла въ виду низверженіе олтарей и престоловъ;

и ей, рожденной отъ духа гордости и мятежа, ей надлежало въ свою очередь приготовить и возродить неизсчетное зло. Французская философія, въ сочиненіяхъ и рѣчахъ своихъ Корифеевъ, была *чувственною* и *общенародною философіею*, которая старалась утвердить атеизмъ, деизмъ и другія безразсудныя мнѣнія, разпространенныя авторами, писавшими въ распаленіи головы и въ безпамятствѣ ума. Есть нѣкоторые изъ нихъ, достойные конечно исключенія по ихъ дарованію и благоразумію; но вообще ихъ системы имѣли тотъ порокъ, что онѣ снисходили къ мѣрѣ понятія обыкновенныхъ читателей, для которыхъ всегда лестно быть ихъ провозвѣстниками. Паря въ низкомъ предѣлѣ, Французская философія принесла съ собою гибель; ибо всякой почиталъ себя достойнымъ занимать мѣсто въ святилищѣ мудрости, согласной съ его вкусомъ и просвѣщеніемъ. Славный Метафизикъ, заслужившій имя Французскаго *Локка*, не избѣжалъ общаго порока, и также писалъ для народа (*). Мы далеки

(*) Въ трактатѣ: *Des ſensations* и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ онъ доказываетъ правда *безвещественность* души, но приводитъ доказательства, такъ сказать, *вещественныя*. Онъ говоритъ н. п. (Logique, chap. VII): „Въ способности чувствовать заключаются всѣ душевныя способности.

отъ того, чтобы приписывать Кондильяку намѣреніе матеріалистовъ, которые подъ его именемъ выдавали свои системы. Но таковы слѣдствія той философіи, которая идетъ, такъ сказать, *на равнѣ съ землею.* Высокія умозрѣнія Маллебранша, которымъ легкомысленные люди дали названіе *выспренной мечты*, не подаютъ по крайней мѣрѣ повода ко вреднымъ истолкованіямъ, и единственно по тому, что онѣ превышаютъ понятіе обыкновенныхъ умствователей.

„Мы не можемъ сравнивать два предмета, „или имѣть одно рядомъ съ другимъ, два „чувственныя впечатлѣнія, сими предмета„ми произведенныя, безъ того, чтобы не „примѣтили ихъ сходства, или различія; „а *примѣчать* сходства есть *судить:* слѣд„ственно *сужденіе* есть только *чувствен„ное впечатлѣніе.* . . . И такъ въ нашихъ „*умствованіяхъ*, какъ и въ *сужденіяхъ*, бы„ваютъ однѣ *чувственныя впечатлѣнія.* . . „Всѣ *способности* заключаются въ способ„ности *чувствовать.*“ Нѣтъ ученика, который бы не былъ въ состояніи опровергнуть подобныя заключенія. Въ самомъ дѣлѣ, какой человѣкъ, хотя бы и самый невѣжа, не испыталъ по своему чувству, что внутреннее начало, которое опредѣляетъ приличіе, или неприличіе предметовъ, и судитъ объ ихъ отношеніяхъ, есть существеннымъ образомъ начало *дѣятельное* и независимое отъ впечатлѣній предметовъ на душу?

Примѣч. Соч.

Система *вещей, въ Богѣ видимыхъ, и врожденныхъ идей* могла только родиться въ головѣ истинно философской. Она была такъ отвлеченна, такъ близка ко свойству души, что не могли, къ щастію, постигать ее полты *кандидатовъ на имя Философовъ*. Маллебраншъ, утверждая въ небесахъ тронъ Философіи, опредѣлилъ истинное мѣсто ея. Никто не замѣтилъ доньнѣ, что его система, обращенная въ посмѣяніе, имѣетъ великій характеръ того вѣка, въ который человѣческій разумъ достигалъ во всѣхъ отношеніяхъ до высочайшей степени величія и силы. Нѣтъ нужды прибавлять, что другой послѣдовавшій вѣкъ оставилъ намъ въ наслѣдство однѣ заблужденія Философіи мрачной, истребительной, достойной своихъ проповѣдниковъ и своего начала.

Философія Нѣмцовъ не подвержена сему упреку. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности о различныхъ ея системахъ. Довольно сказать вообще, что Французская философія останавливается тамъ, гдѣ начинается Нѣмецкая. Первая вся въ *чувствахъ*, а вторая — въ *умственности*; одна, до чего ни коснется, все превращаетъ въ *матеріализмъ*; другая, о чемъ ни разсуждаетъ, все приводитъ къ *духу, или разуму*. Ея высокое пареніе,

ея великія намѣренія не позволяютъ толпѣ обыкновенныхъ людей ни имѣть къ ней доступа, ни присвоить себѣ ея преимущества. Она дѣйствуетъ внѣ общаго міра, въ кругу своихъ умозрѣній, подобно измѣненіямъ небесныхъ тѣлъ, которыя въ ихъ уклоненіяхъ, или неравностяхъ, совершаютъ бѣгъ на отдаленныхъ путяхъ міровъ, не будучи даже видимы на обитаемой нами планетѣ. Избранные мудрецы въ таинственномъ храмѣ науки посвящаютъ ей плоды глубокихъ изслѣдованій, труды уединенной жизни, проведенной въ тишинѣ и въ дѣятельности отвлеченнаго разума. Случается иногда, что истолкователи сей Философіи, не имѣя силы восходить къ ней, заставляютъ ее низходить до самихъ себя. Но за то она не имѣетъ вліянія на человѣка государственнаго, на человѣка военнаго; не нарушаетъ она благосостояній семействъ; и женщины, природою назначенныя для владычества, свойственнаго ихъ полу, и юношество, зрѣющее для трудовъ, приличныхъ ихъ возрасту, не обращаютъ ее по крайней мѣрѣ въ *модную* науку.

Религія, единственный источникъ тѣхъ истинъ, которыя философское любопытство старается проникнуть, но тщетно, безъ помощи божественнаго свѣта ея,

не имѣетъ здѣсь причины сѣтовать на соблазнительные раздоры, на мятежный и дерзкій духъ, вооружающій начальство противъ начальства. Однимъ словомъ, Философія, не смотря на свои противоборства и уклоненія, не выходитъ изъ круга, ей свойственнаго. Академіи, Университеты суть единственное поле, на которомъ за неё сражаются и ей приносятъ себя въ жертву. Внѣ сей ограды, она не имѣетъ уже ни владычества, ни дѣятельности; имѣетъ читателей, а не судей; и гражданское общество, чуждое споровъ ея, управляется силою собственныхъ законовъ.

Мы заключимъ наши разсужденія словами одного человѣка, который всегда поставлялъ себѣ за долгъ и честь смѣло говорить истину, и который подаетъ такой совѣтъ людямъ, имѣющимъ требованіе на имя Философовъ: „Общество, говоритъ „онъ (*), составлено изъ слабыхъ умовъ, „которыхъ мнѣніе опредѣляется всегда чуж„дыми побужденіями. Нынѣшніе рабы суе„мудрія и безбожія за три вѣка предъ „симъ были бы рабами суевѣрія. Сіи лег„комысленные люди „ составляя большую „часть общества, управляютъ его дѣйстві„ями. Такое видимое зло должно бы осте-

(*) Издатель *Политическихъ лѣтописей.*

„речь тѣхъ рѣдкихъ Мужей, которыхъ при„рода образовала для истиннаго просвѣще„нія и для наставленія рода человѣче„скаго. Когда великіе умы обдумаютъ хо„рошенько, какъ немного добра приносятъ „перемѣны, ими вводимыя, могутъ ли тогда „польстить имъ нѣкоторые успѣхи мнѣ„нія?“

Изъ Фр. Газ.

Письмо къ Издателю.

Милостивый Государь!

Окажите справедливость (*) помѣщеніемъ въ вашъ Журналъ сего оправданія противъ жестокаго приговора, сдѣланнаго на мою трагедію въ послѣднихъ листахъ (N XII) Сына Отечества.

Признаюсь, что издавая въ свѣтъ первый опытъ моихъ упражненій, я ожидалъ критики: избранный мною родъ словеснос-

---

(*) Не оказывать справедливость, но предлагать на общій судъ спорныя дѣла въ литературѣ: вотъ наша обязанность. Мы готовы выслушать обѣ соперническія стороны; а читатели рѣшатъ, на чьей сторонѣ справедливость. *Изд.*

сти и трудность успѣха въ ономъ, могли возбудить любопытство, а новость дѣла и слабость таланта, не соразмѣрнаго склонности — заохотить остроуміе рецензентовъ. Но ежели я не надѣялся на милость судей моихъ, то по крайней мѣрѣ предполагалъ, что буду отъ нихъ судимъ законнымъ порядкомъ: по уставамъ и правамъ вкуса, по справкамъ и по личнымъ самаго дѣла; утѣшалъ себя мыслію, что естьли буду обвиненъ, то узнаю, за что и по чему; и послѣ оставалось бы мнѣ или исправиться, или удалиться.

Вотъ что разумѣю я подъ критикой справедливою и умною, которая наставляетъ безъ обиды и осуждаетъ безъ апелляціи (позвольте продолжать аллегорію!). Но имѣютъ ли видъ, тѣнь обыкновеннаго судопроизводства слѣдующіе два стиха, которыми въ помянутомъ нумерѣ *Сына Отечества* заклеймено невинное произведеніе досуга и нѣкоторой склонности:

Кто Руской грамматѣ, какъ должно, не учился,
Напрасно тотъ писать трагедіи пустился.
(Посланіе В. Пушкина къ В. А. Ж. . . ***
стихъ 15 и 16 й.)

Это образчикъ Турецкой расправы: приговоръ Кадія Абдалы, или Шахъ Паши Джѐ-

вара, который пробуетъ новую Дамасскую саблю на первомъ попавшемся ему правовѣрномъ. Библiографъ Сынъ Отечества любитъ краткость, не станемъ и мы распространяться въ толкованiи, онъ ли совершенный грамотей, или мы вовсе безграматны. Библiографъ Сына Отечества любитъ сентенцiи: услужимъ ему противъ насъ отвѣтомъ изъ басни Г. Крылова:

„Досугъ мнѣ разбирать вины твои!..."

Честь имѣю быть и проч.

Михайла Рыбушкинъ.

Казань, 1814 года
Апрѣля 20 дня.

IV. СМѢСЬ.

Московскія записки.

(*Сообщенная статья.*)

Нѣсколько дней сряду торжествовали мы славную эпоху; и картина сего великаго торжества, столь далекаго отъ обыкновенныхъ праздниковъ, не загладится долго въ памяти нашей и въ памяти нашихъ дѣтей.

День 13го Апрѣля былъ для Москвы первымъ вѣстникомъ всеобщей радости. Курьеръ, пріѣхавшій изъ С. Петербурга, привезъ полученное черезъ Берлинъ извѣстіе о занятіи Парижа. Ревностное Начальство спѣшило обрадовать народъ симъ извѣстіемъ. Въ мигъ разнеслась молва; вмигъ одинъ радостный вопль: *Парижъ взятъ!* загремѣлъ изъ конца въ конецъ обширнаго города. Но вѣнцемъ нашей радости былъ прекрасный день 17го Апрѣля, когда Графъ Васильевъ, какъ Геній, летящій съ трубою славы, принесъ Москвѣ торжественную вѣсть побѣды отъ имени МОНАРХА. Народъ

бѣжалъ, кареты скакали, — казалось, что вся Москва летѣла на встрѣчу Царскаго посланника внимать изъ устъ его повѣствованію славы. Но скоро Московскій Начальникъ удовлетворилъ общему нетерпѣнію сообщеніемъ любопытныхъ подробностей о покореніи столицы Франціи.

23го Апрѣля, въ день, освященный лучезарнѣйшимъ солнцемъ, Московскіе жители стекаются въ Кремль, чтобы принесть благодареніе во храмѣ Бога Боговъ и Царя Царей. Звонъ колоколовъ, пѣснь торжественнаго молебствія, толпы радостнаго народа, покрывающаго Кремлевскую площадь, стеченіе Чиновниковъ, Дворянъ и купцовъ, молящихся во храмѣ и на паперти, живая радость, написанная на всѣхъ лицахъ, изъ устъ въ уста перелетающее имя Великаго Избавителя Европы — все представляло величественную картину, которая плѣняла взоры и трогала сердца. Но когда громъ пушекъ потрясъ воздухъ въ стѣнахъ Кремлевскихъ, гласъ Отечества снова закипѣлъ въ сердцѣ вѣрныхъ сыновъ его, — и толпы народа, какъ быстрыя волны, приведенныя въ движеніе, волновались на площади отъ сердечнаго восторга, при громкихъ восклицаніяхъ радости. Наконецъ всѣ возвратились домой, чтобы говорить, радоваться и удивляться произшествіямъ времени.

Три дни сряду торжественный звонъ не умолкалъ въ Столицѣ; три вечера сряду яркое освѣщенїе города удаляло ночную темноту и привлекало толпы народа. Жители гуляли по улицамъ и веселились ночью, какъ днемъ. Прозрачныя картины аллегорическія, эмблемы, девизы, надписи въ честь и славу Монарха, гремящая во многихъ мѣстахъ музыка, стихи пѣтые хорами пѣвчихъ, тысяча экипажей обтекающихъ городъ, — представляли волшебное зрѣлище. Никогда радость не была живѣе и признательность подданныхъ къ ихъ Государю справедливѣе!

Московское Дворянство, движимое общею радостїю и тронутое новыми благодѣянїями, ему оказанными Монархомъ во время его безпокойства и заботы о спасенїи Европы (*), праздновало въ одно время щедроты и побѣды Государя великолѣпнымъ баломъ, даннымъ 24 го Апрѣля, на который приглашены были многїе члены именитаго купечества. Господинъ Главнокомандующїй, Графъ Θедоръ Васильевичь Растопчинъ, присутсвовалъ на балѣ и раздѣлялъ общее веселье. Громкїй оркестръ музыки и хоръ пѣвчихъ повторяли Польскїй, сочиненный на случай торжества:

(*) Извѣстно, что Государь прислалъ на изправленїе дома Благороднаго Собранїя 150,000 рублей.

Вѣсть громчайшая несется
На крылахъ съ бреговъ Невы;
Радость нова въ души льется

Къ оживленію Москвы.
Всемогущею десницей
Богъ помогъ, о Россы! вамъ:
Врагъ поверженъ и съ столицей
Къ АЛЕКСАНДРОВЫМЪ стопамъ!

. . . .

Ужь колѣна преклоняютъ
Всѣ народы предъ ТОБОЙ!
Съ громкимъ плескомъ восклицаютъ:
Россовъ ЦАРЬ есть Богъ земной!

. . . .

Въ торжествахъ, въ вѣнцахъ лавровыхъ
Зримъ Монахра и Отца;
ТЫ въ восторгахъ узришь новыхъ,
Россовъ пламенны сердца!

Московскій Императорскій Университетъ, сей храмъ искусствъ и наукъ, принесъ въ свою очередь дань хвалы и благодарности дѣламъ Великаго Монарха. Онъ имѣлъ торжественное Собраніе 25 го Апрѣля. Прекрасная музыка открыла засѣданіе Музъ; потомъ Г. Профессоръ Тимковскій говорилъ изящную Рѣчь въ честь Избавителя народовъ. Пѣтые хоромъ куплеты изъявляли общее чувство сердецъ. Г. Профессоръ Н. Н. Сандуновъ заключилъ собраніе чтеніемъ превосходной Оды, сочиненной Госпо-

диномЪ Попечителемъ на занятіе Парижа. Такимъ образомъ Московскія Музы исполнили долгъ свой передъ Отцемъ Отечества!

На другой вечеръ Московскіе Именитые Граждане давали въ домѣ Степана Степановича Апраксина великолѣпный маскерадъ какъ для купечества, такъ и для Дворянства. Какъ пріятно было видѣть Руской нарядъ! всѣ дамы были въ богатыхъ сарафанахъ. Очарованному воображенію казалось, что тѣни древнихъ Бояръ Рускихъ воскресли, и что молодыя красавицы изъ уединенныхъ теремовъ своихъ перенеслись на театръ нашихъ блестящихъ увеселеній.

Наконецъ 26го числа П. А. Позняковъ угощалъ Москву маскерадомъ. Хоръ гремѣлъ и пѣлъ:

Богъ и слава съ нами, съ нами!
Вѣстникъ къ намъ ЦАРЕВЪ доспѣлъ:
Орлими махнувъ крылами,
Россъ въ вѣнцахъ въ Парижъ взлетѣлъ. —

. . . .

Древность! больше не гордися
Славою твоихъ временъ;
Уступи и удивися
Новой славѣ Россіянъ.

. . . .

Возвратись Спаситель-Геній!
Ангелъ кроткій и Герой! и проч.

Посѣтители сего маскерада замѣтили съ удовольствіемъ аллегорическую картину, выставленную въ залѣ. На быстрыхъ ко-

ныхъ мчится колесница; Геніи управляютъ ею; АЛЕКСАНДРЪ въ порфирѣ стоитъ на колесницѣ и Минерва вѣнчаетъ ЕГО лаврами. Подъ колесами лежитъ чудовище уже безглавое; съ зади море и Меркурій; у колесницы окованная Европа представлена въ видѣ женщины, и Донской козакъ снимаетъ съ нее цѣпи. Геній означаетъ рѣзцомъ тотъ день, въ который столица Франціи приняла своего Побѣдителя. Впереди видны Парижскія башни. Жители бросаютъ шляпы и сыплютъ цвѣты въ знакъ благодарности къ ихъ Избавителю; матери ведутъ къ нему дѣтей; другіе обнимаютъ его колѣна. Слава гремитъ трубою и развѣваетъ знамя съ надписью:

. . . .

. . . .

ТЫ чудо изъ чудесъ подъ солнцемъ совершилъ, —
ТЫ міру цѣлому свободу возвратилъ.

Праздники кончились, а сердца наши не перестаютъ еще праздновать великій день для Отечества, и великіе подвиги нашего Отца-МОНАРХА.

Араповъ.

V. ПОЛИТИКА.

Изображенїе Бонапарта.

(Сочиненїе Шатобріана. Это извлеченіе изъ его книги: De Buonaparte et des Bourbons. Авторъ говоритъ въ предисловіи, что онъ началъ писать ее за три, или четыре мѣсяца до нынѣшнихъ происшествій.)

Бонапарте есть ложно-великїй человѣкъ; онъ не имѣетъ того великодушїя, которое составляетъ истинныхъ Царей и Героевъ. Никто не слыхалъ изъ устъ его ни одного изъ тѣхъ словъ, которыя показываютъ Александра и Цезаря, Генриха IV и Лудовика XIV. Природа сотворила его безъ сердца. Голова его, довольно обширная, есть царство глубокой тьмы. Всѣ идеи, даже о благѣ и совершенствѣ, могутъ входить въ нее, но скоро выходятъ. Главная черта его характера есть непреклонная упорность, желѣзная воля, но только для несправедливости, для угнѣтенїя, для безразсудныхъ системъ; ибо онъ отступаетъ скоро отъ намѣренїй благодѣтельныхъ для морали, порядка и добродѣтели. Воображенїе повелѣваетъ имъ, а разсудокъ

имъ не управляетъ. Его намѣренія не плоды глубокомысленности, но дѣйствія скораго движенія и внезапнаго рѣшенія. Сей перемѣнчивый человѣкъ, подобно землякамъ своимъ, имѣетъ нѣчто похожее на фигляра и комедіанта. Онъ играетъ всѣ роли, и даже тѣ страсти, которыхъ совсѣмъ не имѣетъ; онъ всегда на театрѣ: въ Каирѣ отступникъ вѣры, славящійся разрушеніемъ Папской власти; въ Парижѣ возстановитель Христіанскаго закона; то богомъ вдохновенный человѣкъ, то умствующій философъ. Сцены его заранѣе готовы. Тотъ Самодержецъ, который могъ учиться тѣлодвиженіямъ у актера Талма, чтобы имѣть осанку Царскую, тотъ рѣшилъ о самомъ себѣ мнѣніе и судъ потомства. Онъ желаетъ показать себя особеннымъ, а является почти всегда переимчивымъ; но его переимчивость такъ груба, что указываетъ на тотъ предметъ, или на то дѣйствіе, которымъ онъ подражаетъ. Онъ покушается всегда выговарить великое слово, или сдѣлать великое дѣло, какъ ему кажется. Подъ видомъ обширнаго всесвѣдущаго генія, онъ говоритъ о финансахъ и спектакляхъ, о войнѣ и модѣ; опредѣляетъ судьбу Царей и участь таможеннаго пристава; пишетъ изъ Кремля постановленіе для театра, и въ день сраженія повелѣваетъ задержать нѣкото-

рыхъ женщинъ въ Парижѣ. Какъ чадо революціи, онъ имѣетъ разительное сходство съ матерью своею: невоздержность языка, любовь къ подлой словесности, страсть писать въ журналахъ. Подъ маскою Цезаря и Александра виденъ маленькой человѣкъ и безъизвѣстный сынъ. Онъ гнушается людьми, ибо судитъ о нихъ по себѣ. По его правилу, всѣ дѣла человѣческія основаны на личной пользѣ, а честность на разсчетѣ. Отсюда происходитъ система *смѣшенія* или *сліянія*, по которой дѣйствовало его правленіе, употребляя равно злаго и честнаго, съ намѣреніемъ не отличая порока отъ добродѣтели, и стараясь всегда поставлять человѣка въ противорѣчіи съ его правилами. Первое для него удовольствіе было посрамлять добродѣтель, оскверняшь славу великаго имени. Онъ трогалъ васъ только для того, чтобы чернить и безчестить; а уроня васъ, почиталъ уже *своимъ человѣкомъ*, говоря его простымъ словомъ; вы были ему подвластны по праву стыда и безславія; съ того часу имѣлъ онъ къ вамъ менѣе любви, и болѣе презрѣнія. Въ управленіи государственныхъ дѣлъ онъ требовалъ только вниманія къ послѣдствіямъ, безъ всякаго уваженія къ способамъ. Важное дѣло *цѣлое*; *особенности* ничего. „Пускай „юношество развращается, но мнѣ покор„ствуетъ; отрасль промышленности за-

„сохнетъ, но мнѣ принесетъ за то нѣ-„сколько лишнихъ миліоновъ; въ сраженіи „погибнетъ шестдесятъ тысячь людей, но „я выиграю сраженіе.“ Такъ онъ разсуждалъ, и такъ погибали Царства.

Бонапарте родился для разрушенія; и онъ заключаетъ въ себѣ зло и гибель по влеченію природы, какъ мать носитъ свой плодъ съ чувствомъ любви и гордости. Онъ отвращается съ ужасомъ отъ блага человѣчества. „Есть нѣкоторые щастливые лю-„ди во Франціи“ говорилъ онъ нѣкогда; „эти „фамиліи, мнѣ неизвѣстныя, живутъ въ „ихъ замкахъ съ 30 или 40,000 ливровъ „ежегоднаго дохода; но моя рука достанетъ „до нихъ.“ И онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Однажды, смотря на играющаго сына своего, онъ обратился къ бывшему тутъ Епископу: „Господинъ Епископъ! вѣрите ли, что „есть въ этомъ душа?“ — Все, что имѣетъ нѣкоторое превосходство, приводитъ въ страхъ сего тирана; всякое славное имя его тревожитъ. Онъ завидуетъ дарованіямъ, разуму, добродѣтели; для него не пріятна даже извѣстность великаго злодѣянія, естьли оно не его твореніе. Постылый человѣкъ поставляетъ себѣ великимъ удовольствіемъ оскорблять всѣхъ людей, его окружающихъ, не уважая примѣра нашихъ Королей, которые никого не обижали, для

того что никто не смѣлъ отвѣчать, или мстить имъ; забывая даже, что онъ имѣетъ дѣло съ народомъ, чувствительнымъ въ чести, съ народомъ, образованнымъ вѣкомъ Лудовика XIV, и справедливо замѣченнымъ по украшенію нравовъ и цвѣту вѣжливости. Наконецъ Бонапарте есть *человѣкъ щастія*; какъ скоро бѣдствіе, выводящее на свѣтъ истинныя добродѣтели, коснулось ложнаго героя, блескъ и величіе изчезли; въ Монархѣ увидѣли щастливаго пришлеца, а въ героѣ случайнаго любимца славы.

Когда Бонапарте хотѣлъ разогнать Директорію, онъ обратился къ ней съ рѣчью: „Гдѣ та Франція, которую оставилъ я въ рукахъ вашихъ блестящею и „торжествующею? Я оставилъ васъ въ „мирѣ, нахожу въ брани; оставилъ по„бѣды, нахожу потери; оставилъ миліо„ны завоеванныя въ Италіи, а нахожу „нищету и позволенные грабежи. Куда вы „дѣвали сто тысячь Французовъ, мнѣ из„вѣстныхъ, моихъ товарищей славы? Они „погибли. — Такой порядокъ вещей не „можетъ продолжиться; онъ приведетъ насъ „къ деспотизму въ два или три года; а „мы требуемъ республики, и республики „утвержденной на основаніяхъ равенства, „морали, гражданской свободы, политической „терпимости и проч." —

Къ тебѣ, сынъ злополучія, обращаемся нынѣ съ тою же рѣчью и тѣмъ же допросомъ. Отвѣчай! Гдѣ Франція блестящая и торжествующая? гдѣ наши сокровища, миліоны Италіи и всей Европы? куда сокрылись не сто тысячь, но пять миліоновъ Французовъ, намъ всѣмъ извѣстныхъ, нашихъ отцовъ, друзей, братій? Этотъ порядокъ вещей долженъ имѣть конецъ; онъ ввергнулъ насъ въ ужасы деспотизма. Ты обѣщалъ свободу, и принесъ рабство. А мы требуемъ Монархіи, утвержденной на основаніяхъ равенства правъ, морали, гражданской свободы, политической и религической терпимости. Даровалъ ли ты намъ эту Монархію? Какую услугу ты оказалъ намъ? чѣмъ обязаны мы твоему правленію? Кто казнилъ Дюка д' Ангена, пыталъ Пишегрю, изгналъ Моро, оковалъ самодержавнаго Понтифа, увезъ Испанскихъ Принцевъ, началъ войну безбожную? Ты. Кто лишилъ насъ Колоній, истребилъ нашу торговлю, открылъ Америку для Англичанъ, развратилъ наши нравы, отнялъ дѣтей у отцовъ, опустошилъ Европу, предалъ огню до тысячи милей земли нашей, поселилъ ненависть къ Французскому имени въ цѣломъ мірѣ? Ты. Кто подвергнулъ Францію моровой язвѣ, набѣгамъ непріятельскимъ, завоеванію границъ и столи-

цы? Ты же. Вотъ чего не могъ ты требовать въ отвѣтъ отъ Директоріи, и чего мы отъ тебя требуемъ. Сколько ты виновнѣе тѣхъ людей, которыхъ почиталъ недостойными царствовать! Законный и наслѣдственный Король, который отягчилъ бы свой народъ малѣйшею частію золъ, тобою нанесенныхъ, приближилъ бы свой тронъ къ паденію; а ты пришлецъ и похититель, ты хочешь быть для насъ священнымъ, по мѣрѣ бѣдствій, тобою произведенныхъ! ты мыслишь царствовать на гробахъ нашихъ! Злополучіе возвращаетъ намъ права наши; перестаемъ боготворить Молоха; ты не будешь впредь пожирать дѣтей нашихъ; мы не хотимъ твоей конскрипціи, твоей полиціи, твоей цензуры, твоего тиранства. Не мы одни, а весь родъ человѣческой обвиняетъ тебя. Онъ требуетъ мщенія именемъ вѣры, добродѣтели и свободы! Куда не достигло твое опустошеніе? въ какомъ углу міра укрылось безвѣстное семейство отъ хищной руки твоей? Испанецъ въ горахъ своихъ, Иллиріецъ въ своихъ долинахъ, Италіянецъ подъ своимъ прекраснымъ небомъ, Нѣмецъ, Пруссакъ и Россіянинъ требуютъ возвращенія ихъ сыновъ, тобой убіенныхъ, хижинъ, палатъ, храмовъ, тобою обращенныхъ въ пепелъ. Ты принудилъ ихъ искать у насъ того, что ты у нихъ похитилъ, и отбирать въ тво-

ихѣ чертогахѣ окровавленныя добычи. По общему гласу народовѣ, ты нареченѣ величайшимѣ злодѣемѣ вѣ мірѣ; ибо не сѣ варварскими или безсмысленными народами, но вѣ нѣдрахѣ гражданскаго порядка, вѣ вѣкѣ просвѣщенія свирѣпствовалѣ ты сѣ мечемѣ Атиллы и сѣ духомѣ Нерона. Оставь наконецѣ твой желѣзный скипетрѣ, сойди сѣ трона развалинѣ! Мы прогоняемѣ тебя, какѣ ты прогонялѣ Директорію. Да будешь только вѣ наказаніе свидѣтелемѣ той радости, которую твое паденіе разпространяетѣ во всей Франціи! да видятѣ глаза твои, проливая слезы бѣшенства и отчаянія, картину народнаго благоденствія!

Нѣкоторыя замѣчанія.

(Отрывокѣ.)

Переносясь воображеніемѣ на позорище происшествій нынѣшнихѣ со всѣми ихѣ впечатлѣніями на чувства, со всѣми ихѣ дѣйствіями на мысли; возвращаясь умственно отѣ послѣдняго случая кѣ первому; проходя памятью всѣ оные постепенно и удивляясь чудесной, изумительной ихѣ цѣпи, которую вижу вѣ невидимой рукѣ Вседержителя, простершаго ее сѣ благослове-

нïемъ къ Избранному Имъ на спасенïе цѣлаго мïра отъ ужаснѣйшихъ бѣдствïй, я вспоминаю между прочимъ и то, что убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываетъ священную истину: *Не превозносись сильный силою, мудрый мудростïю*, равно какъ и ничтожность всѣхъ земныхъ надеждъ, замысловъ и успѣховъ человѣческихъ.

Когда непрïятель подходилъ къ Смоленску, одинъ Французской плѣнный Офицеръ въ разговорѣ со мною (*) сказалъ мнѣ со всею гордостïю несомнѣннаго увѣренïя: „Наполеону не возможно только взойти на небо (**)." А когда Французы были уже въ Москвѣ, то умный и ученый Польской Генералъ говорилъ *чистосердечно*, что „Россïи не льзя при Наполеонѣ вмѣшиваться въ дѣла Европы; что Россïя зналась бы только съ другою своею сосѣдкою, съ Азïей; занималась бы единственно ею; искала бы выгодъ своихъ только отъ нее, и терпѣливо ожидала бы смерти Наполеона, которой (примолвилъ онъ, поправя усы

(*) За Можайскимъ — въ Колодскомъ монастырѣ, гдѣ было на тотъ разъ очень много плѣнныхъ.

(**) Я замѣтилъ Офицеру, что его столь могущественный Наполеонъ не можетъ еще — переплыть съ армïями къ Англичанамъ.

свои), смѣется надъ всѣми противъ него умышленiями (*).“

Въ тоже время Французской конно-гвардейской гренадеръ, при жаркихъ похвалахъ войскамъ своимъ, сказалъ мнѣ съ нѣкоторымъ родомъ *сожалѣнiя*: „Русвïе солдаты имѣли славу храбрыхъ назадъ тому пятнадцать лѣтъ — при Суворовѣ,“ и съ восторгомъ началъ говорить о подвигахъ Суворова въ Италïи, гдѣ гренадеръ служилъ подъ республиканскими знаменами Францïи (**).

Ежели сiи люди живы, то очень любопытно, что они думаютъ, чувствуютъ

(*) На это я возразилъ Генералу правиломъ: *Конецъ вѣнчаетъ дѣло.*

(**) Спасибо, гренадеръ! — сказалъ я ему — за справедливость, которую отдаешь нашему безсмертному Герою. Но у насъ есть другой Суворовъ — Фельдмаршалъ Кутузовъ, который недалеко отъ Москвы, и можетъ быть скоро въ *Россiи* откроетъ и совершитъ *Италiянскую кампанiю.* (Гренадеръ насмѣшливо улыбнулся. Извѣстно, что въ три мѣсяца сей кампанiи Суворовъ выгналъ Французовъ изъ Италiи. Пророчество мое въ *Историческомъ извѣстiи о пребыванiи въ Москвѣ Французовъ*, что *Наполеонъ рыцарскiе подвиги свои окончитъ поприщемъ Донъ-Кишота*, сбылось равномѣрно.)

и говорить при нынѣшнемъ магическомъ оборотѣ вещей! какія внутреннія движенія заступили мѣсто ихъ упоенія и энтузіазма! Но эти вопросы можно, или должно распространить на всѣ Европейскіе народы твердой земли — кромѣ Россіи.

Для меня, которой видѣлъ, которой испыталъ печальное состояніе Москвы, и въ ней высокомѣрное безчеловѣчное Господство Французовъ, — для меня торжество сей Столицы еще радостнѣе, неувядаемые лавры вселюбезнѣйшаго нашего Монарха АЛЕКСАНДРА Благословеннаго еще восхитительнѣе, слава Отечества еще лучезарнѣе! Но какъ выразить чувствованія къ Герою-ЦАРЮ, Который за оскорбленіе великаго Своего народа и Священной Особы Своей отмстилъ — великодушіемъ?

К. Шаликовъ.

1го Мая 1814.
Москва.

Корсиканцы передъ ихъ паденіемъ.

Забавно, что и сами Бонапартовы братья не вѣрили возможности нынѣшняго оборота вещей. Лудовикъ, за нѣсколько передъ тѣмъ, говорилъ одному изъ своихъ приближенныхъ: „О! Бурбонцы! не бывать Бурбонцамъ! они не опаснѣе моего мизинца!“ Гіеронимъ, или лучше Жеромъ, до самаго побѣга изъ Парижа, велъ на зло насмѣшникамъ придворную жизнь, имѣлъ свои pétits lévers, и окружалъ себя многочисленною свитою — Нѣмцевъ, за которыми слѣдуетъ, куда бы они ни бѣжали, всеобщее презрѣніе народа.

Іосифово *жалобное* слово къ Парижанамъ: „Защищайтесь съ упорностію! я — „я остаюсь съ вами!“ Это: *я* кажется теперь смѣшнымъ послѣднему волосочесателю въ Парижѣ.

Люди поговариваютъ также, что справедливость обязываетъ потребовать отъ каждаго изъ братцовъ-храбрецовъ отчету, какъ они нажили свое богатство, и все не законно пріобрѣтенное обратить въ вознагражденіе окраденныхъ народовъ. Почему сыновья Господина Карла Бонапарта должны пользоваться похищеніемъ, какъ правомъ собственности?

Всѣ родственники Бонапартовы, передъ концемъ ихъ роли, накупили себѣ алмазовъ чтобы свободнѣе перенесть богатство и притомъ имѣть вѣрный капиталъ для своего содержанія. Увѣряютъ, что и самъ Бонапартъ имѣетъ 5 миліоновъ ливровъ стп. въ Англійокомъ банкѣ. Какъ бережливъ на свое добро Корсиканецъ, небережливый на чужое!

Съ Нѣмецкаго.

ИЗВѢСТІЯ

о послѣднихъ произшествіяхъ.

На всей твердой землѣ въ Европѣ нѣтъ уже ни одного пушечнаго выстрѣла. Расположенныя вокругъ Парижа войска, какъ союзныя, такъ и Французскія, отложили бранное оружіе, отдыхаютъ на лаврахъ и стоятъ подъ общимъ покровительствомъ законныхъ Государей. Сѣверная армія, бывшая подъ главнымъ начальствомъ Наслѣднаго Принца Шведскаго, распущена; Нѣмцы и Шведы возвращаются въ ихъ домы; самъ Наслѣдный Принцъ отъѣзжаетъ изъ Парижа. На границахъ Франціи и Савоіи между Фельдмаршаломъ Бубною и Генераломъ Серантомъ, въ слѣдствіе заключеннаго условія, прекращены непріятельскія дѣйствія въ началѣ Апрѣля. 16 Числа (н. с.) того же мѣсяца военные громы умолкли подъ свѣтлымъ небомъ Италіи; главные предводители дѣйствующихъ войскъ Графъ Беллегардъ, Король Неаполитанскій, Лордъ Бентинкъ и Вице Король условились въ 8-дневномъ перемиріи, подписанномъ передъ Мантуею двумя уполномоченными Генералами. Въ южной Франціи, гдѣ дѣйствовала еще армія Лорда Веллингтона до полученія извѣстія о перемѣнѣ дѣлъ во Франціи, съ пер-

вымъ увѣдомленіемъ изъ Парижа явились Маршалы Сультъ, Сюше и Ожеро въ ставкѣ Англійскаго Фельдмаршала для переговоровъ, и къ Французскому Принцу Дюку д'Ангулему для изъявленія своей покорности. Всѣхъ позднѣе и медленнѣе покорился, какъ и всѣхъ упорнѣе защищался, ко вреду человѣчества, осажденный въ Гумбургѣ Даву: не смотря на доставленныя къ нему депеши отъ временнаго правленія, онъ отвергнулъ благодѣяніе мира, позволилъ себѣ овладѣть остаткомъ Гамбургскаго банка, чеканить монету, мѣнять деньги; но и тотъ уступилъ наконецъ силѣ обстоятельствъ и справедливости общаго дѣла. 26 Апрѣля заключенное перемиріе на 16, или на 14 дней между обоими Военачальниками, положило конецъ брани, упорной осадѣ Гамбурга, нещастной судьбѣ его жителей, и вѣроятнымъ образомъ имени Наполеонова полководца, который, подобно другимъ, обратится къ знаменамъ Лудовика XVIII.

Освобожденные отъ зла войны, народы имѣютъ уже только въ виду утвержденіе общаго спокойствія. Въ ожиданіи Лудовика XVIII, готоваго ощастливить подданныхъ своими миролюбивыми добродѣтелями, временное Правительство Французское приго-

шовило конституцію, по которой исполнительная власть принадлежитъ Королю, а законодательная ему, Сенату и Законодательному Совѣту. Никакой законъ не можетъ имѣть полнаго дѣйствія безъ Королевскаго утвержденія. Число Сенаторовъ не можетъ превышать 150, или по крайней мѣрѣ 200 Членовъ. Достоинство ихъ есть неотъемлемое и наслѣдственное. Король назначаетъ ихъ. Члены Законодательнаго Совѣта выбираются на пять лѣтъ такъ называемыми Избирательными Коллегіями; и новые выборы будутъ производиться для засѣданія 1816 года. Законодательный Совѣтъ собирается ежегодно съ 1 Октября. Король можетъ созвать, отсрочить, распустить его, но въ самомъ послѣднемъ случаѣ обязанъ составить новый черезъ три мѣсяца, и такимъ же порядкомъ какъ и прежній. Ни одинъ Членъ Сената или Законодательнаго Совѣта не можетъ быть задержанъ, безъ предварительнаго позволенія того Государственнаго мѣста, гдѣ онъ занимаетъ должность, и одно то мѣсто можетъ судить его. При соблюденіи права уравненія въ налогахъ, не льзя собирать ихъ безъ добровольнаго согласія Законодательнаго Совѣта и Сената. Независимость судебной власти, учрежденіе присяжныхъ и публичное разсужденіе объ уголовныхъ

дѣлахъ обезпечено и утверждено. Нѣтъ описи имѣнія. Король имѣетъ право миловать. Законъ опредѣляетъ порядокъ и количество набора, войскъ. Свобода богослуженія и книгопечатанія утверждается. Собственность обезпечена. Всѣ Французы имѣютъ равное право занимать гражданскія и военныя должности. Всякой имѣетъ право относиться съ личною прозьбою къ законнымъ властямъ. Королевская особа неприкосновенна и священна; но Министръ, подписывая опредѣленія правительства, отвѣчаетъ за нарушеніе законовъ, личной свободы и правъ гражданина. Наконецъ конституція должна быть поднесена по установленной формѣ на одобреніе Французскаго народа; а Лудовикъ XVIII объявленъ Королемъ Французомъ, когда онъ присягнетъ и подпишетъ: *Соглашаюсь на конституцію; присягаю въ томъ, что буду выполнять ее, и смотрѣть за ея выполненіемъ.* Онъ повторитъ ту же клятву при торжественной присягѣ Французовъ въ ихъ вѣрности Королю.

Сей Король, долго укрывавшійся въ углу знаменитаго острова безъ Царства и народа, возвращается нынѣ съ торжествомъ на престолъ наслѣдственный. Вся Коро-

левская фамилія была въ Гартвилѣ, когда пришло извѣстіе о щастливомъ успѣхѣ дѣлъ во Франціи. Никакое зрѣлище не могло быть трогательнѣе. Принцы и Принцессы, едва вѣря сему извѣстію, безмолствуютъ отъ изумленія. Дочь безщастнаго Лудовика XVIII перерываетъ первая молчаніе священнымъ обѣтомъ; забыть, простить все прошедшее, помнить только волю добродѣтельнаго отца, завѣщавшаго ей исполнять обязанности своего сана. Всѣ присутствующіе плачутъ отъ умиленія, видя, что не блескъ трона, но любовь къ своему отечеству и народу льстятъ знаменитымъ Изгнанникамъ въ перемѣнѣ ихъ жребія. 20 Апрѣля (н. с.) Король съ Принцомъ-Регентомъ, Герцогиней д'Ангулемъ и Дюкомъ де Конде имѣлъ торжественный въѣздъ въ Лондонъ. Предѣлы періодическихъ листковъ не позволяютъ намъ описать всѣхъ торжествъ сего чрезвычайнаго дня. Все радовалось и привѣтствовало новаго Короля. Король украсилъ Принца-Регента Орденомъ Св. Духа, а Принцъ-Регентъ Лудовика XVIII Орденомъ подвязки. 23 Апрѣля Король отправится черезъ Дувръ въ Кале и — къ народу, ожидающему своего Государя.

Высокій Возстановитель Бурбоновъ продолжаетъ въ ихъ Столицѣ привлекать къ

себѣ сердца и взоры. Не только народъ окружаетъ Его съ благодарною любовїю, но и великїе умы привѣтствуютъ Его безъ лести; и въ засѣданїи Нацїональнаго Института, удостоеннаго посѣщенїемъ Монарха, умѣющаго покровительствовать храмы изящныхъ наукъ и цѣнить мужей, славныхъ талантомъ, извѣстный Лакретель въ рѣчи своей принесъ краснорѣчивую хвалу дѣламъ безсмертнаго Петра I, и дань благодарности именемъ Общества достойному Наслѣднику его трона; и чтобы не раздѣлить въ похвалѣ своей двухъ Монарховъ Союзныхъ, онъ обратилъ ее и къ лицу Прусскаго Короля присутствующаго въ собранїи, приведя на память подвиги Фридриха II и нынѣшняго Преемника его сана. Просвѣщенная Европа замѣтила также съ удовольствїемъ, какъ Императоръ изъявилъ свое усердїе къ наукѣ, и отдалъ справедливость успѣхамъ Французской Словесности въ отвѣтѣ Его на рѣчь представлявшейся депутацїи отъ имени ученаго Собранїя. Какое лестное и для друзей науки прїятное зрѣлище, видѣть ту взаимную дань отъ Царей ученымъ, и отъ ученыхъ Царямъ! Но эту дань умѣютъ приносить одни благонамѣренные Владѣтели; а злоумыслящїй Корсиканецъ хотѣлъ поработить уединенныхъ писателей и мирныя науки,

какъ всѣ Царства и народы на шарѣ земномъ!

Торжествующіе въ Парижѣ Государи не перестаютъ въ то же время заниматься общими дѣлами Европы. Союзники объявили спорящимъ кантонамъ Швейцаріи, что соединеніе и цѣлость всѣхъ девятнадцати кантоновъ есть первое условіе, на которомъ утвердится и съ которымъ Державы признаютъ политическое бытіе Швейцаріи. По Ихъ же требованію, Сеймъ положилъ выставить 5000 человѣкъ для принятія дѣйствительнаго участія въ дѣлахъ и обезпеченія общаго спокойствія.

Между тѣмъ какъ проясняется политическій горизонтъ Европы, легкое облако несется съ одной стороны, откуда не льзя было совсѣмъ ожидать его, но къ щастію не грозитъ тучею. Датскій Принцъ Христіанъ Фридрихъ объявилъ себя Регентомъ Норвегіи по волѣ тамошняго народа, и присланному отъ Швеціи Графу Розену съ порученіемъ принять въ подданство сію землю, уступленную Датскимъ правительствомъ, отвѣчалъ, что онъ будетъ защищать ея независимость противъ всякаго нападенія до послѣдней капли крови. Онъ обнародовалъ и манифестъ именемъ правителя и военачальника Норвежскаго. Пишутъ даже въ Нѣмецкихъ Вѣдомостяхъ, что партія, которая объявила

Принца Регентомъ, хотѣла обьявить его и Королемъ; онъ отказался по совѣту нѣкоторыхъ людей. Послѣднія извѣстія изъ Копенгагена говорятъ, что Англійское правительство обьявило твердое намѣреніе, по дружеской связи со Швецією, не допускать до того, что можетъ воспрепятствовать присоединенію Норвегіи ко Швеціи, и что, послѣ сего обьявленія, Принцъ Христіанъ рѣшился оставить защищеніе Норвегіи, и требовалъ пропуска, чтобы возвратиться черезъ Швецію въ Копенгагенъ. Не дождавшись конца сего дѣла, Норвежскій посланникъ выѣхалъ изъ Лондона въ другой разъ (*).

О назначеніи во владѣніе Эрцъ-Герцогинѣ Маріи Луизѣ трехъ Герцогствъ въ Италіи, о вознагражденіи брата Австрійскаго Императора и о другихъ политическихъ перемѣнахъ въ Европѣ, не будемъ повторять не оффиціальныхъ еще извѣстій. Мы не имѣемъ также ничего вѣрнаго объ рѣшительномъ изгнаніи съ твердой земли того безумца, который одиннадцать лѣтъ обагрялъ ее кровію человѣческою, и который, передъ своимъ паденіемъ, не имѣетъ даже утѣшенія сказать, какъ Августъ передъ концемъ жизни: *Не хорошо ли сыгралъ я мою ролю? Піеса кончилась;*

(*) Смотри Züschauer No 942.

хлопайте и хвалите. Бонапарте отъ-игралъ свою ролю, но дурно. Пїэса кончилась, а никто не хлопаетъ и не хвалитъ, ибо актеръ того не достоинъ.

Мая 12 дня.
Москва.

Увѣдомленїе о нещастныхъ.

Письмо къ Издателю.

Сострадание и довѣренность къ тому участїю, которое (какъ вижу по нѣкоторымъ страницамъ вашаго Журнала) принимаете вы въ судьбѣ нещастныхъ, побудили меня отнестись къ вамъ съ этимъ письмомъ, которое прошу помѣстить въ Вѣстникѣ Европы.

Бѣдный Дворянинъ, Титулярный Совѣтникъ Сазоновъ, служившїй въ должности Почтмейстера въ уѣздномъ городѣ Задонскѣ, за болѣзнїю уволенъ въ отставку, а за долговременную и безпорочную службу съ пенсїономъ получаемаго имъ жалаванья. Сею Монаршею милостїю пользовался онъ болѣе 10 лѣтъ; но изнурительная болѣзнь съ утѣснительною нуждою въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни наконецъ лишила его разсудка. Сколько бѣдное семейство ни прибѣгало къ пособїю Врачей для сего страдальца, но все было безуспѣшно: онъ умеръ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. Не будемъ жалѣть объ немъ; смерть единственное благо въ участи нещастнаго! Но не льзя не сострадать къ положенїю бѣд-

наго семейства, оставшагося безо всякаго пропитанія; съ смертію его онѣ лишились получаемаго пенсіона, или лучше сказать, послѣдняго куска хлѣба! Горесть и сокрушеніе повергли нещастную вдову почти въ отчаянную болѣзнь; а престарѣлая 85-лѣтняя мать какіе найдетъ способы къ облегченію участи своей? Маленькая хижина, построенная подаяніемъ людей сострадательныхъ, едва укрываетъ ихъ отъ зноя и холода! Такое ужасное положеніе должно терзать всякое чувствительное сердце! И напротивъ, какая пріятная награда для того же сердца, имѣющаго возможность облегчить участь сихъ нещастныхъ.

Вы, Милостивый Государь! съ почтеннымъ званіемъ Писателя приняли священную обязанность посредничества между нещастными и людьми благотворительными, которыми Отечество наше богато — только не всѣмъ извѣстны сіи жертвы нищеты и убожества; откройте путь въ жилище ихъ, помѣстивъ письмо мое въ вашемъ Журналѣ! Не ученость, но истинное сострадание водило перомъ моимъ; но я надѣюсь, что сіе простое изображеніе нещастія равно дойдетъ до сердца нѣкоторыхъ изъ вашихъ читателей (*). Не откажитесь исполнить моей прозьбы; вы будете за то награждены сладостнымъ удоволь-

(*) Мы увѣрены въ томъ. Напрасно добродѣтельная незнакомка проситъ насъ въ письмѣ исправить слогъ ея. Что могли мы перемѣнить, исправить въ письмѣ женщины, которая умѣетъ также хорошо изъясняться, какъ и глубоко чувствовать! *Изд.*

ствіемЪ, которое вкушаю и я отЪ одной надежды, что усердіе мое оправдано будетЪ успѣхомЪ! Желающіе подать помощь симЪ нещастнымЪ, могутЪ присылку свою адресовать вЪ ЗадонскЪ прямо на имя вдовы Настасьи Архиповны Сазоновой. — Имѣю честь быть и проч.

Ал. — М. л. н. ва

ЗадонскЪ
21 го Апрѣля 814 го

ОПЕЧАТКИ

вЪ NO 9 Вѣстника Европы.

Напечатано:			*Читай:*
Стран.	Стр.		
13	15	*разваянія,*	разкаянія
33	13	*верЪ*	вечерЪ
76	16	*Государь,*	ПринцЪ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ 1814.

№ 11.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Алкандръ и Септимій,

Византійскій анекдотъ.

Послѣ паденія Римской Имперіи, Аѳины продолжали быть убѣжищемъ учености, вѣжливости и философіи. Феодорикъ, Царь Остроготскій, спѣшилъ возстановить школы, разрушенныя рукою варваровъ, и возвратить ученымъ пенсіи, у нихъ отнятыя скупостію провительствъ.

Въ то время Алкандръ и Септимій проходили вмѣстѣ науки у славнѣйшихъ учителей въ семъ городѣ. Септимій былъ

искуснѣйшимъ умствователемъ въ Лицеѣ, Алкандръ отличнѣйшимъ говоруномъ въ Академіи: взаимное почтеніе другъ къ другу произвело между ими сердечную связь; они подружились. Ихъ богатство и участь были сходственныя; оба родились въ двухъ знаменитѣйшихъ городахъ свѣта: Алкандръ въ Аѳинахъ, а Септимій въ Римѣ. Такъ жили они въ безпрерывномъ согласіи чувствъ и мыслей, какъ вдругъ Алкандръ, пожертвуя для философической безпечности лучшими годами жизни и молодости, рѣшился заняться полезнѣе, и вступить въ шумный свѣтъ. Ему казалось, что для предварительнаго шага надлежало избрать для сердца предметъ любви достойный. Гипатія была та красавица, которой посвятилъ онъ обѣты свои; она была рѣдкимъ образцомъ совершенства. Назначили день брака; предварительный обрядъ совершился, и Алкандръ ожидалъ къ дополненію своего блаженства того торжественнаго дня, которому надлежало привести его съ молодою супругою къ брачному олтарю.

Онъ былъ на верху радости; но какимъ щастіемъ можетъ наслаждаться другъ безъ участія своего друга. Онъ представилъ жену свою Септимію съ довѣренностію и съ удовольствіемъ человѣка, равно щастливаго въ любви и дружбѣ; но сви-

даніе имѣло слѣдствія, гибельныя для ихъ спокойствія. Увидя Гипатію, Септимій почувствовалъ въ сердцѣ смертельную рану: любовь воспылала въ немъ во всей ея силѣ. Напрасно старался онъ умѣрять восторги страсти безразсудной и непозволительной; воспаленіе чувствъ его произвело горячку, отъ которой врачи не надѣялись спасти его.

Въ продолженіе болѣзни, Алкандръ ходилъ за своимъ другомъ, подавая ему помощь и облегчая его страданіе всѣми способами чувствительнаго и великодушнаго сердца; его любезная невѣста участвовала въ сихъ благотворительныхъ попеченіяхъ; но скоро догадка врачей открыла имъ, что любовь была единственнымъ препятствіемъ къ выздоровленію больнаго. Они объявили о томъ Алкандру, который не безъ труда вытребовалъ признаніе отъ умирающаго друга своего.

Не буду говорить, какъ его сердце сражалось между любовію и дружбою; довольно сказать, что Аѳиняне довели тогда страсти и чувства до послѣдняго [illegible]нія и распаленія. Алк[illegible] для дружбы, и жертвуя ея [illegible]емъ, вручилъ Септимію [illegible] свою супругу со всѣми тѣми п[illegible], кото-

рыми природа ее обогатила. Втайнѣ совершили бракъ; и щастливая перемѣна имѣла такое быстрое дѣйствіе на жизнь Септимія, что онъ выздоровѣлъ черезъ нѣсколько дней, и съ молодою супругою своею отправился въ Римъ. Достоинства, дарованіе и способности, пріобрѣтенныя имъ въ Аѳинахъ, возвели его на первыя степени государственныхъ почестей — его сдѣлали Преторомъ.

Что дѣлалъ тогда Алкандръ? Онъ страдалъ отъ разлуки съ другомъ и съ любовницей, и отъ доносу ея родственниковъ, которые принесли жалобу, будто бы онъ продалъ за деньги свою невѣсту. Ни его невинность, ни его превосходное красноречіе въ защищеніи своего дѣла не могли спасти его отъ гоненія сильныхъ людей: судъ обвявилъ его виновнымъ, и наложилъ на него большій штрафъ. Его достатокъ не позволялъ ему выплатить чрезвычайной суммы: имѣніе его описали, его самаго лишили права и одѣянія вольнаго человѣка, и вывели на площадь для продажи въ неволю.

Купецъ, родомъ изъ Фракіи, купилъ его, и съ нѣкоторыми другими невольниками отвезъ въ свою пустынную и безплодную страну. Тамъ онъ стерегъ ста-

до жестокаго и высокомѣрнаго хозяина своего; для пропитанія имѣлъ онъ только дичь, которую самъ застрѣлить могъ; и каждое утро выводило новый день и новыя горести; перемѣна годовыхъ временъ не облегчала, а умножала его страданія. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ убѣжалъ отъ хозяина при удобномъ случаѣ, странствовалъ ночью, скрывался днемъ въ пещерахъ, и такъ дошелъ до Рима. Въ тотъ самый день, какъ онъ вступилъ въ городъ, Септимій производилъ судъ на *Форумѣ*. Алкандръ явился на томъ мѣстѣ, въ надеждѣ обратить на себя замѣчаніе друга, и быть предметомъ торжественной ласки.

Онъ провелъ цѣлый день въ толпѣ, ежеминутно ожидая взгляда Претора; но бѣдность и печаль такъ перемѣнили лице его, что Септимій не узналъ своего друга. Наконецъ подъ вечеръ онъ хотѣлъ подойти къ судилищу; но ликторы отогнали его съ грубостію.

За однимъ бѣдствіемъ идетъ въ слѣдъ другое. Настала ночь. Алкандръ не имѣлъ убѣжища; у него не было ни знакомца, ни покровителя; его блѣдное лице, его бѣдное рубище возбуждали не жалость, а презрѣніе: никто не хотѣлъ принять бѣдняка подъ кровъ свой. Ему казалось опасно ночевать на

СТИХОТВОРЕНІЯ.

При наступленіи весны 1814 года.

Уже прелестныя Природы
Дщерь, вѣчно юная весна,
Своимъ дыханьемъ благотворнымъ
Сгоняетъ снѣгъ съ полей, луговъ;
Уже пернатыхъ хоръ пѣвцовъ
Съ своею пѣснью сладкозвучной,
Віяся подъ лазурь небесъ,
Встрѣчаетъ солнца восхожденье;
И дивное сіе свѣтило,
Какъ мощный исполинъ, свершивъ
Свой путь торжественный, блестящій,
Вступаетъ снова въ знакъ Овна.
Привѣтствуемъ тебя, о солнце!
О истый образъ божества,
Сѣдящаго на Росскомъ тронѣ!
Какъ ты, дары лія на всѣхъ,
Виной ихъ жизни, ихъ утѣхъ:
Такъ нашъ Монархъ, давъ миръ Европѣ
И возвратя свободу ей,
Народовъ щастья всѣхъ виною!
Какъ ты во славѣ возвратилось,
Отколѣ воспріяло путь,
Такъ Онъ Свой подвигъ многотрудный
Скончавъ, къ намъ придетъ въ торжествѣ!
Еще зимы свинцовый скипетръ
Дыханьемъ кроткія весны,
Еще въ конецъ не сокрушился;
Но скоро, скоро онъ падетъ:

Изчезнетъ снѣгъ, растаетъ ледъ,
И возблеститъ красой Природа!
Такъ кровожадный сынъ войны
Еще на вѣкъ не истребился
Десницей кроткаго Монарха;
Но близокъ часъ — тиранъ падетъ,
И власть его погибнетъ съ шумомъ;
Украсится свободой міръ.
Европа съ изумленьемъ видитъ,
Что мнимый въ браняхъ исполинъ,
Предъ кѣмъ такъ долго трепетала,
Кому курила фиміамъ
За годъ предъ симъ, — трепещетъ самъ
И ищетъ ложнаго спасенья
Въ безстыдствѣ, въ подлости себѣ;
Но подлость, лесть, обманъ, коварство,
Сіи сподвижники тирана
Безсильны помощь дать ему,
Коль праводушіе и дружба
Скрѣпили межъ собой союзъ!
Градижъ скорѣй, о мать веселій!
Гряди, весна! и да съ твоимъ
Благословеннымъ къ намъ приходомъ
Слетитъ желанный миръ съ небесъ!
Довольно видѣлъ свѣтъ чудесъ,
Въ столь кратко время совершенныхъ
Великосердьемъ Россіянъ;
Довольно Ангелъ нашъ хранитель
Плѣнялъ сердца народовъ чуждыхъ;
Пора обрадовать сиротъ,
Толико время разлученныхъ
Съ безцѣннѣйшимъ для нихъ Отцемъ!

*Б**.

С. Борисовка. 1814 Года
Марта 12 дня.

СТИХИ,

сочиненные по случаю занятія Парижа побѣдоносными Россійскими и союзными войсками (*).

Россія, славой возносися!
Монархъ твой Галла низложилъ!
Москва, изъ праха оживися!
Предъ Нимъ Парижъ главу склонилъ. —

Святая Русь! кто покусился
Твое спокойство нарушать,
Тому подобенъ, ктобъ пустился
Изъ львовъ сильнѣйшаго попрать.

Пускай на время оскорбленна
Столица древняя, Моска;
Но АЛЕКСАНДРОМЪ отомщенна
Сторично — вотъ Царей Глава!

Онъ въ Рускомъ Царствѣ испровергнулъ
Враговъ столпы и племена;
Годъ не протекъ — Герой воздвигнулъ
На Сенѣ Рускихъ знамена. —

(*) Читатели наши видятъ стихи Волложскаго Боярина, Грека, который на Рускомъ языкѣ величаетъ свое новое Отечество. Авторъ, приславъ ихъ къ намъ, говоритъ въ письмѣ своемъ: „Помню великодушіе древняго Артаксеркса, не презрѣвшаго горсти воды, поднесенной усерднымъ поселяниномъ, и приношу трудъ мой Отечеству!" — Отечество съ благодарностію приметъ его усердіе и его опытъ въ Рускомъ стихотворствѣ. *Изд.*

Возстали Сѣверны титаны;
Их ЦАРЬ тиранства цѣпь разбилъ:
Отъ Немена и до Секваны
Европу всю освободилъ. —

Ты, Россовъ ЦАРЬ благословенный,
Въ мигъ Голіафа сокрушилъ,
Творецъ спокойствія вселенны
Престолъ свой славою покрылъ.

О вы, народы, торжествуйте! —
Благодарите Небеса!
А вы, соотчичи, ликуйте!
Свершилъ Богъ Рускій чудеса. —

Да будетъ гербъ сея Державы;
Вѣнчанный лавромъ полубогъ;
Се торжество народной славы!
Ужь сломленъ супостатовъ рогъ! —

Кіевъ, 22 Апрѣля 1814.

II. НАУКИ.

Естественная наука въ ея нравственномъ отношеніи, или пріятность и польза Ботаники.

Начиная говорить объ удовольствіяхъ и выгодахъ сей науки, я былъ бы неблагодаренъ, естьли бы умолчалъ о тѣхъ утѣшеніяхъ, которыми ей былъ обязанъ въ нынѣшнее время. По славномъ освобожденіи нашего Отечества (*) возвратился я подъ сельскій и домашній кровъ мой. Тамъ рука человѣческая, столь сильная для зла, безъ пощады разорила убѣжище мирнаго любителя Природы. Садъ и цвѣтникъ мой были опустошены. Растительныя дѣти мои, золотыя жонкилли, лазоревые дельфины, бѣлоснѣжные флоксы, нѣжные нарциссы, голубыя кампанулы, величавыя лилеи, красавицы розы засохли на корняхъ своихъ безъ старанія заботливой руки отеческой. Спаржа, артишоки, цвѣтная капуста, яблочной корень Американскаго пасленя и другія произрастѣнія, покрывавшія нѣко-

(*) Въ 1812.

гда столъ мой богатыми плодами земными, на сей разъ не объщали уже ничего для убогой трапезы пустынника. Дорожки мирныхъ прогулокъ не были вычищены, не были пескомъ усыпаны. Вокругъ дома, какъ въ древнихъ пустыняхъ, лежали отломки статуй, колоннъ и бюстовъ Сократа, Катона, Цицерона, Жанъ-Жака Руссо и другихъ Мудрецовъ, которымъ любилъ я подражать издали, по мѣрѣ силъ и знанiй моихъ, какъ слабый младенецъ разводитъ несовершенный садъ и обсѣиваетъ тѣсный уголокъ земли по примѣру людей взрослыхъ. Но нигдѣ не видно было и остатковъ моего богатаго травника, сего памятника прiятнѣйшихъ дней жизни, посвященной Природѣ и наукѣ, сего единственнаго богатства, которымъ пользовался въ моемъ скромномъ жребiи, не имѣя у себя сокровищь золота, но за то владѣя истинными благами и роскошными дарами Природы. Наконецъ, на мѣстѣ сельскихъ хижинъ, которыя такъ весело стояли передъ моими окнами, и откуда провожалъ я нѣкогда глазами идущихъ на работу земледѣльцевъ, безпечныхъ, щастливыхъ и подобно мнѣ довольныхъ немногимъ, представились мнѣ одни черные отрубки, осыпанные пепломъ, и поселяне, оплакивающiе отеческiе домы свои. Но когда съ одной стороны лежали въ развалинахъ тлѣнныя жилища человѣческiя,

съ другой величалась сельская природа во всемъ блескѣ ея безсмертныхъ творенїй. Снова радостная зелень обновляла землю; на лугахъ разкатывался нечувствительно зеленый коверъ ея; деревья разкидывали лиственныя почки, сїи питательные сосцы младенческаго растѣнїя; ласточки, жаворонки и другїя прилетныя птицы возвращались къ пустынному селенїю, котораго разрушенїе не пугало сихъ веселыхъ гостей Природы и не мѣшало ихъ кроткимъ пѣснямъ; словомъ, все, кромѣ человѣка, блаженствовало подъ солнцемъ въ неизмѣримыхъ предѣлахъ творенїя. Конечно не благое Провидѣнїе бываетъ виною золъ человѣческихъ. Человѣкъ свирѣпствуетъ и опустошаетъ; но Природа благотворитъ ему и всѣмъ тварямъ, вопреки ихъ усилїя перемѣнять порядокъ вещей и предвѣчные законы мудрости; и нѣтъ, можетъ быть, ни одного зла человѣческаго, которое бы не имѣло своего вознагражденїя въ неистощимыхъ благахъ, пролитыхъ изъ ея чистаго источника. Театръ опустошенїя огорчалъ сердце, разумъ и взоры; но зацвѣтающїя поля манили къ прїятнымъ прогулкамъ, къ ботаническимъ странствїямъ, къ забвенїю, среди мирнаго царства растительнаго, кровавой брани народовъ. Уже поднимались изъ тайныхъ нѣдръ земли,

какѣ изѣ колыбели, со всѣхѣ сторонѣ укрытой рукою матери, первыя фіалки, орнитогалы, ландыши Майскіе, кукушкины слезы, извлеченныя, казалось, изѣ глазѣ птицы обстоятельствами времени, аврикулы, утѣшающіе насѣ первымѣ весеннимѣ цвѣтомѣ (*), молодые стебли повиличныхѣ колокольчиковѣ, стелющихся по землѣ отеческой и перевязывающихся между собою легкими цѣпями, сѣ листьями, подобными стрѣламѣ и сердцу (**), какѣ будто бы вѣ знакѣ того, что пріятнѣйшая жизнь украшается привязанностію кѣ Природѣ и любовію кѣ себѣ подобнымѣ; выходили многіе другіе цвѣты и травы, которыя привѣтствовали меня, а я ихѣ, какѣ привѣтствуются знакомцы и друзья. Блаженѣ, думалѣ я, блаженѣ тотѣ, кто идетѣ по вѣрнымѣ стезямѣ Природы, держится святыхѣ законовѣ ея, а не развратныхѣ мнѣній человѣка; не простираетѣ своихѣ намѣреній далѣе отеческаго крова и мирныхѣ добродѣтелей семейственныхѣ. Сердце его не вѣ рукахѣ завоевателей. Онѣ полагаетѣ свое щастіе не вѣ жалкихѣ добычахѣ, купленныхѣ кровію, ни вѣ безплодныхѣ почестяхѣ, прино-

(*) Primula Veris; officinalis. Lin.

(**) Которыя по тому называются у ботаниковѣ *стрѣлистыя и сердечныя*, fol. cordatum, fol. sagittatum.

сящихЪ болѣе сожалѣнія, нежели удовольствія; но вЪ жизни ощастливленной чистою совѣстію и добрыми дѣлами; но вЪ твореніяхЪ разума, достойныхЪ награды вѣковЪ. Вдвое блаженнѣе тотЪ, кто вЪ смиренной долинѣ своей бережливою рукою срываетЪ цвѣты и травы, и перебираетЪ ихЪ на берегу свѣтлаго ручья, не заботясь вЪ щастливой безвѣстности о мірской гордости и славѣ. ТакЪ размышлялЪ я, смотря на красоты, цвѣтущія подЪ моими ногами, и принялся за любимую науку мою, и забылЪ горести и потери, вначалѣ меня востревожившія. ТотЪ мудрецЪ, который начерталЪ надпись славной Египетской библіотеки: *Цѣлительное для души лекарство*, изрекЪ вѣчную истину, достойную быть посвященною вЪ честь и память науки.

ОтЪ сего утѣшенія обратился я кЪ размышленію, какая изЪ наукЪ имѣетЪ преимущество передЪ всѣми другими для совершеннаго пустынника; но чтобы вывесть слѣдствіе чувствительнымЪ образомЪ, вообразилЪ я на часЪ просвѣщеннаго Европейца занесеннымЪ бурею на уединенный островЪ Южнаго Океана, на пр. на берега Австраліи. Сей новый РобинсонЪ, среди пустынь Новой Голландіи, возвращается кЪ состоянію природы. НѣтЪ уже для

него удовольствій и общежитія; нѣтъ забавъ роскоши; нѣтъ орудій, изобрѣтенныхъ искусствомъ, и твореній, произведенныхъ дарованіемъ: вся его сила въ собственныхъ рукахъ; все просвѣщеніе въ его разумѣ и знаніи; препровожденіе времени въ его мысли и трудолюбіи. Послѣ горестной дани сожалѣнія, принесенной въ память любезному Отечеству, гдѣ протекали дни его въ кругу вѣрныхъ друзей и пріятной ихъ бесѣды, онъ стоитъ въ безмолвной задумчивости на берегу шумнаго океана, и горестно мечтаетъ о родѣ жизни, на которую осудила его жестокая игра случая. Нѣкогда безчисленныя забавы стекались вокругъ щастливаго Европейца, открывали ему пути къ наслажденію, украшали бытіе его всѣми выгодами гражданскаго состоянія; теперь бѣдный пустынникъ обязанъ самъ изобрѣтать способы своихъ удовольствій, почерпать ихъ въ Природѣ, ограничивать жизнь свою предѣлами обширнаго океана, положенными между имъ и остаткомъ рода человѣческаго. Къ какимъ предметамъ и существамъ прибѣгнетъ онъ, чтобы населить сію пустыню обширнаго міра и прервать единообразіе дней, быстро и медленно текущихъ? какою Наукою занять душу и разумъ въ нѣдрахъ вѣчнаго уединенія? Богословіемъ ли? Но Богъ, Котораго славу возвѣщаютъ и земля и небо,

изчезаетъ для разума и открывается только сердцу. Пустынникъ желаетъ не постигать, но поклоняться Ему со всѣми тварями въ теченіи велелѣпнаго утра, въ тишинѣ безмолвнаго вечера. Заняться ли ему наблюденіемъ лучезарныхъ міровъ, возженныхъ въ неизмѣримой отъ него отдаленности? Но сія наука требуетъ помощи искуственныхъ орудій. И гдѣ возможность трудиться надъ рѣшеніемъ важныхъ задачъ Астрономіи безъ источниковъ и безъ содѣйствія книгъ? Гдѣ побудительныя причины къ симъ трудамъ безъ надежды передать ихъ себѣ подобнымъ и прибавить ихъ къ суммѣ общихъ познаній? Обратиться ли ему къ линіямъ сухой Геометріи, къ отвлеченіямъ тонкой Метафизики, къ начертанію плана законодательства для народовъ земнаго круга? Онѣ не могутъ его занять безъ отношенія къ пользѣ гражданскихъ обществъ, и онѣ требуютъ, какъ и другія науки, безчисленныхъ доказательствъ и многихъ книгъ, которыми не можетъ пользоваться человѣкъ, отдаленный морями отъ людей и свѣта. Наконецъ, читать ли ему на память стихи изъ Поэтовъ, или, естьли онъ имѣетъ самъ прекрасный даръ творить умственныя картины, живописать ихъ передъ бездушными свидѣтелями и говорить языкомъ боговъ передъ нѣмою Природою, его окружа-

ющею? Нѣтъ, искусства и науки, возрожденныя страстями общежитія, замираютъ въ душѣ вѣчнаго пустынника. Нѣтъ для него великихъ побужденій, проистекающихъ изъ отношеній человѣка къ человѣку; одна неугасимая чувствительность переживаетъ разрушеніе мірскихъ склонностей, и она, требуя себѣ пищи, заставляетъ пустынника больше обращаться на природу и на Творца ея. Ахъ! въ нѣдрахъ уединенія, среди вѣчныхъ пустынь, съ одинокою и полумертвою душею, человѣкъ утѣшается только Природою, симъ таинственнымъ покровомъ невидимаго Божества. Онъ имѣетъ сладкое утѣшеніе чувствовать, что сердце его не совсѣмъ осиротѣло; что есть въ мірѣ Существо, Которое любитъ его, о немъ печется, тайно съ нимъ бесѣдуетъ; что молитва и обѣты его не изчезаютъ въ пустыняхъ. И такъ, чтобы положить тѣснѣйшую связь, естьли можно такъ сказать, между собою и Творцемъ, всего естественнѣе для него разсматривать творенія своего Бога. . . . Три богатыя царства представляются въ его изслѣдованію. Но звѣри, птицы, рыбы, насѣкомыя, пресмыкающіяся, сіи твари, между которыми человѣкъ занимаетъ первое мѣсто, такъ близки къ нему по чувству и такъ далеки по ихъ независимости, что

не льзя подвергнуть ихъ раздробленїю безъ крайняго сожалѣнїя, ни привесть въ повиновенїе безъ великаго затрудненїя. Можетъ быть разсыпанныя на днѣ и по берегу моря раковины, рукою вѣковъ слѣпляемые камни, сокрытые въ нѣдрахъ земли металлы, могли бы привлечь его любопытство; но первыя, представляя одни скелеты, не говорятъ ничего уму и сердцу; а послѣднїе, напоминая объ одномъ изъ главныхъ источниковъ гражданскихъ золъ, огорчаютъ разумъ и душу. Выборъ его конечно обратится на растительное царство. Тамъ видитъ онъ слѣды Божества, напечатлѣннаго на каждомъ листочкѣ простѣйшей травы; разсматриваетъ чудесное строенїе сихъ живыхъ произведенїй; любопытнымъ окомъ слѣдуетъ за обращенїемъ соковъ во внутренности сосудовъ, гораздо тончайшихъ волоса; примѣчаетъ любовныя таинства растительныхъ существъ; съ изумленїемъ открываетъ движенїя чувствительности въ орудїяхъ пола (*); наконецъ, вѣритъ болѣе и болѣе, что растѣнїя, какъ мыслилъ одинъ великїй Испытатель Природы (**), имѣютъ даръ чувства. Такъ

(*) Сїя раздражительность доказана прекрасными опытами Кельрейтера, Гмелина, Смита, Линнея и въ послѣднїя времена де Фонтеномъ.

(**) Боннетъ.

часы, дни и мѣсяцы протекая нечувствительно въ сихъ трудахъ и любопытныхъ изслѣдованїяхъ, доказываютъ ему, можетъ быть, что для всякой нещастной доли, вынутой человѣкомъ изъ урны жребїя, есть соотвѣтственныя утѣшенїя и радости. Теперь, чтобы сдѣлать предположенїе нѣсколько правдоподобнымъ, представимъ себѣ вмѣсто новаго Робинсона старца, волнами жизненнаго океана прибитаго къ пустынному и послѣднему берегу — къ глубокой старости; представимъ его утомленнаго днями долгаго вѣка, чуждаго заботъ общежитїя, уединеннаго на землѣ между себѣ подобными, но еще прїятно бесѣдующаго съ цвѣтами и полями; или вообразимъ себѣ нещастнаго мизантропа, ожесточеннаго людьми и фортуною, заключеннаго въ темницѣ свѣта, какъ на дикомъ островѣ океана, но съ рокомъ примиреннаго наукою Линнеевъ, Галлеровъ и Палласовъ. Добрый Руссо! какимъ утѣшенїемъ были для тебя кроткїя убѣжища лѣсовъ и богатыя жатвы растѣнїй, когда несправедливыя оскорбленїя изгнали тебя изъ общества человѣческаго, и принудили подъ старость обитать въ пустынѣ съ послѣдними и единственными въ мїрѣ существами, которыхъ нравы не огорчаютъ чувствительныхъ?

Достойно замѣчанія, что два крайніе предѣла земнаго творенія являютъ два величайшія зрѣлища для человѣка: небо, усѣянное звѣздами, и земля, усѣянная произрастѣніями. Таинственныя небеса повѣдаютъ славу непостижимаго Бога; а полезныя цвѣты и травы любовь Отца благотворительнаго. Тѣ сотворены, кажется, для пораженія гордыхъ; послѣднія для наслажденія простыхъ и добрыхъ. Возносясь умомъ къ тѣмъ небеснымъ пространствамъ, куда не досягаютъ чувства наши, мы испытываемъ только слабость разума въ системахъ, основанныхъ на догадкахъ; но среди цвѣтовъ, неразлучныхъ съ нами отъ колыбели до гроба, можемъ безъ дерзости проникать въ тайны ихъ свойства, и образовать науку, для сердца пріятную, для разума полезную. Нѣкоторыя даже удачныя открытія въ наукѣ небесныхъ движеній утѣшаютъ одну ничтожную гордость; но самыя легкія познанія о силѣ, дѣйствіи и характерѣ растѣній обращаются въ пользу общую. Къ тому же, одни преимущественные умы могутъ съ Невтонами парить за предѣлы міровъ и солнцевъ; но самые обыкновенные люди могутъ гулять на цвѣтущей землѣ и замѣчать игру произрастѣнія.

Ботаника есть ближайшая къ человѣку наука: она согласнѣе кажется съ его

опредѣленіемъ. Въ изящной словесности и въ точныхъ наукахъ не льзя почти ограничить себя такъ, чтобы цѣль и предметъ ихъ не простирались далѣе предѣловъ истиннаго удовольствія; чтобы любовь къ уединеннымъ трудамъ не выводила изъ круга домашней жизни; чтобы честолюбіе не вмѣшивалось въ ученость. Физика, Геометрія, Астрономія такъ важны и обширны въ ихъ предметѣ, пріобрѣтенія ихъ стоютъ такъ дорого, что по дѣйствію человѣческой слабости сіи труды не имѣли бы для насъ прелести, естьли бы похвала и слава не вознаграждали за нихъ. Самыя пріятныя искусства и прекрасныя дарованія не укрываютъ отъ самолюбія: любовь къ нимъ есть не рѣдко одно побужденіе тщеславія. Поэтъ скучаетъ бесѣдовать съ Музами, естьли слава не передаетъ его пѣсней вѣкамъ и народамъ, и не приноситъ ему лавровъ безсмертія. Древняя басня Пигмаліона открываетъ намъ подъ завѣсою аллегоріи мѣру самолюбія въ артистахъ всѣхъ родовъ. Художникъ, восхищенный произведеніемъ своего искусства, не стыдился молить боговъ, даровать жизнь истукану и вложить душу въ кусокъ мрамора, отработаннаго его рукою. У насъ пріятное искусство Орфеевъ и веселыя пляски Терпсихоръ пере-

стаютъ занимать мущинъ и женщинъ, когда нѣтъ для нихъ случая выставлять ихъ искусства и блестѣть передъ толпою удивляющихся свидѣтелей? Изъ великаго числа искусствъ и наукъ, однѣ распаляютъ воображенie и страсти, другія склоняютъ къ порокамъ; многія приводятъ разумъ въ отчаянie, или душу въ мертвое ничтожество. Ботаника смягчаетъ нравы человѣка, удаляетъ бури страстей, занимаетъ разумъ прiятнымъ образомъ, достойнымъ нравственнаго существа. Нѣтъ науки, которая бы подавала менѣе случая распространяться за границы бытiя и назначенiя, опредѣленнаго человѣку. Испытатель Природы, уединясь на минуту въ уголъ сада или рощи, возвращается чрезъ полчаса времени къ свиданiю съ нетерпѣливымъ семейcтвомъ, ничего не отнявъ у своихъ домашнихъ обязанностей, и онъ не имѣетъ нужды проводить дни и ночи за кабинетными трудами, лишая дѣтей своихъ наставника, а супруги товарища и совѣтника. Ему, смиренному любителю Природы, не придетъ на мысль питаться гордостiю ученаго и обращать науку въ предметъ тщеславiя и самохвальства; но въ Ботаникѣ такъ мало пользы для самолюбiя, что свѣтскiя дамы, столь свѣдущiя въ тайнѣ сей страсти, совсѣмъ

чужды знанїй Ботаническихъ. Онѣ не подозрѣваютъ даже ихъ прелестей. Обогащенныя корзинами Флоры, окруженныя цвѣтущими вазами, украшенныя дарами богини, неблагодарныя наши Грацїи не знаютъ ничего о подобныхъ имъ въ красотѣ и участи цвѣтахъ, кромѣ Латинскаго или Греческаго (часто изуродованнаго) имени, принятаго изъ устъ продавца цвѣточныхъ луковицъ. Но это доказываетъ, что довольно простыхъ глазъ, не вооруженныхъ стекломъ ученыхъ, и простаго сердца, чувствительнаго къ Природѣ, чтобы наслаждаться прекраснѣйшимъ ея царствомъ. Безъ сомнѣнїя Провидѣнїю угодно было, чтобы ученый Ботаникъ, какъ и простый земледѣлецъ равно любовались, равно пользовались роскошными украшенїями полей, и чтобы въ сихъ вещахъ не было по крайней мѣрѣ исключительныхъ правъ и несправедливаго самовластїя.

Важнѣйшая польза Ботаники, въ нынѣшнемъ невѣрующемъ вѣкѣ, есть та, что она опровергаетъ самымъ явнымъ образомъ предположенїе слѣпаго случая и механическихъ дѣйствїй въ творенїи. Конечныя причины, видимыя въ образованїи растѣнїй, являютъ печать Творческой премудрости. Замѣтимъ, что Божественная воля хотѣ-

ла безъ сомнѣнія напечатлѣть могущую Десницу Свою не столько на осяхъ движущихся міровъ, куда возносятся только великіе умы избранныхъ мудрецовъ, сколько на растительныхъ стебляхъ, листьяхъ и цвѣтахъ, между которыми обитаютъ простые сыны земли. На крыльяхъ мысли едва дерзаютъ смертные возпарять къ Богу и съ трепетомъ Ему покланяться; но въ растительномъ царствѣ самъ Богъ низходитъ, кажется, къ смертному. Единственный изъ Писателей осьмагонадесять вѣка, котораго молодые люди могутъ читать безъ вреда для ума и нравственности (*), принялъ на себя прекрасный трудъ извлечь изъ трехъ царствъ Природы, и особливо изъ растительнаго, богатыя примѣчанія и неоспоримыя доказательства того Божественнаго промысла, который предустроилъ всѣ части цвѣта и плода для одного общаго намѣренія, и чудеснымъ образомъ опредѣлилъ ихъ отношеніе къ перемѣнамъ годовыхъ временъ, къ грунту земли, къ потребностямъ животныхъ и къ пользѣ человѣка. Достойно удивленія, что въ семъ царствѣ Природы заключается прекраснѣйшій образъ безсмертія, изъ котораго одинъ великій Мудрецъ (**) почерпнулъ

(*) Бернарденъ де Сен-Пьеръ.
(**) Боннетъ.

лучшую философическую истину. *Человѣкъ посѣянъ въ тлѣніи*, говоритъ Апостолъ; *возстанетъ въ безтлѣніи и славѣ*. Творецъ *Палингенезіи*, приводя Апостольскія изрѣченія, прибавляетъ: *такъ покровъ сѣмени погибаетъ; но сѣмя сохраняется и приноситъ человѣку безсмертіе*. И такъ великое откровеніе глубокаго таинства написано на цвѣтахъ и травахъ, къ убѣжденію смиренныхъ, къ изумленію гордыхъ, къ общему утѣшенію всѣхъ добрыхъ. Растѣнія, говоритъ одинъ Писатель (*), имѣютъ свою богословію.

Достойно сожалѣнія, что между безчисленными науками, которыми отягчаютъ слабый и незрѣлый умъ дѣтскій, нѣтъ только той, которая можетъ занять сей возрастъ безъ скуки и надсады (**). По неизъяснимому противорѣчію, науки тягостныя и сухія, какъ Грамматика, Хронологія, Геральдика и подобныя, входятъ въ планъ перваго ученія, тогда какъ пріятная и легкая наука Натуральной Исторіи, а особливо Ботаники, исключены почти изъ дѣтскихъ классовъ.

(*) См. *Etudes de la nature.*

(**) Здѣсь говорится только о домашнемъ ученіи.

А нѣтъ сомнѣнія, что младенецъ, даже молодой человѣкъ, не испорченный еще нашими городскими нравами, полюбитъ невинное удовольствїе разбирать цвѣты, опредѣлять роды и виды, знакомиться съ фамилїями, или породами всѣхъ растѣнїй, разсѣянныхъ на земной поверхности; и скоро онъ почерпнетъ въ нихъ опытныя истины, спасительныя для ума и сердца, предохранительныя отъ заблужденїй ложной философїи. Мы изъявимъ здѣсь желанїе, чтобы въ сельскихъ школахъ, заводимыхъ нынѣ благодѣтельнымъ Правительствомъ, Ботаника заняла мѣсто между преподаваемыми науками; и естьли она отведетъ только добрыхъ, но легковѣрныхъ поселянъ отъ употребленїя всякаго рода эмпирическихъ лекарствъ, сообщивъ имъ просвѣщеннѣйшее понятїе о свойствахъ растѣнїй, то принесенная ею польза будетъ довольно велика.

Мы могли бы показать прїятность науки для всѣхъ возрастовъ, естьли бы представили невиннаго отрока, который выучась первымъ началамъ ея, подаетъ просвѣщенному отцу, или матери, одни цвѣты за другими, и съ важностїю маленькаго Турнфорта, или Гертнера, указываетъ на блестки и гвоздики, на чашечки и корон-

ки, на соки и сосуды ихъ; естьлибъ представили молодую дѣвушку, которая по неизвѣстному ей влеченію сердца избираетъ въ предметъ тайной склонности тѣ розы и лилеи, надъ которыми учится наукѣ растѣній; но съ ботаническою книгою въ рукѣ не распаляетъ по крайней мѣрѣ страстей своихъ, какъ другія за чтеніемъ романовъ; не тревожитъ матери, внимательной къ первымъ движеніямъ ея чувствительности; естьли бы представили наконецъ пріятнѣйшее зрѣлище въ мірѣ — ветхаго мужа, украшающаго сею наукою свой послѣдній путь на землѣ, и съ ея цвѣтами приближающагося къ пристани мирной вѣчности... Но мы не хотимъ истощать своего предмета, столь обильнаго великими истинами и нравоучительными слѣдствіями.

Въ доказательство добраго сердца, неразлучнаго съ любовію къ Природѣ и ея наукѣ, мы приведемъ только одинъ примѣръ, достойный быть болѣе извѣстнымъ. Славный Галлеръ страстно любилъ Ботанику, и на Альпахъ, гдѣ Природа такъ величава, такъ живописна, собиралъ съ другомъ своимъ Геснеромъ рѣдкія сокровища Алпійской Флоры. По истощеніи силъ въ трудномъ ботаническомъ странствіи,

Геснерѣ легѣ отѣ усталости на траву и заснулѣ подѣ ледовитою атмосферою. Сѣ безпокойствомѣ смотрѣлѣ Галлерѣ на своего друга, склонившагося ко сну, который на жестокомѣ холодѣ могѣ быть для него вреднымѣ. Онѣ думалѣ, какимѣ бы способомѣ укрыть его отѣ опасности; скоро способѣ представился его мыслямѣ, или справедливѣе его сердцу: онѣ снялѣ сѣ себя одежду, одѣлѣ ею Геснера и сѣ удовольствїемѣ смотря на друга, наслаждался симѣ зрѣлищемѣ, не позволяя себѣ никакого движенїя, чтобы не перервать его спокойствїя. Кто испыталѣ прелесть дружбы, пускай тотѣ представитѣ себѣ пробужденїе Геснера, его удивленїе, ихѣ взаимную чувствительность; пускай представятѣ себѣ другїе среди необитаемой пустыни сїю трогательную картину, столь достойную имѣть свидѣтелей (*)!

Можетѣ быть изѣ строгихѣ людей одни найдутѣ наши замѣчанїя слишкомѣ легкими, или поверхностными, другїе слишкомѣ благопрїятными для науки. Передѣ первыми оправдаемся тѣмѣ, что мы желали только обратить вниманїе на прїят-

(*) См. Похвальное Слово Галлеру, сочиненное Викѣ д'Азиромѣ.

нѣйшую науку въ свѣтѣ, и безъ учености говорить о благородной къ ней страсти; но послѣднiе простятъ что нибудь энтузiазму, которой имѣетъ въ предметѣ красоты земнаго творенiя. Впрочемъ мы не удалились отъ истины, когда показали неразрывную связь между наблюденiями Природы и добродѣтелями сердца; а въ трудахъ науки, какъ въ дѣлахъ жизни, нравственность есть и должна быть наша главная цѣль. Добродѣтель, говоритъ Сенека, полагаетъ связь любви между Богомъ и человѣкомъ (*).

В. И.

(*) Сенека *въ Трактатѣ Провидѣнiя.*

III. ЛИТТЕРАТУРА.

Критическія замѣчанія.

(*Сообщено изъ Чернигова.*)

Отрывки отечественной Исторіи, помѣщаемые въ Журналахъ, а особливо въ отношеніи ко временамъ, погруженнымъ отчасти во мракѣ древности, въ коемъ самыя тонкія изслѣдованія иногда могутъ попадать на камень преткновенія, призывать должны всякаго сообщать свои мысли и заключенія общественному разсмотрѣнію, не смотря на то, ежели они будутъ и ошибочны; ибо самое ихъ опроверженіе и на нихъ критика могутъ иногда приближить къ истинѣ; и я на таковой конецъ осмѣливаюсь сообщить нѣкоторыя мои замѣчанія на статью помѣщенную въ N 5 Вѣстника Европы сего года, относительно опредѣляемаго времени основанія соборныхъ церквей въ Черниговѣ Преображенія и въ Кіевѣ Софійской. Въ извлеченіи изъ путешествія Митрополита Платона сказано: „Путешественникъ для „того упоминаетъ особенно о Черниговской

„Соборной церкви, что едва ли она не всѣхъ „въ Россіи церквей древнѣе; ибо заложена, „по Несторовой Лѣтописи, Великимъ Княземъ Мстиславомъ Владиміровымъ сыномъ „въ 1024 году; а Кіевская Софійская по „тому же Нестору основана въ 1025 году, „какъ говоритъ Сочинитель (*)" далѣе, о Софійской церкви слѣдуетъ продолженіе, что она есть древній храмъ, строенной Великимъ Княземъ Ярославомъ. Я долженъ признаться, что отношеніе на означенные годы по Нестору вводитъ меня въ крайнее недоумѣніе. Трудясь давно надъ сочиненіемъ Исторіи древняго Черниговскаго Княжества, которую надѣюсь въ непродолжительномъ времени представить моему Начальству, собиралъ я изъ разныхъ мѣстъ и рукъ свѣденія въ отношеніи къ остаткамъ здѣсь древности, и въ томъ числѣ наипаче не оставлялъ прибѣгать и къ повѣствованіямъ всѣхъ извѣстныхъ древнихъ лѣтописцевъ; ни гдѣ не могъ я найти истиннаго времени основанія означенной Черниговской церкви. Несторъ совсѣмъ не означаетъ года, когда она основана. Въ 6544 году (въ 1036) онъ только упоминаетъ о ней по случаю кончины Князя Мстислава: „Мстиславъ изыде на ловы

(*) Какъ то, такъ и другое мнѣніе есть собственно мнѣніе Платона. *Изд. Вѣстн.*

„и разболѣся и умре и положиша въ церкви „Святаго Спаса, юже бѣ самъ заложилъ: „бѣ бо содѣлана при немъ выше, неже на „кони стоячи, рукою досячи.“ Соображаясь же съ повѣствованіемъ его о завладѣніи Мстиславомъ Чернигова, является, что Князь сей (*) въ 1024 году въ отсутствіе Великаго Князя Ярослава въ Великой Новгородъ подходилъ къ Кіеву, и не будучи впущенъ гражданами, пришелъ въ Черниговъ и овладѣлъ онымъ; о чемъ узнавъ Ярославъ, приходилъ изъ Великаго Новгорода ополченный Воряжскими войсками во область Сѣверянъ противъ Мстислава; но сей съ Тмутараканскими своими войсками и съ Сѣверянами вышелъ къ нему на встрѣчу и при Лиственѣ (**) разбилъ его. Послѣ чего Ярославъ опять ушелъ въ Новгородъ, и Мстиславъ посылалъ къ нему съ предложеніемъ мира на условіи, чтобъ Государство раздѣлить рѣкою Днѣпромъ, предоставляя ему, какъ старшему брату, западную сторону, гдѣ Великокняжеской престолъ; но однако, чтобъ Ярославъ рѣшилъ чѣмъ нибудь сіе предложеніе, не видно, какъ напротивъ яв-

(*) Чтобъ Мстиславъ назывался Великимъ Княземъ, ни гдѣ не значитъ. *Соч.*

(**) Нынѣ помѣщичье село въ Городницкомъ повѣтѣ на правомъ берегу рѣчки Рудни, впадающей въ рѣку Сновъ съ той же стороны. *Соч.*

ляется, что онъ вновь вооружался противъ Мстислава; ибо въ 1026 году пришелъ къ Кїеву со многочисленнымъ войскомъ, и тогда уже они, съѣхавшись при Городцѣ (*), примирились, такъ какъ Мстиславъ желалъ. Слѣдовательно весьма должно быть сомнительно, чтобъ Князь сей, не бывши увѣреннымъ до того времени, останется ли онъ обладателемъ Чернигова, въ 1024 году расположился основывать огромный храмъ, между тѣмъ какъ и по видно, что онъ весьма тщательно сберегалъ свои Тмутараканскїя войска при сраженїи; ибо осматривая поле, гдѣ оное происходило, и увидя между убитыми Сѣверянъ почти однихъ, не остановился ска-

(*) Остатки сего города и нынѣ видны въ Остерскомъ повѣтѣ подлѣ города Остра, въ селѣ, называемомъ Старогородкою, которое по новому Высочайше утвержденному плану должно съ городомъ быть соединено, и гдѣ находятся развалины древней церкви, коей стѣны хотя кажутся каменными, но видно, что известь, смѣшанная съ камнями разнаго рода, была наливана въ ящики и превращаема въ плиты, изъ которыхъ стѣны и складываемы были. Церковь сїя можетъ быть остатокъ божницы Михаила, упоминаемой Г-мъ Татищевымъ въ 1152 году. Древнїе городскїе валы также видны въ нѣсколько рядовъ, изъ коихъ къ одному внутреннему означенная разрушенная церковь и примыкается. *Соч.*

вать: „что сему не радъ? Се лежитъ Сѣ„верянинъ, а се Варягъ, а дружина своя „цѣла." Да и поставилъ ихъ онъ въ самой срединѣ, а дружину свою по флангамъ. Другое затрудненіе опредѣлять заложеніе означенной церкви въ 1024 году есть то, что ежели Мстиславъ столько былъ ревностенъ къ тому, что на первомъ шагу приступилъ къ основанію церкви, то какимъ образомъ могло случиться, что чрезъ 12 лѣтъ, то есть по годъ его кончины, не только церковь не была окончана, но и не выше выведена какъ около четырехъ аршинъ, между тѣмъ какъ онъ въ сіе время былъ почти безотлученъ изъ Чернигова, кромѣ одного похода въ 1031 году съ Великимъ Княземъ Ярославомъ противъ Поляковъ. Развѣ отнести къ недостатку матеріаловъ! То и на счетъ сей сомнительно заключать, чтобъ безъ пріуготовленія оныхъ приступлено было къ созиданію церкви. Наконецъ, оная расположена по древней Греческой архитектурѣ: то гдѣ могъ Мстиславъ сыскать сего рода зодчаго такъ скоро? Въ Кіевѣ таковыя можетъ быть и были, но ему оттуда получить ихъ до примиренія съ Великимъ Княземъ было не возможно, когда Кіевляне видѣли въ немъ непріятеля своему Обладателю. Впрочемъ, важнѣе всѣхъ соображеній, что Несторъ совсѣмъ не го-

ворить о времени заложенїя той церкви, как выше значить. О Кїевской Соборной церкви Софїйской не менѣе удивительно, что ссылаясь на Нестора же, означается основанїе ея в 1025 году, когда сей Лѣтописец говорит, что „в лѣто 6545 „(1037) заложи Ярослав град великїй „(стѣну около Кїева), у него же града суть „врата златыя. Заложи же и церковь Свя„тыя Софїи и Митрополью;“ а между тѣм извѣстно по томуж Лѣтописцу, что Ярослав от 1024 года и по 1026 год в Кїевѣ не был; ибо оной говорит: „не„смѣяше Ярослав пойти до Кїева дондеже „смиристась и сѣдяше Мстислав в Чер„ниговѣ; а Ярослав в Новѣгородѣ и бяху „сѣдяше в Кїевѣ мужи Ярославли;“ а далѣе: „в лѣто 6534 (1026) Ярослав сово„купи вои многи и прїиде к Кїеву.“ Слѣдовательно сомнѣнїю подлежит, чтоб в 1025 году и Софїйская церковь в Кїевѣ была заложена. *М. М.*

Инвалиды у подножїя олтарей.

(Изъ книги: De l'importance des opinions religieuses, par Necker.)

Кому из нас не случалось видѣть сих старых воинов, во всякїе часы дня повергающихся на помост храма, воздви-

гнутаго среди ихъ величественной и священной обители? Главы, которыя время покрыло почтенными сѣдинами, лица, въ славныхъ битвахъ изъязвленныя, сїе дрожанїе, сей трепетъ, которые одна преклонность лѣтъ произвела въ ихъ членахъ, все въ нихъ видимое, при первомъ взглядѣ внушаетъ къ нимъ почтенїе; но какимъ чувствомъ исполняются сердца наши, когда мы видимъ ихъ съ усилїемъ подъемлющихъ и слагающихъ изнеможенныя руки для моленїя Владыкѣ мїра, Владыкѣ сердецъ и помышленїй ихъ; когда мы видимъ ихъ въ семъ трогательномъ благоговѣнїи забывающихъ немощи настоящїя и печали минувшїя; когда мы видимъ ихъ возстающихъ съ лицемъ яснымъ, блистающимъ отрадою, и уносящихъ въ умиленныхъ душахъ своихъ чувствованїе спокойствїя и надежды! Ахъ! не жалѣйте о нихъ въ сїи блаженные часы, вы, которые по однѣмъ свѣтскимъ радостямъ привыкли судить о щастїи смертныхъ! Лѣта и труды помрачили въ нихъ черты лицъ, ихъ станъ колеблется подъ тягостїю дряхлости, смерть назираетъ стопы ихъ; но они безъ трепета смотрятъ на приближенїе того непреложнаго срока, коего одно умственное изображенїе вселяетъ въ васъ ужасъ; они духовно приблизились къ Тому, Кто прямо благъ, Кто все можетъ, Кого никто

еще не любилЪ безотрадно, не получивЪ утѣшенія вЪ горестяхЪ житейскихЪ. Придите узрѣть сіе позорище, вы, которые презираете священныя мнѣнія религіи, вы, которые почитаете себя превосходнѣйшими вЪ познаніяхЪ, придите, и познайте, можетЪ ли послужить хоть мало кЪ блаженству людей ваша мнимая ученость! АхЪ! перемѣните же участь смертныхЪ, и дайте имЪ всѣмЪ хоть по малой доли земныхЪ радостей — или уважьте то чувство, которое служитЪ имЪ кЪ отраженію бѣдствій и гоненія фортуны; и естьли политика тирановЪ никогда не дерзала истреблять оное, ибо власть ихЪ не простиралась столь далеко, чтобЪ можно имЪ было ожидать успѣха вЪ семЪ лютомЪ предпріятіи, вы, которыхЪ природа надѣлила лучшими душевными качествами, не будьте жесточѣе и ужаснѣе ихЪ! Естьли же, слѣдуя безжалостнымЪ правиламЪ вашимЪ, вы захотите старцевЪ, больныхЪ и убогихЪ, лишить единственной мысли о щастіи, которое имЪ только и осталось на землѣ, бѣгите вЪ тѣ мрачные заклепы и подземныя темницы, гдѣ стонутЪ нещастные вЪ оковахЪ, и своими руками закройте послѣднее отверстіе, чрезЪ которое проникаетЪ кЪ нимЪ отрадный лучь свѣта!

Николай Иванч. Писаревъ.

IV. СМѢСЬ.

Извѣстія и замѣчанія.

— Щастливая перемѣна дѣлъ (говоритъ одна газета) возвратила свободу и пареніе Французскимъ музамъ, до того отчаяннымъ и плѣннымъ. Между новыми стихотворными произведеніями замѣчена ода, или справедливѣе поэма, подъ титуломъ: *Паденіе тирана.* Авторъ ея Сен-Викторъ извѣстенъ многими стихотвореніями и особливо переводомъ Анакреона. Въ его одѣ есть движеніе, чувствительность и жаръ; не видно того пустаго набора и страннаго сочетанія слововъ, которыхъ въ семъ родѣ Поэзіи не избѣгали въ нынѣшнія послѣднія времена Французскіе писатели.

— Пишутъ, что Гжа Сталь издала сочиненіе, подъ титуломъ: *Портретъ Атиллы*, а Гжа Жанлисъ скоро издастъ новую *жизнь Генриха IV.* Естьли не ошибаюсь, какъ иностранецъ и слѣдственно какъ слабый судія Французской литтературы, то выборъ обѣихъ Авторовъ доволь-

но удаченъ въ отношеніи къ роду ихъ таланта. Иногда сильный, часто принужденный, всегда высокій образъ выраженія первой сочинительницы отвѣчаетъ характеру ея грознаго героя; а простый и слабый, но мягкій, пріятный, безъискуственный слогъ послѣдней сочинительницы близокъ къ любезной простотѣ и кроткимъ добродѣтелямъ описываемаго ею Государя.

— Издатель Нѣмецкаго Зрителя сказалъ напередъ, что Г-жа Сталь въ своихъ сужденіяхъ о Нѣмецкой литтературѣ будетъ держаться правилъ и мнѣній ея давнишняго *друга*, *слутника* и *секретаря* Шлегеля. Г. Меркель угадалъ: въ ея книгѣ о Германіи находится при одномъ мѣстѣ подпись: *Замѣчаніе славнѣйшаго критика въ Германіи, Шлегеля!!!*

— Луціанъ Бонапарте сочинилъ и печатаетъ въ Англіи свою поэму Charlemagne. Ей надлежало выдти изъ печати въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ.

— Лондонское Общество любителей изящныхъ искусствъ сдѣлало любопытное открытіе. Вилліамъ Геллъ, извѣстный своими учеными трудами объ изслѣдованіи Троады, Арголиды и проч., по препорученію сего Общества отправился съ двумя отличными артистами, Бедфор-

домъ и Джономъ Ганди, въ 1811 году на корабль, и на другой годъ черезъ островъ Занту прибылъ въ Аѳины. Будучи удержаны въ семъ городѣ затрудненіемъ имѣть свободный пропускъ въ Смирну, путешественники на досугѣ занимались трудомъ отрывать древности въ Элевзисѣ, гдѣ храмы, не смотря на ихъ достопамятность, не были никогда предметомъ изслѣдованій соотвѣтственныхъ глубинѣ земли, подъ которой лежали развалины. Первое слѣдствіе ихъ усилій было открытіе великаго храма Цререрина (мистическаго) съ портикомъ изъ 12 великолѣпныхъ колоннъ Дорическаго ордена изъ бѣлаго мрамора, болѣе нежели въ 6 футовъ діаметра. Дорога къ сему храму чрезъ Святый путь Аѳинскій приводила къ обширной храмовой площади, которую ученые почитаютъ Трептолемскою: *aréa*; на правой рукѣ нашли прекрасный храмъ Дорическаго ордена, вѣроятно храмъ Діаны Пропилейской. Самые Пропилеи имѣли сходство съ Пропилеями Акрополи, или Аѳинской крѣпости, какъ онѣ описаны въ Стуартѣ. Во внутренности былъ вторый портикъ Коринѳическаго ордена, который непосредственно приводилъ къ периболосу великаго храма.

V. ПОЛИТИКА.

Еще нѣкоторыя черты изъ минувшаго царствованія Наполеонова.

Vanitas vanitatum et omnia vanitas!

Во время представленія въ Москвѣ Французовъ, Адъютантъ Польскаго Генерала Ружницаго (*) показывалъ мнѣ начертаніе *организаціи Польскаго Королевства*, и сказалъ, что для этаго дѣла назначенъ Маршалъ Даву, а Генералъ Ружницкій въ помощники ему. — Кто же будетъ Королемъ Польскимъ? — спросилъ я. „Вѣроятно самъ Наполеонъ, то есть приметъ на себя титулъ Короля, а на кого возложитъ управленіе Королевствомъ, не льзя знать.“ — Не на Герцога ли Варшавскаго? — „Можетъ статься.“ — Какъ вы думаете: сбудется ли все это? — „Какое сомнѣніе!“ Vanitas!

(*) Онъ былъ — какъ сказывалъ мнѣ самъ — въ военной наукѣ ученникомъ Суворова, при которомъ находился въ достопамятномъ дѣлѣ Рымникскомъ, съ которымъ имѣлъ дружескую связь отецъ его, и о которомъ говоритъ онъ съ чувствомъ почтенія и благодарности. Со времени послѣдняго раздѣленія Польши онъ все служилъ во Франціи.

Въ то же время одинъ Французской военный Коммисаръ говорилъ съ обыкновенною веселостью и самодовольствіемъ Француза, но говорилъ *безъ шутокъ* — и на тотъ разъ это было справедливо — что „великій Наполеонъ между прочимъ и великій Географъ; что онъ шпагою своею, которая par parenthese *гораздо длиннѣе шпаги Карла великаго*, расчерчиваетъ земный шаръ лучше и вѣрнѣе всѣхъ Птолемеевъ, и симъ новымъ панегирикомъ напомнилъ мнѣ о *новомъ* Польскомъ Королевствѣ. Я спросилъ у Коммисара: Не знаете ли вы, гдѣ начнется граница *Польскаго Королевства*, на примѣръ отъ Москвы? „По эту сторону Вязьмы, близь города" отвѣчалъ Коммисаръ, приподнявши вверхъ легкомысленную свою голову. Vanitas!

Увидѣвши однажды Офицера морскихъ батальйоновъ, бывшихъ съ Французскою арміею въ Москвѣ, я спросилъ у него: Чѣмъ занимаются мореходцы при сухопутныхъ войскахъ? „О! у насъ будетъ довольно дѣла въ скоромъ времени" отвѣчалъ онъ съ надменною улыбкою „мы поведемъ корабли изъ Кронштата, Ревеля и Риги въ Темзу подъ флагами Наполеона." Vanitas vanitatum et omnia vanitas!

К. Шаликовъ.

О Бонапартѣ и Бурбонахъ.

Сочиненіе Шатобріана (*)

Нѣтъ, не вѣрю, чтобы я писалъ на гробѣ Франціи, не могу вѣрить, чтобы послѣ дня мщенія не наступилъ для насъ день милосердія. Древнее наслѣдіе Христіанскихъ Царей не можетъ подвергнуться раздѣлу; не погибнетъ Царство, рожденное кончающимся Римомъ на развалинахъ своей великой Имперіи, какъ послѣдній опытъ Римскаго величія. Не одна воля человѣческая опредѣляла теченіе нынѣшнихъ произшествій; здѣсь видна десница Провидѣнія: самъ Богъ явно идетъ передъ силами воинствъ и возсѣдитъ въ Совѣтѣ Царей. Какъ безъ Божіяго промысла изъяснить и чудесное возвышеніе, и гораздо чудеснѣйшее паденіе того, который нѣкогда попиралъ вселенную? За годъ и три мѣсяца передъ симъ онъ былъ въ Москвѣ, теперь Руские въ Парижѣ; все трепетало подъ его законами, отъ Геркулесовыхъ столповъ до горъ Кавказскихъ, и онъ обращенъ въ бѣгство, и онъ скитается безъ убѣжища: власть и сила его разлились, какъ полныя моря изъ береговъ своихъ, и отлили, какъ ихъ воды.

(*) Изъ котораго взято изображеніе Бонапарта, напечатанное въ 10 книжкѣ Вѣстника.

Можно ли изъяснить проступки сего безумца? Не говоримъ еще о его преступленіяхъ.

Революція, предуготовленная развратностію нашихъ нравовъ и заблужденіями нашего разума, грянула надъ нами. Именемъ закона испровергаемъ мы вѣру и добродѣтель; удаляемся отъ опытовъ и обычаевъ нашихъ предковъ; сокрушаемъ гробы отцевъ, единственную крѣпкую опору Государственнаго правленія, и на слабомъ разсудкѣ полагаемъ основаніе гражданскаго общества, безъ связей прошедшаго, безъ надежды будущаго. Стремяся по слѣдамъ нашихъ собственныхъ безразсудностей, не имѣя точнаго понятія о справедливости и несправедливости, о добрѣ и злѣ, обтекаемъ всѣ различные пути и виды республиканскаго правленія; созываемъ чернь разсуждать на Парижскихъ улицахъ о тѣхъ великихъ предметахъ, для которыхъ Римскій народъ собирался совѣтовать на Форумѣ, отложивъ оружіе и омывшись водами рѣки Тибра. Тогда выбѣжали изъ ихъ вертеповъ Цари полунагіе, неопрятные, грубые отъ нищеты, изувѣченные и обезображенные работою, не имѣя другихъ добродѣтелей, кромѣ наглости въ убожествѣ и высокомѣрія въ рубищѣ. Отечество, ввѣренное въ ихъ руки, скоро по-

крылось ранами. Чтожъ осталось отъ нашей свирѣпости и мечтательности? Злодѣянія и рабство.

Но по крайней мѣрѣ слово, которое тогда руководствовало нами, было слово благородное. Не льзя обвинять свободу въ преступленіяхъ, сдѣланныхъ ея именемъ; истинная философія не мать вредныхъ ученій, разпространенныхъ лжемудрецами. Наконецъ опытъ просвѣтилъ насъ; мы увидѣли, что одно Монархическое правленіе полезно для нашего отечества.

Было бы весьма естественно обратиться намъ къ законнымъ Государямъ; но мы не смѣли ожидать прощенія великимъ винамъ нашимъ; забыли, что сердце Потомка Св. Лудовика есть неисчерпаемый источникъ милосердія. Одни боялись потери жизни, другіе потери богатства; но всего нестерпимѣе было для человѣческой гордости признаться въ своихъ заблужденіяхъ. Какъ послѣ многихъ убійствъ, потрясеній, напастей, возвратиться намъ на тотъ пунктъ, съ котораго мы начали свой ходъ? Распаленныя еще страсти и всякаго рода требованія не могли предать забвенію мечтательнаго равенства, сего главнаго начала нашихъ бѣдствій. Великія побужденія влекли насъ; мълкія удержали: народнымъ благо-

денствïемъ жертвовали мы для личной пользы, а правосудïемъ для тщеславïя.

Надлежало постановить верховнымъ правителемъ человѣка, выведеннаго революцïей, такого, въ которомъ законъ, поврежденный въ своемъ началѣ, могъ бы имѣть защитника пороковъ и союзника разврата. Среди междоусобныхъ браней нашихъ образовались судïи правдивые, твердые и мужественные, полководцы извѣстные талантами и добродѣтелями; но имъ не поднесли того титла и той власти, которыхъ принять имъ не позволяли ихъ правила. Никто не ожидалъ, чтобы Французъ отважился носить корону Лудовика XVI. Иностранецъ вызвался; онъ былъ избранъ.

Бонапартъ обнаружилъ не явно, но постепенно свои намѣренïя и свой характеръ. Подъ скромнымъ титуломъ Консула онъ прïучалъ независимые умы не пугаться его власти, и склонялъ къ себѣ истинныхъ Французовъ, обьявивъ себя возстановителемъ порядка, закона и вѣры. Мудрѣйшïе были обмануты, прозорливѣйшïе введены въ заблужденïе. Республиканцы видѣли въ немъ свое творенïе, видѣли въ немъ народолюбиваго правителя свободныхъ гражданъ, а Роялисты другаго

Монка, и вызывались ему на услугу. Всѣ на него надѣялись. Блестящія побѣды храбрыхъ Французскихъ воиновъ окружили его славою. Тогда упоеніе овладѣло имъ, и склонность его ко злу обнаружилась. Для потомства представится сомнѣніе, не столько ли же онъ виновенъ въ томъ, что могъ сдѣлать добро и не сдѣлалъ его, сколько виновенъ тѣмъ, что дѣлалъ зло. Никогда похититель не имѣлъ легчайшихъ способовъ и славнѣйшаго назначенія. Съ нѣкоторою умѣренностію ему не трудно было утвердить себя и свой родъ на первомъ Царствѣ въ мірѣ; никто не оспоривалъ его Царскихъ правъ. Новыя вырастающія поколѣнія не знали нашихъ древнихъ Королей; онѣ родились во дни мятежей и бѣдствій. Утомленная Франція, утомленная Европа хотѣли только спокойствія, и ничего не жалѣли для пріобрѣтенія сего блага. Но Богу не угодно было, чтобы такой опасной примѣръ былъ увѣнчанъ успѣхомъ передъ глазами свѣта, чтобы пришлецъ могъ испровергнуть порядокъ Царскаго наслѣдства, быть преемникомъ сана великихъ Героевъ, и въ одинъ часъ присвоить себѣ добычи разума, славы и вѣковъ. Безъ права наслѣдства и роду похититель можетъ только оправдать свои требованія одними добродѣтелями; а Бонапартъ не имѣлъ другихъ достоинствъ,

кромѣ военныхъ талантовъ, съ которыми сравнялись многіе изъ нашихъ полководцевъ, естьли даже не превзошли ихъ. Чтобы погубить его, надлежало только Провидѣнію пустить безумца на собственный его произволъ.

Король Французскій говорилъ, естьли правота будетъ гонима людьми, то она должна имѣть вѣрное убѣжище въ сердцѣ Государей: сего истиннаго достоинства Царской души не имѣлъ тиранъ Франціи. Первою извѣстною жертвою его вѣроломства былъ предводитель роялистовъ въ Нормандіи. Г. де Фротте, по неосторожности души благородной, явился для сношенія, на которое его вызвали съ честнымъ обѣщаніемъ; онъ былъ задержанъ, и разстрѣлянъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того измѣннически схваченный въ Америкѣ Туссень л'Увертюръ, задушенъ въ Европейскомъ замкѣ, гдѣ содержался въ заключеніи.

Скоро другое гласное убійство изумило просвѣщенную Европу. Казалось, что возвратились на землю варварскіе обычаи среднихъ вѣковъ, произшествія, извѣстныя намъ только по романамъ, случаи, обыкновенные за предѣлами Альповъ со времени междоусобныхъ браней, и Макіавелевой полити-

ни въ Италіи. Иностранецъ, не имѣя еще имени Короля, хотѣлъ имѣть окровавленное тѣло Француза ступенью въ Французскому трону. И какого Француза? Боже мой! для сего злодѣянія преступили всѣ законы въ мірѣ: право народное, справедливость, человѣчество, вѣру. Въ мирное время, на чужой землѣ, изъ Оффенбургскаго замка, Дюкъ Д'Ангень схваченъ и удержанъ подъ стражею. Когда онъ удалялся изъ своего отечества, Франція, по его тогдашнимъ молодымъ лѣтамъ, была ему не извѣстна; теперь, сидя въ шезѣ до постѣ между двумя жандармами, посѣщаетъ онъ почти въ первый разъ отечественную землю, и ѣдетъ на смертную казнь черезъ поля, ознаменованныя славою его предковъ. Въ глубокую полночь прибылъ онъ въ Донжонъ де Венсень. При свѣтѣ факеловъ подъ сводами темницы внукъ Великаго Конде осужденъ за то, что онъ сражался на поле чести, и герой, изобличенный въ семъ наслѣдственномъ преступленіи, приговоренъ къ смерти. Напрасно онъ хочетъ видѣться съ Бонапартомъ (о простодушіе, простительное и героическое!). Добродѣтельный юноша былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ почитателей своего убійцы, и не могъ вѣрить, чтобы полководецъ хотѣлъ умертвить рядоваго воина. Голодомъ и усталостію изнурен-

нааго страдальца сводятъ въ глубокій ровъ замка. Тамъ выкопана новая яма; снимаютъ съ него платье, привѣшиваютъ къ груди фонарь, чтобы видѣть во мракѣ ночи и вѣрнѣе направить пулю къ его сердцу. Онъ подаетъ часы палачамъ своимъ, и проситъ отослать ихъ къ друзьямъ его на память: ему отвѣчаютъ бранными словами. Поданъ знакъ къ выстрѣлу, и Принцъ крови падаетъ безъ свидѣтелей, безъ утѣшенія, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Шантильи, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ старыхъ деревъ, подъ которыми Святый Король Лудовикъ оказывалъ правосудіе своимъ подданнымъ. Молодый, прекрасный, храбрый, послѣдній потомокъ побѣдителя при Рокруа кончаетъ жизнь, какъ кончилъ бы ее Великій Конде и какъ не кончитъ дней своихъ его убійца. Тѣло его сокрыто въ землю потаенно, и Боссюэтъ не возстанетъ изъ гроба говорить надъ его прахомъ.

Тому, кто опустился ниже человѣчества черезъ злодѣйское убійство, тому оставалось только обманывать, притворнымъ усиліемъ вознестись выше человѣчества по своимъ предпріятіямъ, оправдывать преступленія предлогами, и уваженіями, неизвѣстными обыкновеннымъ людямъ, выдавать наконецъ неправедные умыслы

беззаконія за глубокія таинства обширнаго разума. Бонапартъ прибѣгнулъ къ тому безсовѣстному, но явному обману, который показываетъ самонадежность, но который не стоитъ простаго раскаянія: не имѣя возможности сокрыть злодѣяніе, онъ обнародовалъ его передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Когда разнесся въ Парижѣ приговоръ смерти, ужасъ овладѣлъ всѣми и никто не сокрывалъ его. Всѣ спрашивали другъ друга, по какому праву Корсиканецъ пролилъ чистѣйшую и прекраснѣйшую кровь Франціи. Думалъ ли онъ, что его полу-Африканской родъ замѣнитъ Французскую высокую фамилію, имъ истребленную? Но особливо военные люди содрогнулись; имя Конде было нѣкоторымъ образомъ ихъ собственностію, было для нихъ знаменіемъ воинской чести Французовъ. Не одинъ разъ гренадеры наши встрѣчались съ тремя отраслями героевъ на поляхъ битвы, съ Принцомъ де Конде, съ Дюкомъ де Бурбонъ и съ Дюкомъ д'Ангень; они нанесли даже рану одному изъ нихъ (*); но мечь Француза не могъ истощить сей благородной крови: ея источникъ могъ только изсохнуть отъ руки чуждаго пришельца.

(*) Дюку де Бурбонъ.

Каждый народъ имѣетъ свои пороки. Измѣна, коварство и неблагодарность не есть порокъ Французовъ. Казнь Дюка д' Ангена, пытка и умерщвленїе Пишегрю, война въ Испанїи и содержанїе Папы въ плѣну, доказываютъ, что Бонапартъ не имѣетъ духа Французовъ. Стеня подъ тягостїю оковъ, будучи равно чувствительны къ бѣдствїю и къ славѣ, мы оплакивали Дюка д' Ангена, Пишегрю, Жоржа и Моро, удивлялись Саррагоссѣ, и взирали съ уваженїемъ на Первосвященника, окованнаго цѣпями. Тотъ, который лишилъ Римскихъ областей Священную Особу, вѣнчавшую его короною; тотъ, который въ Фонтенебло осмѣлился своею собственною рукою ударить державнаго Пастыря церкви, и влачить за бѣлыя сѣдины Отца вѣрующихъ: тотъ гордился можетъ быть въ душѣ своей новою побѣдою; онъ не зналъ что у Наслѣдника Христова остаются тростяный скипетръ и терновый вѣнецъ, которые рано или поздно побѣдятъ силу злодѣя.

Наступитъ время, въ которое свободные Французы объявятъ торжественно, что они не имѣли участїя въ сихъ злодѣянїяхъ тирана, что убїенїе Дюка д' Ангена, заключенїе Папы и война въ Испанїи суть дѣла безбожныя, святотатскїя, независи-

нія, несоотвѣтственныя характеру Французовъ, и которыхъ стыдъ долженъ обратиться только на главу виновника, на иностранца.

Бонапарте воспользовался общимъ ужасомъ, разпространеннымъ убіеніемъ Дюка д'Ангена, чтобы ступить послѣдній шагъ и сѣсть на престолъ.

Тогда начались великія сатурналіи царственныя: злодѣяніе, притѣсненіе и рабство текутъ равными шагами съ безуміемъ самовластителя. Всякая свобода изчезаетъ; всякое благородное чувство, всякая великодушная мысль обращается въ государственное преступленіе. Кто говоритъ о добродѣтели, тотъ подвергается подозрѣнію; похвала прекрасному дѣлу есть оскорбленіе Государя. Слова перемѣняются въ ихъ значеніи: кто сражается за своего законнаго владѣтеля, тотъ мятежникъ; измѣнникъ есть вѣрноподданный; вся Франція обращается въ царство лжи: журналы, рѣчи, стихи и проза, всѣ роды словесности измѣняютъ истинѣ. Когда было ненастье, говорятъ, что сіяло селнце; когда народъ безмолвно окружалъ гуляющаго тирана, то пишутъ, что онъ шествовалъ при громкихъ восклицаніяхъ сего народа: единственная цѣль есть властитель,

единственный предметъ морали смиряться передъ его безумной волей, первая обязанность хвалить его. Надобно особливо восклицать отъ любви и восторга, когда онъ сдѣлалъ проступокъ, или совершилъ злодѣянїе. Угрозы принуждаютъ сочинителей величать деспота. Надлежало имъ спорить и договариваться о мѣрѣ похвалы; щасливы были, когда за нѣсколько пустыхъ риторическихъ распространенїй о славѣ оружїя они имѣли право излить нѣкоторое сѣтованїе, указать на нѣкоторое зло, вывесть нѣкоторыя истины изъ мрака осужденїя. Никакая книга не могла явиться на свѣтъ безъ того, чтобы не содержать похвалы Бонапарту, чтобы не имѣть сего клейма рабства: въ новыхъ изданїяхъ древнихъ авторовъ цензура не пропускала ничего, что было противъ завоевателей, порабощенїя и тиранства, какъ Директорїя имѣла намѣренїе вычеркнуть въ тѣхъ же книгахъ все, что относилось къ пользѣ самодержавїя и самодержцевъ. Календари подвергались строгому разсмотрѣнїю, и конскрипцїя входила въ катихизисъ. Въ искусствахъ было рабolѣпство: Бонапартъ отправляетъ ядомъ людей, зараженныхъ въ Яффѣ моровою язвою; пишутъ картину, на которой представляютъ, что отъ сильной любви къ человѣчеству онъ прикасается мужественною рукою къ симъ за-

раженнымъ. Не такъ Св. Лудовикъ изцѣлялъ больныхъ, врученныхъ въ его Царскія руки довѣренностію трогательною и божественною. Впрочемъ, не указывайте на общее мнѣніе; главное правило то, что Государь имѣетъ право располагать имъ ежедневно. Въ полиціи, доведенной у Бонапарта до совершенства, былъ Комитетъ, уполномоченный направлять умы къ извѣстной цѣли, и надъ симъ Комитетомъ Директоръ общенароднаго мнѣнія. Коварствомъ и безмолвіемъ, сими великими орудіями удерживали народъ въ заблужденіи. Естьли ваши дѣти легли на полѣ сраженія, то думаете ли вы, что по уваженію, или состраданію извѣстятъ васъ объ ихъ участи? Нѣтъ, умолчатъ о произшествіяхъ, самыхъ важныхъ для отечества, для Европы, для цѣлаго міра. Непріятель стоитъ въ Мо; вы только свѣдаете о томъ отъ разбѣжавшихся поселянъ; вы окружены мракомъ; ваше безпокойство обращаютъ въ смѣхъ; ваше страданіе почитаютъ игрушкой; говорятъ съ презрѣніемъ о томъ, что вы можете мыслить и чувствовать. Вы хотите возвысить голосъ; шпіонъ доноситъ на васъ; жандармъ влечетъ васъ подъ стражу; военная Коммисія судитъ васъ; вы разстрѣляны и — забыты.

Не довольно было наложить оковы на отцовъ, надлежало еще располагать судьбою дѣтей. Изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Имперіи прибѣгали матери требовать со слезами возвращенія сыновей, отнятыхъ у нихъ правительствомъ. Дѣти наши были записаны въ школахъ, гдѣ научали ихъ при барабанномъ боѣ невѣрїю, распутству, ненависти къ домашнимъ добродѣтелямъ и слѣпой покорности самовластителю. Отеческая власть, уважаемая жесточайшими тиранами въ древности, почиталась у Бонапарте злоупотребленїемъ и предразсудкомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы дѣти наши были нѣкотораго рода Мамелюками безъ вѣры и Бога, безъ фамилїи и отечества: кажется, что сей врагъ всякаго добра стремился разрушить Францїю въ ея основанїи. Столько людей развратилъ и погубилъ онъ въ краткое десятилѣтнее время, сколько не погубили ихъ всѣ Римскїе тираны вмѣстѣ отъ Нерона до послѣдняго гонителя Христїанъ. Тѣ правила, на которыхъ основывалась его Государственная наука, переходили отъ правительства въ разныя состоянїя общества; ибо развратное правленїе разпространяетъ порокъ въ народѣ, какъ мудрое правленїе раститъ плоды добродѣтели. Отсутствїе вѣры, любовь къ роскошнымъ наслажденїямъ свыше мѣры достатка, презрѣнїе къ нравственнымъ свя-

ствѣ, духъ случайнаго щастія, насилія и властолюбія неслися съ трона въ семейства. Продолжись еще нѣсколько лѣтъ такое правленіе, и Франція сдѣлалась бы вертепомъ разбойниковъ.

Преступленія нашей революціи были дѣломъ страстей, которыя всегда оставляютъ способы къ спасенію; было неустройство, а не разрушеніе въ гражданскомъ обществѣ. Нравственность была испорчена, а не была истреблена; совѣсть имѣла свои угрызенія; убійственное хладнокровіе не смѣшивало невиннаго съ виновнымъ; и по тому бѣдствія тогдашнихъ временъ могли быть скоро заглажены. Но какъ залѣчить рану, нанесенную рукою того правительства, которое полагало деспотизмъ началомъ порядка; которое, произнося имена религіи и морали, разрушало ту и другую своими учрежденіями и своими богохуленіями; которое старалось утвердить порядокъ не закономъ и должностію, но силою и полицейскими шпіонами; которое, наконецъ, считало мертвое состояніе рабства вышшею благоустроеннаго общества, текущаго въ молчаніи по вѣрной стезѣ древнихъ отцовскихъ добродѣтелей. Самыя нещастнѣйшія времена предпочтительнѣе такому состоянію. Естьли междоусобныя браны раждаютъ народныя преступленія,

то онѣ выводятъ по крайней мѣрѣ частныя добродѣтели, дарованія и великихъ людей. Но въ деспотизмѣ гибнутъ Царства: употребляя во зло всѣ способы, убивая души и тѣла, онъ ведетъ за собою конечное разрушеніе и завоеваніе. . . .

Хвалятъ управленіе Бонапарта: естьли управленіе состоитъ въ цыфрахъ; естьли для государственной науки надобно только знать, сколько родится въ области хлѣба, вина и масла, сколько остается добрать послѣднихъ червонцевъ и послѣднихъ людей: то безъ сомнѣнія Бонапартъ былъ великій мастеръ управлять Государствомъ — не льзя было лучше устроить зла, и образовать порядокъ въ безпорядкѣ. Но естьли лучшій образъ правленія есть тотъ, который покоитъ народъ въ мирѣ, питаетъ въ немъ благочестіе и правосудіе, бережетъ кровь людей, уважаетъ права собственности и семейства гражданъ, то конечно Бонапартово правленіе было худшее изъ всѣхъ правленій.

И сколько еще ошибокъ и заблужденій въ его собственной системѣ! Расточительное правленіе поглощало часть государственныхъ доходовъ; цѣлыя арміи таможенныхъ надзирателей и сборщиковъ съѣдали налоги, ими забранные. Не было ни

одного мѣстнаго начальника, который бы не имѣлъ подъ своимъ вѣденїемъ пяти, или шести помощниковъ. Бонапартъ обѣявилъ войну торговлѣ. Естьли процвѣтала во Францїи отрасль промышленности, онъ захватывалъ ее въ свои руки, и у него она засыхала. Табакъ, соль, шерсть, колонїальныя произведенїя всякаго рода, все было для него предметомъ гнусной монополїи; онъ сдѣлался единственнымъ купцомъ въ Имперїи. По безсмысленнымъ соображенїямъ, или справедливѣе, по невѣжеству и по явной ненависти къ морскому дѣлу, онъ растерялъ наши колонїи, истребилъ наши флоты. Онъ строилъ большїе корабли, оставляя ихъ гнить въ портахъ, или самъ обезоруживалъ ихъ на содержанїе своего сухопутнаго войсва. Разсыпавъ до ста фрегатовъ по всѣмъ морямъ, можно было нанести великїй вредъ непрїятелю, образовать матросовъ для Францїи, защитить наши купеческїя суда; но сїи первыя понятїя здраваго смысла не входили въ голову Бонапарта. Не его законамъ должно приписывать успѣхи нашего земледѣлїя, а раздѣлу великихъ имѣнїй, уничтоженїю нѣкоторыхъ феодальныхъ правъ, и многимъ другимъ обстоятельствамъ революцїоннымъ. Этотъ безпокойный и странный человѣкъ ежедневно тревожилъ народъ, который имѣлъ нужду въ спокойствїи, ука-

зами, другъ другу противорѣчущими, и невозможными въ исполненiи: вечеромъ нарушалъ онъ законъ, постановленный утромъ. Въ десять лѣтъ расточено имъ пятнадцать тысячь милiоновъ податей, сумма, превышающая всѣ бывшiе сборы въ продолженiе семидесяти семи лѣтъ царствованiя Лудовика XIV. Для него не достаточно было добычи со всего мiра и доходу пяти сотъ милiоновъ; размноженiя казни всѣми непозволительными способами было главною его заботою. Каждый Префектъ, каждый Подпрефектъ, каждый Меръ имѣлъ право надбавлять платежъ съ привоза въ городъ, съ земли и селенiя, и требовать отъ владѣльца произвольной суммы на вымышленныя потребности. Францiя отдана была на грабительство. Дряхлость, убожество, смерть; воспитанiе, искусство, наука, все взносило подать Государю. У васъ былъ изувѣченный сынъ, калека безъ рукъ и ногъ, не въ состоянiи служить; вы обязаны были, по закону конскрипцiи выплатить тысячу пятьсотъ франковъ для вашего утѣшенiя въ семъ нещастiи. Иногда больный конскриптъ умиралъ до осмотра рекрутскаго наборщика. Вы полагаете, что отецъ увольнялся тогда отъ платежа тысячи пяти сотъ франковъ за выправку или увѣчье? Совсѣмъ нѣтъ. Естьли и было

объявлено объ изнеможенїи передЪ концемЪ жизни, но какЪ конскриптЪ находился еще вЪ живыхЪ по объявленїи, то отецЪ обязанЪ былЪ отсчитать сумму на гробѣ своего сына. Бѣдному человѣку, который хотѣлЪ учить и воспитать одного дитя своего, надлежало дать сто восемьдесятЪ франковЪ Университету, и сверхЪ того обязательство имѣть учителя на своемЪ содержанїи. УпоминалЪ ли новый авторЪ обЪ авторѣ древнемЪ? КакЪ сочиненїя послѣдняго впадали вЪ такЪ называемое *казенное имущество* (domaine public), цензура требовала по пяти *су* сЪ каждой приведенной строчки. Естьли, приводя мѣсто изЪ древняго автора, вы переводили его, то платили только по двѣ *су* сЪ каждой строки; тогда приведенное мѣсто составляло *полу-казенное имущество*; ибо половина труда принадлежала живому переводчику, а другая умершему автору. Когда БонапартЪ велѣлЪ вЪ зиму 1811 года раздать бѣднымЪ хлѣбЪ, всѣ думали, что плодЪ сей щедрости извлеченЪ изЪ его экономїи; а онЪ при семЪ случаѣ наложилЪ нѣсколько лишнихЪ податей, и выбарышничалЪ четыре милїона на хлѣбѣ и соли неимущихЪ. НаконецЪ онЪ завладѣлЪ доходами похоронЪ: достойно было истребителя ФранцузовЪ собирать пошлину сЪ ихЪ мертвыхЪ тѣлЪ! Гдѣ можно было ис-

жать правосудія, когда онъ самъ писалъ законы? Законодательный Совѣтъ имѣлъ смѣлость заговорить противъ него; и его распустили. Одна статья новыхъ кодексовъ совсѣмъ уничтожала собственность; надзиратель имѣній могъ вамъ сказать: „Ваша собственность есть ка„зенная, или національная; на время беру „ее подъ секвестръ; а вы просите по сему „дѣлу, естьли угодно. Когда казна не имѣетъ „на то права, то вамъ возвратятъ ваше „имѣніе.“ — Куда же вамъ прибѣгнуть въ семъ случаѣ? Къ судебнымъ мѣстамъ? Нѣтъ. Такія дѣла предоставляемы были на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, и производились передъ Императоромъ, который былъ въ тяжбѣ и судья и участникъ.

Какъ собственность была не надежна, такъ гражданская свобода совсѣмъ не была обезпечена. Что могло быть чудовищнѣе Коммисіи, которая имѣла темницы подъ своимъ вѣденіемъ? По ея донесенію, человѣкъ могъ содержаться вѣчно въ заключеніи безъ всякаго слѣдствія, безъ всякаго суда, даже выдержать пытку, быть ночью разстрѣлянъ, на порогѣ темницы удавленъ! При сихъ ужасахъ, Бонапартъ наряжалъ ежегодно Коммисіи для свободы книгопечатанія, для безопасности личной:

Самъ Тиверій такъ не шутилъ никогда надъ родомъ человѣческимъ.

Наконецъ конскрипція увѣнчала творенія его деспотизма. Въ Скандинавіи, которую одинъ Историкъ называетъ *фабрикой человѣческаго рода*, недостало бы довольно людей по требованію сего душегибельнаго устава. Уставъ конскрипціи останется вѣчнымъ памятникомъ Бонапартова царствованія. Въ немъ заключается все, что могло изобрѣсть тонкое и хитрое тиранство на муку и погибель народовъ: такое учрежденіе есть подлинно адское. Поколѣнія Франціи отбирались въ срокъ опредѣленный, какъ деревья въ лѣсу на порубку: ежегодно восемьдесятъ тысячь молодыхъ людей было ссѣчено. Но такая смерть казалась еще правильною: не рѣдко удвоивалась, или усиливалась конскрипція чрезвычайнымъ наборомъ; не рѣдко поглощала она предбудущія жертвы, какъ расточитель забираетъ впередъ свои доходы. Напослѣдокъ наборъ производился безъ счету: законныя лѣта, способности требуемыя для воина, идущаго на смерть, ничто не было уважено; и въ семъ отношеніи законъ имѣлъ чудную благосклонность: онъ восходилъ до отрока, низходилъ до старца; отпущенный былъ снова выгнанъ; сынъ бѣднаго ремесленника, хотя бы онъ три ра-

за откупался на выработанныя отцемъ немногія деньги, долженъ былъ идти. Ни болѣзнь, ни дряхлость, ни тѣлесные пороки не оправдывали и не спасали. Летучїе отряды обтекали свое отечество какъ непрїятельскую землю, чтобы насильственною рукою разхватать послѣднїй народъ. Кто жаловался на грабительство, тому отвѣчали, что летучїе отряды жандармовъ состоятъ изъ красавцевъ, которые утѣшатъ матерей, и возвратятъ ихъ убыль. За отсутствїемъ одного брата брали другаго. Отецъ отвѣчалъ за сына, жена за мужа: отвѣтственность простиралась до самыхъ отдаленныхъ родственниковъ и до сосѣдей; цѣлое селенїе обязывали поручительствомъ за родившагося въ немъ конскрипта. Въ домѣ крестьянина стояли солдаты, и кормились на вырученныя имъ деньги за послѣднюю постель свою до того времени, пока удастся ему отыскать въ лѣсахъ бѣглаго конскрипта. При варварствѣ было еще безумїе: требовали дѣтей у тѣхъ, которые, къ ихъ щастїю, были бездѣтны; мучили людей, чтобы добраться до имени такого человѣка, которой стоялъ только на спискѣ жандармовъ, или конскрипта, которой былъ давно въ службѣ. Беременныхъ женщинъ приводили къ пыткѣ, чтобы онѣ указали мѣсто, гдѣ скрывался первородный плодъ ихъ. Отцы приносили мертвое сыновнее

тѣло, въ знакъ увѣренія, что не могутъ поставить сына живаго. Иныя дѣти изъ богатыхъ семействъ откупились, имѣя намѣреніе приготовить себя къ должности судей, правителей, ученыхъ, хозяевъ, столь полезныхъ для порядка гражданскаго общества въ обширной землѣ; но ихъ ввергли въ общую кровавую сѣчу черезъ опредѣленіе въ почетную гвардію. Презрѣніе къ человѣческой жизни до того простиралось, что называли конскриптовъ *первою матеріею* и *пушечнымъ мясомъ*. Между поставщиками мяса человѣческаго задавали другъ другу вопросы, а именно: долго ли *выживетъ* конскриптъ? Одни утверждали, не долѣе двухъ годовъ, а другіе говорили, три года. Самъ Бонапартъ говорилъ: *у меня* 300,000 *людей доходу*. Онъ умѣлъ въ 11 лѣтъ своего правленія погубить болѣе пяти миліоновъ Французовъ, болѣе того, что погибло во всѣ наши междоусобныя брани отъ Короля Жана до Генриха IV. Въ послѣдній истекшій годъ Бонапартъ набралъ, кромѣ національной гвардіи, одинъ миліонъ триста тысячь человѣкъ, что составляетъ болѣе нежели сто тысячь человѣкъ на мѣсяцъ; а не стыдились говорить, что онъ истратилъ только излишекъ народнаго многолюдства.

Не трудно было предвидѣть того, что случилось: всѣ благоразумные люди говори-

ли, что конскрипцїя, истощивъ Государство, подвергнетъ его неизбѣжной опасности, когда непрїятель наступитъ въ силахъ. До послѣдней капли выжатое рукою палача безкровное тѣло Францїи не могло не защищаться слабо. Но зло конскрипцїи состояло не въ одномъ уронѣ людей; она увлекала насъ и всю Европу во маракъ варварства. Отъ конскрипцїи рушатся неминуемо ремесла, искусства, изящныя науки. Юноша, которому опредѣлено умереть на девятнадцатомъ году своего возраста, не можетъ заниматься наукою. Сосѣди, невольно прибѣгая къ тѣмъ же способамъ для своего защищенїя, удалялись въ свою очередь отъ выгодъ гражданскаго просвѣщенїя; и всѣ народы, одни на другихъ стремяся, какъ во времена Готфовъ и Вандаловъ, возвратились бы скоро къ бѣдствїямъ тѣхъ вѣковъ. Разрывая связи общежитїя, конскрипцїя разрушала въ то же время связи семейственныя: съ колыбели привыкая считать себя жертвами, на смерть обреченными, дѣти не повиновались отцамъ, и вели жизнь лѣнивую, праздную, распутную, въ ожиданїи того дня, въ которой пускались на грабежъ и убїйство. Какое доброе правило могло укорениться въ ихъ сердцѣ? Съ другой стороны, отцы и матери въ низкомъ состоянїи людей оставляли безъ любви и попеченїя дѣ-

тей, которыхъ надлежало имъ скоро лишиться, которыя, казалось, родились имъ на сокрушенiе и въ тягость. Вотъ источникъ сердечнаго ожесточенiя и забвенiя всѣхъ природныхъ чувствъ, начало эгоизма, холодности къ добру и злу, равнодушiя къ отечеству; вотъ что погашаетъ послѣднюю искру совѣсти, ввергаетъ народы въ рабство, истребляя въ нихъ ненависть къ пороку и любовь къ добродѣтели.

Таково было Бонапартово правленiе во внутренности Францiи.

(*Продолженiе впредь.*)

ИЗВѢСТIЯ

о послѣднихъ произшествiяхъ.

Политическiй свѣтъ представляетъ взорамъ наблюдателя два великiя зрѣлища: возвращенiе во Францiю Наслѣдника Бурбонскаго трона послѣ двадцатилѣтняго странствiя внѣ отечества и царства его предковъ въ нещастномъ жребiи изгнанника (*), и удаленiе съ твердой зе-

(*) Лудовикъ Ксаверiй, Графъ Прованскiй, родившiйся 17 Ноября 1755 года и принявшiй титулъ Лудовика XVIII, по смерти сво-

или гонителя сего Государя, его фамилїи, всего рода человѣческаго; и когда сердца Французовъ изливаются въ радостныхъ восклицанїяхъ при торжественной встрѣчѣ Короля въ городѣ Кале, въ Булонѣ, въ Компьенѣ и наконецъ въ Парижѣ, народъ провожаетъ плѣнника изъ предѣловъ Франціи къ мѣсту его заточенія съ негодованїемъ ожесточенныхъ жертвъ и безвинныхъ страдальцевъ его долговременнаго самовластія. Первый, осыпанный благословенїями подданныхъ, вступилъ уже въ правленїе своего Государства 7 Мая (н. с.); а послѣднїй, неся проклятїя всѣхъ народовъ, сокрылся на островѣ Эльбѣ. Такъ случаи и произшествїя, изъясняя тайну судьбы человѣческой и дѣйствїя Небеснаго правосудїя, служатъ великими наставленїями для Царей и народовъ!

Передъ вступленїемъ въ столицу, Король Французскїй объявилъ Государственнымъ актомъ, что планъ конституцїи,

---

его брата (8 Янв. 1795) выѣхалъ изъ Франціи 20 Янв. 1791; жилъ до исхода 1797 года подъ именемъ Графа де Лилля въ Веронѣ, въ Швабіи, и потомъ въ Бланкенбургѣ; съ 1798 въ Митавѣ, съ 1801 въ Варшавѣ; переѣхалъ въ 1804 въ Колмаръ, въ Швецію, оттуда въ замокъ Бланкенфельдской близь Митавы, а въ 1807 черезъ Мемель и Карлскрону въ Англію.

Сенатомъ предложенный въ засѣданіи 6 Апрѣля, имѣетъ хорошія основанія; но что многія статьи, по примѣтной скорости, съ которою онѣ были сочинены, не могутъ въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей служить Государственнымъ фундаментальнымъ закономъ. Для приведенія конституціи въ состояніе гораздо совершеннѣйшее, правительство созываетъ къ 10 Іюня нынѣшняго года Сенатъ и Совѣтъ Законодательный. Имъ представится на разсмотрѣніе трудъ Коммисіи, избранной изъ Членовъ сихъ обоихъ Государственныхъ мѣстъ для сочиненія обще съ Королемъ конституціи, которая утвердитъ: Правленіе *представительное* (Representatif), Сенатъ и Палату, составленную изъ депутатовъ всѣхъ департаментовъ, добровольный налогъ, свободу общую и личную, свободу книгопечатанія, ограниченную только предосторожностями, необходимыми для общей безопасности, свободу богослуженія, обезпеченіе собственности, продажу національныхъ имѣній, отвѣтственность Министровъ, подвластныхъ одной изъ Государственныхъ Палатъ, а подсудныхъ другой, независимость судебной власти, цѣлость государственнаго долгу, пенсій, чиновъ и дворянства какъ стараго, такъ и новаго, допущеніе всякаго Француза къ военнымъ и гражданскимъ должностямъ, и наконецъ опредѣле-

же никого не тревожить за подаваемые голоса и мнѣнія.

За симъ объявленіемъ послѣдовало предварительное условіе заключеннаго въ Парижѣ общаго мира, по которому всѣ непріятельскія дѣйствія на сушѣ и на морѣ прекращаются, и по которому Франція возвращается въ ея границы 1792 года.

Не извѣстно еще ничего о рѣшительной судьбѣ и о политическомъ образованіи Германіи; но извѣстно о перемѣнѣ дѣлъ въ Италіи, которая требуетъ для себя законнаго Государя и порядочной конституціи. Народъ, не расположенный въ пользу Вицъ-Короля Евгенія, былъ только удержанъ отъ мятежа и убійства Фельдмаршаломъ Маркизомъ Сомморива, который именемъ союзныхъ Державъ принялъ начальство надъ всѣми департаментами, округами, городами и селеніями въ Италіи, не занятыми союзными войсками; утвердилъ въ Миланѣ временное правленіе постановленное на мѣсто Сената, и убѣдилъ народъ ожидать съ терпѣніемъ и довѣренностію опредѣленія союзныхъ Государей объ участи Италіи. Принцъ Евгеній выѣхалъ уже изъ Государства, а Владѣтель Церковныхъ областей возвратился въ свою столицу.

Другое обновляющееся Государство, Голландія, продолжаетъ, подъ руководствомъ новаго правленія, приводить вещи въ лучшій порядокъ. 2 Мая (н. с.) Владѣтельный Принцъ открылъ засѣданіе Генеральныхъ Штатовъ въ Гагѣ, произнесъ рѣчь, и потомъ удалился; Чины, до начатія своего труда, приступили къ избранію Президента Собранія.

Дѣла кантоновъ въ Швейцаріи не приведены еще къ окончанію; о нихъ совѣтуются въ общемъ Сеймѣ, котораго несогласіе въ разсужденіи права и голоса каждаго кантона продолжаются. Между тѣмъ Сеймъ освободилъ войска отъ присяги и службы Наполеону, давъ имъ повелѣніе прекратить всѣ непріятельскія дѣйствія противъ Союзныхъ Державъ, и повиноваться впредь какъ опредѣленіямъ временнаго правленія Франціи, такъ и волѣ ея законнаго Государя. Нѣтъ нужды прибавлять, что сіе повелѣніе относится только къ тѣмъ полкамъ, которые находятся въ службѣ у Франціи.

О томъ отдаленномъ Государствѣ на краю сѣверной Европы, гдѣ вспыхнула легкая искра мятежа и раздора, какъ мы упомянули въ послѣднихъ извѣстіяхъ нашихъ (*),

(*) Въ 10 книжкѣ Вѣстника на страницѣ 158.

сообщаютъ въ Англійскихъ Вѣдомостяхъ нѣкоторыя обстоятельнѣйшія подробности. Та партія, которая упорно не хочетъ покориться Швеціи, приготовилась къ защищенію, надѣясь, что Великобританія не приметъ дѣятельнаго участія въ семъ дѣлѣ. А какъ Государственный Совѣтъ Англійскій повелѣлъ блокировать всѣ порты Норвегіи, то ожидаютъ, что упорные враги Швеціи смирятся. Алтона, Гамбургъ и другія владѣнія Датскаго Короля будутъ заняты союзными войсками до того времени, пока не выполнитъ Норвегія своего назначенія. Четыре Державы, которыя поручились Швеціи за владѣніе Норвегіи, Россія, Австрія, Велико-Британія и Пруссія, отправили Особъ, достойныхъ довѣренности, къ Датскому Королю, чтобы пригласить его къ исполненію условій, постановленныхъ въ Кильскомъ трактатѣ. Тѣ же посланные имѣютъ порученіе ѣхать въ Норвегію къ Принцу Христіану съ объявленіемъ, что Союзники Швеціи, поставляя себѣ долгомъ выполнить Ихъ обязанности, оставляютъ Принцу судить объ опасности его положенія и о глубокой браднѣ нещастій, въ которую онъ можетъ ввергнуть народъ черезъ обманчивыя надежды и черезъ врученное ему оружіе. Послѣднія извѣстія отъ 26 Апрѣля (н. с.) изъ Любека подтверждаютъ, что Датскій Принцъ

Христіанъ выѣхалъ изъ Норвегіи, опасаясь быть игрушкою и жертвою разныхъ партій, нарушающихъ спокойствіе сего Государства.

По обозрѣніи главныхъ дѣлъ на твердой землѣ въ Европѣ, намъ остается увѣдомить о внутреннихъ дѣлахъ Великобританскаго острова, о засѣданіяхъ обоихъ Англійскихъ Парламентовъ по случаю нынѣшнихъ обстоятельствъ. Въ Верхнемъ Парламентѣ въ послѣднихъ числахъ Апрѣля на вопросъ Лорда Голланда, включена ли Норвегія въ перемиріе, заключенное въ Парижѣ, отвѣчалъ Графъ Ливерполь, что въ семъ предварительномъ трактатѣ не упомянуто о Норвегіи; но, прибавилъ къ тому, что дано повелѣніе блокировать порты Норвегіи. Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній, Лордъ Грей объявилъ, что 2 Мая онъ сдѣлаетъ предложеніе, чтобы Министры предъявили Парламенту повелѣніе, касательное до блокады; и было положено собраться въ тотъ день всѣмъ Перамъ и занять свои мѣста въ Парламентѣ. Въ засѣданіи 4 Мая (н. с.) Лордъ Гренвиль объявилъ, что на другой день предложено будетъ поднести прозьбу Принцу Регенту, чтобы онъ употребилъ свои старанія склонить другія Державы, при общемъ мирѣ, на уничтоженіе торга Негровъ. Въ Нижнемъ

Парламентѣ, 2 Мая, Канцлерѣ представилѣ трактаты, заключенные 1 Марта сѣ Императорами Россійскимѣ и Австрійскимѣ и Королемѣ Прускимѣ, и заключенное со Франціей условіе о прекращеніи военныхѣ дѣйствій. На вопросѣ Г. Витбрида, имѣютѣ ли намѣреніе Министры Е. В. показать бумаги, касательныя до переговоровѣ вѣ Шатильіонѣ, отвѣчалѣ Канцлерѣ, что на сей разѣ не будетѣ представлено никакихѣ другихѣ документовѣ; а когда начнется о томѣ разсужденіе, тогда каждый Членѣ можетѣ требовать всѣ бумаги, какія ему разсудится, для обѣясненія сего дѣла. 3 Мая Г. Вильберфорсѣ сдѣлалѣ предложеніе о торгѣ Негровѣ. Онѣ говорилѣ, что Парламентѣ одобрялѣ многіе подобные адресы, и что обстоятельства благопріятны для сего дѣла. Правило, на которомѣ основано мое мнѣніе, продолжалѣ Ораторѣ, всѣми нынѣ принято и признано. Вѣ то время, когда Европейскія Державы, выходя изѣ отчаяннаго положенія, возобновляютѣ ихѣ взаимныя сношенія самымѣ пріятнымѣ образомѣ, и когда Провидѣніе осыпало насѣ своими щедротами, никакая жертва благодарности не можетѣ быть ему такѣ угодна, какѣ всеобщее принятіе мѣрѣ, основанныхѣ на религіи, правосудіи и человѣколюбіи. Великія Державы явили умѣренность и великодушіе, соотвѣтствен-

ныя предмету моего предложенія; и я увѣренъ, что, когда представятъ имъ подробное объясненіе сего дѣла, онѣ увѣнчаютъ рядъ ихъ высокихъ подвиговъ общимъ согласіемъ безъ всякаго замедленія. Многія Государства отдѣльно согласились на уничтоженіе торга Негровъ; остается воспользоваться щастливыми обстоятельствами Европы для осушенія слезъ невинной Африки, принявъ общія мѣры, которыя могли бы привести въ дѣйствіе извѣстныя уже намѣренія каждаго политическаго тѣла въ особенности. Ораторъ заключилъ краснорѣчивую Рѣчь свою симъ предложеніемъ: „Поднести Е. К. Вс. Принцу Регенту покорнѣйшій адресъ, а именно: что „Парламентъ, полагаясь съ довѣренностію „на принятыя въ 1806 и 1810 мѣры для „уничтоженія торга Негровъ, и обращая „вниманіе Европейскихъ Державъ на содѣйствіе къ сему дѣлу, считаетъ себя въ „правѣ надѣяться, что при теперешнемъ „случаѣ Великобританія употребитъ свое „вліяніе и свое посредничество у Союзниковъ для желательнаго успѣха сего дѣла.“ Канцлеръ подкрѣпилъ предложеніе, говоря, что онъ раздѣляетъ искренно чувства своего краснорѣчиваго друга. Г. Каннингъ, соглашаясь на мнѣнія членовъ, доказывалъ, что нынѣшній случай весьма благопрія-

шенъ для того, чтобы дать чувствовать Союзникамъ необходимость содѣйствовать съ Англїей къ тѣмъ мѣрамъ, которыя должны утвердить моральный характеръ всѣхъ народовъ въ Европѣ. Торгъ Негровъ долго былъ для насъ источникомъ богатства, продолжалъ Г. Каннингъ, а мы отказались отъ него; но положенїе нашего Государства доказывало, что потеря выгодъ, намъ приносимыхъ симъ торгомъ, не убавила нашихъ способовъ, не ослабила нашей силы. Г. Шмитъ изъявилъ надежду, что въ нынѣшнемъ состоянїи Европы представительство Англїйскаго Кабинета по сему случаю будетъ имѣть щастливѣйшїй успѣхъ. Г. Витбридъ напомнилъ, что славный Питтъ въ одной краснорѣчивой Рѣчи своей доказалъ убѣдительно, что даже въ отношенїи къ торговымъ предпрїятїямъ, продолженїе торга Негровъ вредно для пользы купечества. Г. Марїатъ замѣтилъ, что естьли оба Парламента не приступятъ къ дѣятельнѣйшимъ мѣрамъ, то они очистятъ себя конечно отъ всякаго нареканїя по дѣлу сего постыднаго торга, но что дѣло не будетъ имѣть успѣха, какъ и прежде. Съ 1810 Гишпанїя и Португаллїя перевезли изъ Африки въ разныя колонїи до 80,000 Негровъ; слѣдственно сей торгъ, вмѣсто того, чтобы произ-

водиться на Англійскихъ корабляхъ, производился исключительно на корабляхъ сихъ двухъ Державъ, нашихъ союзницъ. Нынѣшнія обстоятельства тѣмъ благопріятны для пресѣченія сего торга, что почти всѣ колоніи въ рукахъ Англіи, и что, прежде нежели возвратитъ ихъ тѣмъ, которые болѣе другихъ пользуются вывозомъ Негровъ изъ Африки, она можетъ надѣяться черезъ свое посредничество успѣть въ семъ дѣлѣ. Наконецъ, въ засѣданіи 4 Мая Г. Витбридъ требовалъ отчета и бумагъ, касательныхъ до Шатильїонскаго Конгресса, и заключилъ подозрѣніемъ, что Англія не подписала по нѣкоторымъ извѣстнымъ ему причинамъ трактатъ, заключенный 11 Апрѣля между Императоромъ Французовъ и всѣми союзными Государями. Но Канцлеръ отвѣчалъ, что бумаги будутъ представлены въ свое время какъ по дѣлу Шатильїонскаго Конгресса, такъ и по поводу сомнѣнія Г. Члена.

P. s. Сей часъ получаемъ новыя иностраныя Вѣдомости. Вотъ послѣднія политическія новости: кромѣ условій, заключенныхъ Англіей съ другими союзными Державами, она заключила еще тайное условіе, касательное до Сѣверной Америки. По сему

акту Англія исходатайствовала у всѣхъ Европейскихъ Державъ обѣщаніе, что, по возстановленіи мира въ Европѣ, ни одна изъ нихъ не вмѣшается въ спорныя дѣла между Британскимъ Кабинетомъ и Сѣверною Америкою; и Франція должна въ томъ трактатѣ, который будетъ заключенъ съ нею, принять на себя тоже обязательство. — Сеймъ въ Норвегіи собрался для образованія Конституціи, и Принцъ Христіанъ избранъ Королемъ; но Адмиралъ Билль, проѣхавшій изъ Копенгагена въ Норвегію, везетъ Принцу повелѣніе отъ Датскаго Короля, непремѣнно здать Норвегію со всѣми ея крѣпостями Швеціи; иначе будетъ съ нимъ поступлено какъ съ измѣнникомъ отечеству и Государю.

Мая 27 дня.
Москва.

Изъявленія благодарности Благотворителямъ.

1.

Неизвѣстному Благотворителю, скрывающему имя свое подъ литтерами Ж. С. Т., *Елисавета Семеновна Брежинская* приноситъ сердечную благодарность за полученныя 2 го Мая изъ *С. Петербурга* отъ сей Особы сто рублей *пансіонныхъ*. „Сей великодушный Благотворитель“ пишетъ ко мнѣ Г-жа Брежинская (*) „три года облегчаетъ бѣдственное положеніе мое и моего семейства. Но я не умѣю изъяснить искреннихъ чувствованій благодарнаго сердца моего въ полной мѣрѣ; могу только сказать съ порфироноснымъ Давидомъ: Блажени милостиви, яко ти помилованы будутъ!“

К. Шаликовъ.

19 Мая 1814.
Москва.

2.

Изъ Елатмы подъ литерами А* У* получено ассигнаціями сто рублей, и по желанію Благотворительницы отослано мною 50 рублей Пастуховской и 50 Крыжевской, къ первой въ Минскъ, ко второй въ Карачевъ, Ор-

(*) Изъ Екатеринослава, гдѣ сія нещастная и чувствительная женщина, обремененная убожествомъ и дѣтьми, живетъ и понынѣ.

ловской Губерніи. — Еще сто рублей ассигнаціями изъ Казанской Губерніи, изъ Спаскаго уѣзда, мною получено, и по назначенію Благотворителя отослано къ Пастуховской и Крыжевской, по 50 рублей каждой. Чувствительные Россіяне, какъ ни стараетесь сокрывать имена ваши, но Богъ зритъ свыше Покровителей страждущаго человѣчества! А я поставляю за особую честь выполнять препорученія сего рода.

А. Митрофановъ.

Г. Рославль.
Мая 17го дня.

Увѣдомленіе.

Присланные десять рублей изъ города Бѣлева отъ Госпожи Собининой въ кассу нуждающихся, какъ сказано въ ея письмѣ, отданы мною вдовѣ Екатеринѣ Ивановой, о которой было объявлено въ восьмомъ нумерѣ Вѣстника на страницѣ 325 й.

В. Измайловъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ 1814.

№ 12.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Браки Самнитянъ (*).

Клеовулъ Мнезиллѣ.

Уже солнце скрывается за горами Самнїи; насталъ часъ торжества любви. Взгляни, какъ многочисленно стеченїе народа! вся Самнитская область соединена въ одномъ городѣ. Посреди лежатъ жертвы, чаши и священныя облаченїя; здѣсь ты видишь

(*) Отрывокъ изъ путешествїя Платона по Италїи. Греческая рукопись сей книги найдена въ Гераклеѣ; переведена съ Греч. языка на Итал. Винцентїемъ Куоко; съ Итал. на Франц. Барееромъ, Членомъ разныхъ Академїй.

жрецовъ, подлѣ нихъ судей, которые должны награждать добродѣтель благами любви. На одной сторонѣ стоятъ дѣвы, назначенныя для супружества. Онѣ покрыты бѣлою одеждою; главы ихъ украшены вѣнками изъ розъ, которыя въ ночь лишь раскрылись: священные обряды требуютъ, чтобъ сїи цвѣты не зрѣли минувшаго дня, для лучшаго выраженїя простоты и невинности. Матери ихъ облачены въ багряницы: день истиннаго торжества матери бываетъ, когда, отдавъ въ супружество, она приноситъ въ дань отечеству дочь прекрасную и вмѣстѣ добродѣтельную. — На другой сторонѣ стоятъ юноши съ мирнымъ оружїемъ въ рукахъ. Въ день, посвященной миру и любви, запрещается гражданину носить оружїе; все, что украшаетъ сихъ молодыхъ людей, есть добыча, полученная отъ побѣжденныхъ непрїятелей. Въ сїи торжественные дни ты не увидишь ни золота, ни серебра, ни драгихъ каменьевъ; вѣроисповѣданїе запрещаетъ ихъ, какъ вещь, которая истребляетъ храбрость и которая превращаетъ любовь въ подлое корыстолюбїе.

Раздаются звуки священныхъ трубъ. Народъ въ порядкѣ подвигается и составляетъ свиту во храмѣ богини. Дѣти, которыя еще не могутъ владѣть оружїемъ,

ему предшествуютъ, слѣдуя за статуей Марса; храбрые, которые, жертвуя прїятнѣйшими лѣтами и самою жизнїю, всегда приносили оружїе въ пользу отечества, идутъ за статуей побѣды и заключаютъ шествїе.

Слышишь ли, какъ глубоко проникаютъ въ душу громкїе звуки величественнаго гимна, воспѣваемаго жрецами въ честь богинѣ, защитницѣ браковъ и Самнїи? Слышишь ли пѣсни, которыя намъ гласятъ, какъ любовь въ первый разъ улыбнулась, когда хаосъ былъ разсѣянъ, свѣтъ небесъ оплодородилъ землю, и разогнавъ покрывавшую ее влагу, превратилъ въ мѣсто, способное содержать родъ человѣческїй. О богиня! ты изливаешь сей жизненный духъ, которой на крылахъ носитъ животворные дожди, бурные вѣтры, скоротечные часы и времена года, Зевесомъ назначенныя для жатвы, для полезныхъ трудовъ и для отдохновенїя смертныхъ. Ты возсѣдишь на небесахъ съ властителемъ боговъ. Иногда посѣщаешь вершины Матезы, обѣемлемыя черными тучами; ихъ съ шумомъ нагоняютъ смѣлые вѣтры; громы тебѣ предшествуютъ, облаки стелются подъ твоими стопами, или превращаются въ благотворные дожди, или катятся по лѣсистымъ вершинамъ горъ, простираясь

туманами по долинамъ, орошаемымъ рѣками Тиферномъ, Каларомъ и Вултурномъ. Но въ сей день низходишь, властительница и мать боговъ, низходишь къ возлюбленному народу, и благословляешь Священныя узы — исполненіе обѣщаній, сдѣланныхъ тобою нашимъ праотцамъ, когда они, избѣгнувъ праведнаго гнѣва Юпитера, въ первый разъ соединились на брегахъ нашихъ рѣкъ. Умы еще были въ печали и устрашаемы ужасами смерти; мысли были возмущаемы сомнѣніями, подозрѣніемъ и страхомъ: человѣкъ казался ближнему страшнѣе и опаснѣе волка, которой расхищаетъ стада его. На брегу священныхъ рѣкъ увидѣли другъ друга и начали говорить о мирѣ и дружбѣ; юныя дѣвы приходили за водою и черпали любовь; но тутъ онѣ были добычею сильнѣйшихъ, которые увлекали ихъ плачущихъ въ вертепы, наслѣдство отцевъ. Ты, властительница, показала имъ, что есть побѣда славнѣе и владычество пріятнѣе силы; ты заставила сильнаго юношу сказать отечеству: вотъ дѣва, которую избираю въ подруги; ты научила отроковицъ безъ стыда произносить имя того, кто далъ жизнь ихъ дѣтямъ; ты учредила торжественные обряды, которыми всякой годъ встрѣчаемъ наступающую весну. — О богиня! прими прошенія, которыя въ сей торжественный

день возсылаетъ къ тебѣ преданный народъ (*)!

Величественное шествїе уже достигло мѣста, назначеннаго для торжества. По приношенїи жертвы, народъ составляетъ необозримый амфитеатръ: на правой сторонѣ сидятъ отцы, подлѣ нихъ стоятъ юноши; на лѣвой матери и отроковицы. Съ какою жадностью око зрителя обтекаетъ всѣ тѣ многочисленные и различные образцы красотъ, которые представляютъ двѣ группы юношей и дѣвицъ Самнитскихъ! Природная красота молодыхъ людей, преумноженная тѣлесными упражненїями и долгою воинскою службою, казалась бы дикою безъ желанїя нравиться. Нѣжнѣйшїй видъ дѣвицъ и пламенное желанїе прельщать сдѣлали бы ихъ красоту изнѣженною, естьли бы ее не одушевляла любовь къ отечеству и славѣ. Съ обѣихъ сторонъ бросаютъ взоры быстрые и томные; слышны вздохи, изъявляющїе и страхъ, и ожиданїе, и надежду; во взглядахъ начертаны желанїя краснорѣчивѣе всѣхъ разговоровъ. Любовь и добродѣтель соединяются; слава улыбается; отечество торжествуетъ. —

(*) Сей гимнъ посвященъ Юнонѣ, покровительницѣ браковъ и защитницѣ Самнiи, гдѣ ее возхваляютъ подъ Итал. именемъ: Aera.

Судьи возсѣли. Предводители народа приближаются при величественномъ воинскомъ звукѣ трубъ; они имѣютъ въ рукахъ книгу, содержащую имена храбрыхъ, удостоившихся подъ знаменами своихъ предводителей благодарности отечества. — Трепетъ пролился во всѣ сердца! . . . все тихо! Обратимъ слухъ къ тому, кто провозглашаетъ имена достойныхъ! . . .

Марцій Галлій, сынъ Каевъ.

Провозвѣстникъ народный еще не успѣлъ открыть своего мнѣнія, земля уже покрыта цвѣтами; каждый юноша бросилъ вѣнокъ предмету своихъ желаній. Уже они достигли средины амфитеатра; каждый держитъ руку той, для которой искалъ побѣды — побѣды, дорогой сердцу. Иная мать слѣдуетъ за дочерью, другая спѣшитъ обнять мать юноши, которой долженъ быть ея зятемъ; отцы привѣтствуютъ другъ друга; воздухъ наполненъ именами храбрыхъ побѣдителей и любезныхъ дѣвъ, радостное эхо стократъ повторяетъ ихъ въ глубокихъ пещерахъ Матезы.

Но кто сей почтенный старецъ посреди молодыхъ супруговъ? Всѣ его привѣтствуютъ и почитаютъ какъ общаго отца! Слышу слова его: — Имѣлъ я также сына; и онъ вѣрно получилъ бы

сего дня цѣну своей храбрости . . . . Не сражался ли онъ съ вами, храбрые юноши? . . . . Глубокое молчанїе царствуетъ между зрителями; юноши мало по малу отъ него удаляются и составляютъ большой кругъ; слезы покрываютъ очи всѣхъ молодыхъ людей. . . . . Онъ прерываетъ молчанїе и говоритъ: Но сей день есть ли день печали? Уже ли вы не знаете, что мой сынъ былъ храбръ? — Исполненъ мужества! воскликнули всѣ единогласно. — Свершилось мое желанїе. Хотѣлъ сдѣлать изъ моего сына храбраго гражданина — и наконецъ успѣлъ: никогда не имѣлъ намѣренїя сдѣлать его безсмертнымъ. Онъ умеръ, какъ умираютъ храбрые; имя его причислено къ именамъ храбрыхъ. Прахъ его покоится въ могилѣ Героевъ. — Онъ любилъ Калавїю, и она была достойна его любви. Братъ Калавїи любилъ мою дочь, она также его любила. Просилъ небо удостоить сына моего руки Калавїи и также сдѣлать дочь мою достойною ея брата. Но Боги вняли одному моленїю! . . . (произнеся сїи слова, онъ беретъ за руку дочь свою и юнаго Калавїя). . . . Но Калавїй! ты одинъ; гдѣ сестра твоя? Почто лишаетъ себя удовольствїя видѣть своихъ подругъ, удостоившихся любви и нѣжности храбрыхъ юношей? Приди, приди, Калавїя! Юпитера призываю въ свидѣте-

ди: сынъ мой былъ исполненъ храбрости, и сердце моего сына было посвящено тебѣ одной. Но жизнь его пресѣклась. . . Юноши, которые удостоются быть его соперниками въ храбрости, не забудутъ избранной его сердцемъ; подражая его мужеству, воздадутъ почтенïе твоей добродѣтели. . . Десять изъ сихъ юношей, которые должны въ слѣдующïе годы спорить о преимуществѣ, приближаются къ жертвеннику побѣды и клянутся защищать Калавïю. . . Старецъ проливаетъ слезы умиленïя и радости. . . Щастливы, несказанно щастливы, воскликнулъ онъ, народы, коихъ законы награждаютъ добродѣтель, а граждане ее почитаютъ! —

Юноши и дѣвы воспѣвали гимнъ Гименею. Раздѣлясь на двѣ группы, поютъ попеременно строфы согласно съ громною музыкою; прославляютъ войну и торжество брака при восходѣ солнца, который дѣвы называютъ жестокимъ, а молодые люди почитаютъ прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ свѣтилъ, солнца, которое исторгаетъ плачущую дѣву изъ объятïй матери, чтобъ повергнуть красоту ея въ объятïя супруга. Взгляни на розу, похищенную съ родительскаго стебля, посреди шиповъ, которые защищали ее отъ дерзкой руки пастуха и отъ при-

косновеній стадъ; она вянетъ; зефиръ, роса и солнце не одушевляютъ болѣе ея красоты; вянетъ, и уже не та роза, которою любовники спѣшили украсить или грудь, или главу прекрасной. Такъ дѣвица гибнетъ безъ супруга. — Напротивъ, ее можно уподобить винограду, растущему въ одиночествѣ, среди обширныхъ полей; онъ не смѣетъ возвышаться надъ полями и не можетъ привести въ зрѣлость тѣхъ плодовъ, которые висятъ на вѣтьвяхъ его, лежащихъ въ тинѣ. Но естьли вдругъ сплетется съ молодымъ вязомъ, вѣтьви снова подымаются, плоды созрѣваютъ и опять онъ составляетъ сладость и предметъ того же земледѣльца, которой прежде его пренебрегалъ. — Молодость, пріятность, красота, пріятные дары небесъ, не совершенно намъ низпосланые: одна часть принадлежитъ родителямъ, другая отечеству. Бѣдной остатокъ получаетъ наше сердце; и кому его посвятить, какъ не красотѣ и добродѣтели, которымъ наши предки и отечество приносили даръ?

Обѣ группы воспѣвали гимны, пока веселый народъ возвращался въ домы; но мрачная горесть покрывала сердце Клеовула. Онъ удалялся съ друзьями, какъ человѣкъ, которой ничего не слущаетъ и не слышитъ и которой не принимаетъ участія

въ общей радости. Въ первыя минуты зрѣлища унылая душа моя представила, что ты стоишь подлѣ меня; часто къ тебѣ обращалась; я показывалъ тебѣ разныя части обширнаго зрѣлища. Сколько разъ, видя красоты Самніи, соединенныя въ семъ мѣстѣ, восклицалъ: Мнезилла превосходитъ всѣхъ! нѣтъ существа подобнаго Мнезиллѣ! . . . Когда объявляли имена храбрыхъ, чувствовалъ себя сильнѣе и думалъ: не уже ли я не могу быть ея защитникомъ? . . . Внимая рѣчамъ отца нещастнаго любовника Калавіи, невольно проливалъ слезы. Онъ умеръ и былъ достоинъ любви; я завидовалъ его участи. . . Сладостныя мечты! съ какою быстротою и горестью вы изчезли! . . . .

Съ Италіанскаго.

О существѣ тайны (*).

Все изящное, любезное, великое въ жизни составляютъ вещи таинственныя. Чувства удивительнѣйшія суть тѣ, которыя волнуютъ насъ смѣшаннымъ образомъ. Стыдливость, любовь непорочная,

---

(*) Симъ переводомъ изъ Génie du christianisme обязаны мы женскому перу. И.

дружба добродѣтельная исполнены таинства. Можно сказать, что любящїяся сердца разумѣютъ другъ друга въ половину, и что онѣ только полуоткрыты. Невинность, которая есть ничто иное, какъ святое невѣденїе, не можетъ ли, въ свою очередь, быть самою недовѣдомою изъ таинствъ. Младенчество по тому щастливо, что не знаетъ ничего; старость по тому бѣдственна, что знаетъ все; но, къ ея щастїю, при концѣ таинствъ жизни начинаются тайны смерти.

Что сказали мы о чувствованїяхъ, то можно сказать и о добродѣтеляхъ: самыя священныя, непосредственно произтекающїя отъ Бога — какова есть милосердїе (charité) — любятъ скрываться отъ взоровъ, подобно Источнику своему.

Въ отношенїяхъ ума мы находимъ и удовольствїя мысли черезъ тайны. Тайна имѣетъ столь высокое свойство, что первые люди Азїи не говорили иначе какъ символами. Къ какой наукѣ обращаются безпрестанно, какъ не къ той, которая всегда оставляетъ что нибудь угадывать и которая останавливаетъ взоры на безконечной перспективѣ? Когда мы бродимъ въ пустынѣ, то нѣкоторое неизъяснимое побужденїе заставляетъ насъ убѣгать ра-

финнъ, гдѣ можно все обнять однимъ взоромъ: мы ищемъ лѣсовъ, колыбели религіи, сихъ лѣсовъ, которыхъ и сѣнь и шумъ и безмолвіе исполнены чудесъ; сихъ пустынь, въ коихъ враны и пчелы питали первыхъ отцевъ церкви, и гдѣ святые мужи, вкушая небесныя сладости, восклицали: *Господи! я умру отъ радости, естьли Ты не умѣришь моего блаженства!* — Наконецъ, мы не останавливаемся у подножія новѣйшихъ памятниковъ; но естьли на необитаемомъ островѣ среди океана представится намъ бронзовое изваяніе, котораго простертая рука указываетъ на западъ, и котораго основаніе, покрытое гіероглифами, разрушено волнами и временемъ: то какой источникъ размышленій для странника! Все сокровенно, все неизъяснимо во вселенной. Самый человѣкъ не есть ли чудесная тайна? Откуда приходитъ молнія, которую мы называемъ жизнію? и въ какой нощи угасаетъ она? Всевѣчный поставилъ рожденіе и смерть въ видѣ двухъ закрытыхъ фантомовъ на обоихъ концахъ пути нашего; первое есть *непостижимое* мгновеніе нашего существованія, неизбѣжно поглощаемое другимъ.

Послѣ такого стремленія человѣка къ таинственному, нѣтъ удивительнаго

въ томъ, что религіи всѣхъ народовъ имѣютъ свои таинства. Индія, Персія, Еѳіопія, Скиѳія, Галлія, Скандинавія имѣли свои пещеры, горы и священные лѣса, гдѣ Брамины, Маги, Гимнософисты, Друиды прорицали непостижимую волю боговъ своихъ.

Мы, конечно, не хотимъ сравнивать сихъ таинствъ съ таинствами истинной вѣры и непроницаемой глубины Всевышняго, съ бренностію и тьмою сихъ боговъ, *дѣла рукъ человѣческихъ*; но замѣтимъ, что нѣтъ религіи безъ таинствъ. Таинства сіи, соединенныя съ *жертвоприношеніемъ*, составляютъ сущность *Богослуженія*. Богъ Самъ есть великая тайна натуры; божество Египтянъ изображалось покровеннымъ, и сфинксъ всегда представлялся у преддверія его храмовъ.

Шатобріанъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Освобожденіе Европы и слава АЛЕКСАНДРА I (*).

Конецъ побѣдамъ! Богу слава!
Низверглась адская Держава:
Сраженъ, сраженъ Наполеонъ!
Народы и Цари! ликуйте!
Воскресъ порядокъ и Законъ.
Свободу міра торжествуйте!
Есть правды Богъ: Тирана нѣтъ!
Проходитъ тьма, но вѣченъ свѣтъ.

Сокрылось нощи привидѣнье.
Се утро, жизни пробужденье!
Се гласъ Природы и Творца:
„Уставовъ Я не премѣняю:
„Не будутъ камнями сердца;
„Безумства въ умъ не обращаю.
„Злодѣй торжествовалъ: гдѣ онъ?
„Исчезъ какъ безобразный сонъ!"

(*) Оно напечатано особливо въ Москвѣ и посвящено Московскимъ жителямъ съ краткимъ предисловіемъ: Мы увѣрены, что доставимъ удовольствіе и пользу, напечатавъ въ Вѣстникѣ новое стихотвореніе нашего славнаго Автора.

О радость! Въ духѣ умиленный
И дѣломъ Бога восхищенный,
Паду, лью слезы и молюсь!...
Отецъ!... пусть бури міръ волнуютъ!
Надъ ними Ты: не устрашусь!
И бури благость знаменуютъ,
Добро, любовь и стройный чинъ.
О! Ты великъ, великъ единъ!

Умолкло горести роптанье;
Минувшихъ золъ воспоминанье
Уже есть благо для сердецъ. —
Изъ рукъ отчаянной Свободы
Пріявъ Властительскій вѣнецъ
Съ обѣтомъ умирить народы
И воцарить съ собой Законъ,
Сынъ хитрой лжи, Наполеонъ,

Призракъ величія, Героя,
Подъ лаврами духъ низкій кроя,
Возсѣлъ на тронъ — людей карать,
И землю претворять въ могилу,
Слезами, кровью утучнять;
Въ законъ одну поставить силу;
Не славой, клятвою побѣдъ
Наполнить устрашенный свѣтъ.

И бысть! Упали Царства, троны.
Его ужасны легіоны
Какъ огнь и бурный духъ текли
Подъ громомъ смерти, разрушенья,
Сквозь дымъ пылающей земли;
А онъ съ улыбкой наслажденья,
Сидя на грудѣ мертвыхъ тѣлъ,
Страданіе и гибель зрѣлъ.

Ничто Аттилы, Чингисъ-Ханы,
Ничто Батыи, Тамерланы

Предъ нимъ въ свирѣпости своей,
Они въ степяхъ образовались
Среди рыкающихъ звѣрей,
И въ вѣки варварства являлись:
Сей лютый тигръ, не человѣкъ,
Явился въ просвѣщенный вѣкъ.

Уже гордились мы Наукой,
Ума плодомъ, добра порукой,
И славились искусствомъ жить;
Уже мы знали, что Владѣтель
Отцемъ людей обязанъ быть,
Любить не власть, но добродѣтель;
И что побѣдами славна
Лишь справедливая война.

Сей извергъ, міру въ казнь рожденный;
Мечтою славы ослѣпленный,
Чтобъ быть безсмертнымъ, убивалъ!
Хотѣлъ *всемірныя Державы*:
Лишь небо Богу уступалъ (1);
Топталъ святѣйшіе уставы;
Не скиптромъ правилъ, а мечемъ,
И былъ — державнымъ палачемъ!

Въ чертогахъ, въ хижинахъ стенали;
Въ вѣнцахъ главы рабовъ сіяли:
Престолы сдѣлались стыдомъ:
Темнѣли разумъ, просвѣщенье;
Долгъ, совѣсть, честь казались сномъ:
Слабѣла вѣра въ Провидѣнье:
„Гдѣ Мститель? гдѣ любовь Отца?"
Грубѣли чувства и сердца.

(1) На одной медали Наполеонова времени изображено Всевидящее Око, съ надписью: *Тебѣ небо, мнѣ земля.*

Среди гробовъ, опустошенья,
Безмолвія, оцѣпенѣнья,
Съ кровавымъ, дерзостнымъ челомъ
Насиліе торжествовало,
И веселяся общимъ зломъ,
Себя хвалами величало,
Вѣщая: „Властвуетъ Судьба!
„Она мнѣ служитъ какъ раба!“

Еще въ Европѣ отдаленной
Одинъ народъ благословенной
Главы подъ иго не склонялъ;
Хранилъ въ душѣ простые нравы;
Въ войнахъ издревле побѣждалъ;
Давалъ инымъ странамъ уставы,
Но самъ жилъ только по своимъ,
Царя любилъ, Царемъ любимъ;

Не славился богатствомъ знаній,
Ни хитростію мудрованій;
Умѣлъ наказывать враговъ,
Являясь въ дружествѣ правдивымъ;
Стоялъ за Русь, за прахъ отцовъ,
И былъ безъ гордости щастливымъ;
Свободы ложной не искалъ,
Но все имѣлъ, чего желалъ.

Уже Тиранъ свирѣпымъ окомъ,
Влекомый къ казни тайнымъ Рокомъ,
Измѣрилъ путь въ сію страну,
И поднялъ для нее оковы;
Изрекъ погибель и войну.
Уже рабы его готовы
Послѣднюю изъ жертвъ заклать —
И началась Святая рать.

Для насъ Святая!... Боже Мститель!
Се Ты, злодѣйства Истребитель!

Се Ты на бурныхъ облакахъ,
Въ ударахъ молніи палящей!
Ты въ сердцѣ Россовъ и въ устахъ,
Въ рукѣ за Вѣру, правду мстящей!
Кто Бога воинствъ побѣдитъ?
У насъ и мечь Его и щитъ!

Тирану служатъ миліоны:
Героевъ Россскихъ легіоны
Идутъ алмазною стѣной;
А старцы, жены простираютъ
Десницу къ Вышнему съ мольбой;
Слезами Благость умиляютъ.
Вездѣ курится ѳиміамъ:
Россія есть обширный храмъ.

Лежатъ храбрѣйшіе рядами;
Поля усѣяны костями;
Все пламенемъ истреблено.
Не грады, только честь спасаемъ!...
О славное Бородино!
Тебя потомству оставляемъ
На память, что Россіи сынъ
Стоитъ противъ двоихъ одинъ (2)!

А ты, Державная Столица,
Градовъ Славянскихъ Мать-Царица,
Созданіе семи вѣковъ,
Гдѣ пышность, нѣга обитали,
Цвѣли богатства, плодъ трудовъ;
Гдѣ храмы лѣпотой сіяли,
И гдѣ покоился въ гробахъ
Царей, Святыхъ нетлѣнный прахъ!

(2) Увѣряютъ, что Французовъ было 180,000, а нашихъ 90,000, кромѣ Московскаго ополченія, не бывшаго въ дѣлѣ.

Москва! прощаемся съ тобою,
И нашей собственной рукою
Тебя мы въ пепелъ обратимъ (3)!
Пылай: се пламя очищенья!
Мы землю съ Небомъ примиримъ.
Ты жертва общаго спасенья!
Въ твоихъ развалинахъ найдетъ
Врагъ мира гробъ своихъ побѣдъ.

Свершилось! . . . Дымомъ омраченный,
Пустыней, пепломъ окруженный,
Узрѣлъ онъ гибель предъ собой.
Бѣжитъ! ... но Богъ съ сѣдымъ Героемъ (4)
Шлютъ казнь изъ тучи громовой:
Здѣсь воины блестящимъ строемъ,
Тамъ ужасы зимы и гладъ
Его встрѣчаютъ и мертвятъ.

Какъ въ безднахъ темной адской сѣни
Толпятся осужденныхъ тѣни
Подъ свистомъ лютыхъ Эвменидъ:
Такъ сонмы сихъ *непобѣдимыхъ*,
Едва имѣя жизни видъ,
Въ страданіяхъ неизъяснимыхъ
Скитаются среди лѣсовъ;
Имъ пища ледъ, имъ снѣгъ покровъ.

Въ огонь ввергаются отъ хлада;
Себя терзаютъ въ мукахъ глада:
Полмертвый мертваго грызетъ.
Стадами птицы плотоядны

(3) Очевидцы разсказываютъ, что Каретный и Москотильный ряды зажжены рукою самихъ лавошниковъ, также и многіе домы хозяйскою.

(4) Княземъ Смоленскимъ.

Летятъ за ними съ крикомъ въ слѣдъ;
За ними звѣри кровожадны,
Разинувъ челюсти, бѣгутъ
И члены падающихъ рвутъ.

О жертвы хищнаго злодѣйства!
Вы были радостью семейства;
Имѣли ближнихъ и друзей:
Почто вы гибели искали
Въ дали полунощныхъ степей?
Мы вашей крови не жадали;
Но кто оковы намъ несетъ,
Умремъ — или онъ самъ падетъ!

Гдѣ ваши легіоны страха?
Лежатъ безмолвно въ нѣдрахъ праха;
Осталась память ихъ одна,
И вѣтры пепелъ развѣваютъ.
Се ваши громы, знамена:
Младенцы ими здѣсь играютъ. —
Свободны мы, но въ рабствѣ міръ:
Еще Тирановъ цѣлъ кумиръ.

Еще Европа въ изумленьѣ;
Но скоро общее волненье
Вселяетъ мужество въ сердца.
Гласятъ: „И мы хотимъ свободы
„И нашимъ бѣдствіямъ конца!“
Подвиглись троны и народы;
Другъ съ друга въ гнѣвѣ цѣпи рвутъ,
И съ яростью на брань текутъ.

О диво! зрѣлище святое! —
Кто въ шумномъ, благолѣпномъ строѣ,
Вѣнчанный лаврами побѣдъ,
Съ лицемъ умильнымъ и смиреннымъ
Народы къ торжеству ведетъ,

И перстомъ, къ небу обращеннымъ,
Имъ кажетъ Бога вышнихъ силъ,
Съ Кѣмъ Онъ уже враговъ сразилъ?

Россіи Царь благочестивый,
Герой въ душѣ миролюбивый!
Онъ долго брани не хотѣлъ;
Спасалъ отъ бурь свою Державу:
Отецъ чадъ-подданныхъ жалѣлъ
И ненавидѣлъ крови славу;
Когдажъ мечь правды обнажилъ,
Рекъ: *Съ нами Богъ!* и побѣдилъ.

Вотще злодѣй окровавленный,
Какъ вепрь до сердца уязвленный,
Остатокъ собираетъ жертвъ
Коварства, лютаго обмана;
У нихъ мечи, но духъ ихъ мертвъ:
Идутъ сражаться за Тирана!
И съ кѣмъ? Съ любовью къ Олтарямъ,
Къ свободѣ, къ истиннымъ Царямъ!

Ничто всѣ хитрости искусства
Противъ восторга, правды чувства.
Толпы Героевъ и Вождей
Война народная раждаетъ,
И первый изъ земныхъ Царей
Собою имъ примѣръ являетъ.
(Россія! не страшись: надъ Нимъ
Господь благій съ щитомъ Своимъ!)

Днемъ въ полѣ, нощію не дремлетъ:
Совѣтамъ прозорливыхъ внемлетъ,
Всѣ думы АЛЕКСАНДРЪ рѣшитъ;
Предвидитъ замыслы лукавыхъ;
Союзъ отъ зависти хранитъ;
Стыдя виновныхъ, хвалитъ правыхъ

И слабымъ мужество даетъ.
Онъ силенъ: въ Немъ коварства нѣтъ!

Стократно въ битвахъ одолѣнный,
Изсохшихъ лавровъ обнаженный,
Ознаменованный стыдомъ,
Тиранъ перунъ угасшій мещетъ —
И се послѣдній грянулъ громъ,
И новый Вавилонъ трепещетъ!
Колоссъ - Наполеонъ падетъ
Къ ногамъ Царей: свободенъ свѣтъ!

Земли подвиглось основанье!
Гремитъ народовъ восклицанье:
Онъ палъ! онъ палъ! Кипятъ сердца,
Къ надеждамъ щастья оживаютъ.
Какъ дѣти одного отца,
Всѣ, всѣ другъ друга обнимаютъ. . . .
Онъ палъ! въ восторгѣ цѣлый свѣтъ!
Народы братья! злобы нѣтъ!

Въ семъ общемъ, радостномъ волненьѣ,
Царей, Героевъ прославленьѣ,
Чье имя первое въ устахъ?
Кому гремятъ вселенной лики?
Безъ лести, въ искреннихъ хвалахъ
Даютъ названіе: *Великій!*
Отечество мое! ликуй,
И съ АЛЕКСАНДРОМЪ торжествуй!

Отверзлися врата эѳира,
И Духи выспренняго міра
Парили надъ главой Твоей,
Помазанникъ, Сосудъ, избранный
Ко избавленію людей,
Монархъ, Россіею вѣнчанный,
Но данный Богомъ всѣмъ странамъ,
Языкамъ, будущимъ вѣкамъ,

Когда врагамъ, уже смиреннымъ,
Твоею славой удивленнымъ,
Вѣщалъ Ты въ благости: *миръ вамъ!*
Когда съ любовью восхищенной,
Дотолѣ чуждой ихъ сердцамъ,
Они въ сей часъ благословенной,
Внимая Ангельскую рѣчь,
Лобзали Твой побѣдный мечь;

Когда, ихъ чувствомъ умиленный,
Оливой, пальмой осѣненный,
Среди народа и Вождей,
На мѣстѣ, обагренномъ кровью
Невиннѣйшаго изъ Царей,
Ты съ чистой Вѣрою, любовью
Молясь, колѣна преклонилъ
И Бога гнѣва укротилъ (5);

Когда, злодѣями гонимый,
Но втайнѣ добрыми любимый,
Святаго Людовика сынъ,
Нещастіемъ сопровожденный
Отъ цвѣта жизни до сѣдинъ,
На тронъ Тобою возведенный,
Тебя съ слезами обнималъ
И сыномъ Неба называлъ!

Вѣщайте, лѣтописи Славы!
Какихъ вѣковъ, какой Державы
Монархъ столь блага совершилъ?
Ищу.... Закройтесь: нѣтъ примѣра!
Къ величію подвигнутъ былъ
Онъ вами, Добродѣтель, Вѣра!

---

(5) Читатели помнятъ о семъ умилительномъ священнодѣйствіи на мѣстѣ, гдѣ варвары убили Людовика XVI.

Съ надеждою на Бога — шелъ,
И всѣхъ Героевъ превзошелъ.

Россіи слава, Царствъ спасенье,
Наукъ, торговли оживленье,
Союзъ властей, — покой, досугъ,
Уму и сердцу вожделѣнный:
О! сколько, сколько щастья вдругъ!
Какъ міръ, грозою потрясенный,
Въ разрывѣ смертоносныхъ тучь
Съ любовью видитъ солнца лучь:

Такъ всѣ мы тишину встрѣчаемъ,
Привѣтствуемъ душей, ласкаемъ
Изгнанницу столь многихъ лѣтъ!
Забудемъ зло; но разсуждая,
Насъ опытъ къ Мудрости ведетъ:
Изъ глубины вѣковъ блистая
Какъ ясная умовъ заря,
Сія другиня Олтаря

Къ намъ нынѣ руку простираетъ —
Страстямъ велитъ молчать — вѣщаетъ:
„Цари, народы! благо вамъ,
„Десницей Вышняго спасеннымъ!
„Но клятва будущимъ войнамъ,
„Безумцамъ, славой обольщеннымъ!
„Великъ отецъ и другъ людей,
„Не Геній зла, не мужъ кровей.

„Кто слѣдомъ Галліи Тирана,
„Путемъ насилія, обмана,
„Для ада радостныхъ побѣдъ,
„Еще къ безсмертью устремится?
„Стократъ онъ прежде смерть найдетъ,
„Чѣмъ съ нимъ побѣдами сравнится —

„И сей Наполеонъ въ пыли;
„Живетъ теперь въ позоръ земли:

„Нещастный пьетъ стыда отраву!
„Цари! *всемірную Державу*
„Оставьте Богу одному!
„Залогъ, вамъ Небомъ порученный,
„Вы должны возвратить Ему,
„Не кровью слабыхъ обагренный
„Для умноженья областей,
„Но съ мирнымъ щастіемъ людей.

„Не для войны живетъ Властитель:
„Онъ мира цѣлости хранитель.
„Пусть каждый собственность блюдетъ,
„И чуждаго да не коснется!
„Тогда спокоенъ будетъ свѣтъ.
„У Дикихъ кровь рѣкою льется:
„Тамъ воинъ — первый человѣкъ;
„Но вѣкъ ума гражданскій вѣкъ.

„Судить, давать, блюсти Законы,
„Съ мечемъ въ рукѣ — для обороны
„Отъ чуждыхъ и своихъ враговъ,
„Есть дѣло выщней Царской власти.
„Не будетъ праздныхъ вамъ часовъ,
„Пока, увы! пылаютъ страсти.
„Любите знаній тихій свѣтъ:
„Отъ нихъ — Наполеона нѣтъ (6)!

„Народы! власти покоряйтесь;
„Свободой ложной не прельщайтесь;

---

(6) Естьли бы Наполеонъ злодѣйствовалъ не въ просвѣщенныя, а въ варварскія времена, то онъ могъ бы умереть въ величіи.

„Она призракъ, страстей обманъ.
„Вы зрѣли Галловъ заблужденье:
„И своевольство и Тиранъ
„Отмстили имъ за возмущенье
„Противъ законнаго Царя,
„Уставовъ древнихъ, Олтаря.

„Питайте въ сердцѣ добродѣтель:
„Тогда не будетъ вашъ Владѣтель
„Святыхъ законовъ попирать.
„Ко злому только зло влечется:
„Благимъ и Царь есть благодать.
„Господь небесъ о всѣхъ печется:
„И червь Его рукой хранимъ.
„Надъ вами Царь, а Богъ надъ Нимъ.

„Въ правленьяхъ новое опасно,
„А безначаліе ужасно.
„Какъ трудно общество создать!
„Оно устроилось вѣками:
„Гораздо легче разрушать
„Безумцу съ дерзкими руками.
„Не вымышляйте новыхъ бѣдъ;
„Въ семъ мірѣ совершенства нѣтъ!

„Цари да будутъ справедливы,
„Народы вѣрностью щастливы!
„Не искушайте никогда
„Всевышняго въ долготерпѣньѣ:
„Спасаетъ Богъ — но не всегда."
Рекла — и міръ въ благоговѣньѣ;
Умолкла — но ея совѣтъ
Есть гласъ ума въ дѣяньяхъ лѣтъ.

Исчезните, примѣры злые!
Теките щастья дни златые
Для всѣхъ народовъ и Царей!

А Ты, нашъ Царь благословенный,
Спѣши, спѣши къ странѣ Своей,
Побѣдой, славой утружденный;
Вездѣ Ты искренно хвалимъ,
А здѣсь и славимъ и любимъ.

Тебя какъ солнца ждемъ душею!
Ахъ! благодарностью своею
Достойны мы Твоими быть!
Гряди съ геройскими полками,
Которыхъ память будетъ жить
Вовѣкъ съ чудесными дѣлами!
Россійскихъ древнихъ Царствъ глава,
Сѣдая въ доблести Москва,

Съ себя прахъ смерти отрясаетъ,
Развалины свои вѣнчаетъ
Цвѣтами юныя весны.
Не бойся мрачныхъ лицъ, стенаній:
Печали всѣ погребены.
Услышишь громы восклицаній:
„Для щастья нашего живи!"
Узришь одинъ восторгъ любви.

Н. Карамзинъ.

На взятіе Парижа.

Въ громкую цитру кинь персты, богиня!
Грянь, да услышавъ тебя всѣ народы,
Скажутъ: не то ли перуны Зевеса,
Коими въ гнѣвѣ сражаетъ пороки? —
Пиндара Муза тобой побѣждена;
Ты же не игры поешь Олимпійски,
И не Царя съ быстротою летяща
Къ цѣли на добромъ конѣ Сиракузскомъ:
Но АЛЕКСАНДРА, ЦАРЯ миролюбна,
Кѣмъ семиглавая гидра сражена!

О вдохновенный Пѣвецъ,
Пиндаръ Россійскій, Державинъ!
Дай мнѣ парящій восторгъ!
Дай, и во вѣки прославлюсь,
И моя громкая лира
Знаема будетъ вездѣ!

Какъ въ баснословные вѣки
Противъ Зевеса гиганты
Горы кремнисты на горы
Ставя, стремились войною. —
Но Зевсъ вдругъ кинулъ перуны, —
Горы въ песокъ превратились,
Рухнули съ трескомъ на землю,
И — подавили гигантовъ.

Галлы подобно на Россовъ летѣли:
Ихъ были горы — народы подвластны!
Къ сердцу Россіи — въ Москвѣ, доносили
Огнь, пожирающій грады и веси. . . .
ЦАРЬ миролюбный подобенъ Зевесу
Долготерпящу, людей зря пороки. —

Онъ ужь готовилъ погибель Сизифу,
И возжигались блестящи перуны;
Врагъ ужь въ Москвѣ — и взгремѣли перуны,
Горы его подъ собою сокрыли.

❖

Гдѣ же надменный Сизифъ?
Иль покоряетъ Россіянъ? —
Въ тяжкихъ ли Россы цѣпяхъ
Слезную жизнь провождаютъ?
Нѣтъ — громъ оружія Россовъ
Внемлетъ пространный Парижъ!..

❖

И Побѣдитель Парижа,
Нѣжный Отецъ Россіянамъ,
Пепелъ Москвы забывая,
Съ кротостью Галламъ прощаетъ —
И — какъ дѣтей, ихъ пріемлетъ. —
Слава Герою, Который
Всѣ побѣждаетъ народы
Нѣжной любовью — не силой!

❖

Вѣдай богиня! Поэтъ безпристрастный
Долженъ пороки показывать міра.
Страха не зная, Царю онъ вѣщаетъ
Правду — не низкія лести вельможи!
Я не пою Олимпійскихъ Героевъ;
Славить не злато меня побуждаетъ:
Нѣтъ—только подвиги зря АЛЕКСАНДРА,
Цитру златую Ему посвящаю!
Вѣкъ на ней буду славить Героя,
И вознесу Его имя до неба!

❖

Кроткій Россійскій Зевесъ!
Мрачнаго сердцемъ Сизифа

Ты низложилъ, — и теперь
Лавромъ побѣдъ увѣнчанный
Съ поля кроваваго битвы
Къ вѣрнымъ сынамъ возвратися!

Шлемъ Свой пернатый съ забраломъ,
Острый булатъ и тяжелы
Латы сними — и явися
Въ свѣтлой коронѣ, въ порфирѣ
Ты посреди сыновъ вѣрныхъ!
Въ мирѣ опять, въ благоденствѣ
Царствуй надъ нами — и слава
Будетъ во вѣки съ ТОБОЮ!

Руской.

(*Изъ С. Петербурга.*)

На случай отъѣзда брата моего въ армію.

И такъ и ты, воитель юный,
Спѣшишь покинуть отчій кровъ!....
Искатель Марсовой фортуны,
И ты чужбины въ путь готовъ!....

Иди... всесиленъ голосъ славы!....
Къ роднымъ щитамъ примкни твой щитъ!
Орелъ Россіи величавый
Пришельца къ бою осѣнитъ.

Опасность, спутница героевъ,
Тебя кровавою стезей
Межъ вражьихъ разъяренныхъ строевъ
Промчитъ — и лавръ укажетъ твой!....

Иди — о ратай, сердцу милый!
Любовь къ Отчизнѣ и Царю
Тебѣ и при дверяхъ могилы
Украсятъ вѣчности зарю.

❈

Но, братъ, я зрю — твои ланиты
Пылаютъ горестью нѣмой. . . .
Слеза въ очахъ — вѣщатель скрытый
Разлуки съ кровлею родной. . . .

❈

Разлуки съ милыми, друзьями. . . .
Прости, родныхъ златый привѣтъ! . . . .
Увы! межъ чуждыми полями,
Быть можетъ, рано онъ умретъ! . . .

❈

И, можетъ быть, въ минуту брани,
Чело воителя затмитъ
Мракъ думы, плодъ сердечной дани,
Что родину мечтой живитъ.

❈

Отецъ, мать, братья и супруга . . .
Ты скажешь въ горести своей,
Лишились вѣрнаго вы друга:
Я другъ чужбины и смертей! . . .

❈

Но, братъ, утѣшься! цвѣтъ твой нѣжной,
Быть можетъ, Парка пощадитъ —
Быть можетъ, къ пристани надежной
Челнокъ твой снова прибѣжитъ.

❈

Тогда свершится ожиданье
Родныхъ и милыхъ и друзей. . . .
И ратникъ-семьянинъ въ молчанье,
Въ восторгѣ пламенномъ очей,

❈

Обиметъ юную супругу,
Отца и радостную мать —
А тамъ — въ объятья къ брату-другу,
Свиданья поцѣлуй принять. . . .

Тогда . . . Но близокъ часъ страданья!
Прости. . . . отри слезу въ очахъ:
Надежда сладкая свиданья
Тебѣ сопутницей въ бояхъ! . . .

Неизвѣстный.

Оренбургъ.

Мое назначеніе.

Любовь и красота въ союзѣ твердомъ были,
Когда раждался я на свѣтъ:
Онѣ для чувствъ моихъ слились въ одинъ предметъ,
И для меня весь міръ собою населили.
Ничто имъ чуждое не трогаетъ души
И сердца моего! Съ любовью, съ красотою
Лишь могутъ быть онѣ довольными судьбою;
Любовь и красота въ чертоги, шалаши,
Въ Царицу для меня пастушку превращаютъ,
И вѣкъ златой душѣ и сердцу возвращаютъ.
Ни время самое небеснаго огня,
Возженнаго въ груди любовью, красотою,
Своей холодною рукою
Не можетъ потушить вовѣки для меня.
Какъ долго жизнь ни продолжится,
Мученьемъ гордости, тщеславія суетъ
Она не изнурится:
Любовь и красота — вотъ чѣмъ лишь милъ ей свѣтъ.

К. П. Ш. — въ.

Дубъ и Терновникъ,

Басня.

,,Какое скучное занятіе твое
,,Къ ногамъ прохожихъ льнуть, цѣпляться без-
престанно !
,,Какъ можешь проводить такъ время ты свое,
,,Что пользы въ томъ тебѣ ? По чести это
странно. ,,
Сказалъ Терновнику Дубъ умный, пожилой.
,,Что пользы ? — никакой."
Терновникъ отвѣчаетъ,
,,Меня ей, ей !
,,Одна охота забавляетъ :
,,Царапать и колоть людей."

Николай Иван. Писаревъ.

Экспромтъ къ ****

Утѣхи, радости сопутствуютъ тебѣ,
Ты ихъ достоинства присвоила себѣ ;
Но ахъ! прими совѣтъ, мнѣ сердцемъ вдохно-
венный :
Люби — и будешь Ангелъ совершенный!

Ара — овъ.

Эпиграммы.

Клеонъ, ты все твердишь о Хлоиныхъ глазахъ,
О Хлоиномъ носу..... Ни разу не придется
Сказать, умналь она? — Въ трехъ тысячахъ душахъ
Тьма мозгу, милый другъ, тьма мозгу наберется!

Николай. Иванг. Писаревъ.

Пріятель нашъ Ликастъ
Надъ сочиненьями трудится и потѣетъ;
Но онъ писать стиховъ къ нещастью не умѣетъ,
А прозой не гораздъ.

В. Пушкинъ.

Трехъ лютыхъ Фурій ты считаешь,
Которымъ забавлять пріятно сатану;
Скажи, четвертую за чѣмъ позабываешь,
А именно, — мою жену?

Ъ. У. К.

II. ЛИТТЕРАТУРА.

Время.

Несокрушаемый исполинъ — время, безъ усталости мещаетъ алчные свои взоры во всѣ концы вселенной, все безъ жалости поглощаетъ: ни прелестное, ни изящное, ни великое не преклоняетъ его на сострадание. Нѣтъ мѣста, котораго бы не коснулся онъ; нѣтъ тяжести, которой бы не взвѣсилъ; нѣтъ пространства, которое бы превзошло руку его; нѣтъ силы, которая бы спорила съ нимъ, и нѣтъ быстроты, которую бы не остановилъ онъ. *Истребление всего* непреложный уставъ времени. Сколь сильна власть его, сколь непремѣнны законы его и сколь жестоки, неумолимы они!

Гдѣ та небесная улыбка, которая украшала земную Венеру? гдѣ тотъ очаровательный взоръ, предъ которымъ преклонялись смертные? Ударилъ назначенный часъ — и нѣтъ ихъ! увяли розы и лилеи; мертвая блѣдность заступила ихъ мѣсто, грубыя морщины разтянулись на

челѣ красавицы; угасли огненные взоры — и едва предметы близь себя различаютъ; ослабѣлъ магическій голосъ, вливавшій въ сердца и страхъ и надежду — стройность Граціи, превратилась въ безобразную сутуловость, ослабѣли легкія и быстрыя ноги, равнявшіяся съ крылатыми, которыхъ и воздухъ не чувствовалъ. Пугаются льстецы - поклонники, щедро расточавшіе предъ нею жертвы свои. Вмѣсто томныхъ пріятныхъ вздоховъ содроганіе ужаса наполняетъ сердца ихъ. Гдѣ ты, богиня красотъ очаровательныхъ? Уже и нѣтъ признаковъ даровъ, тебя украшавшихъ; никакія усилія искусства не возвращаютъ весны дней твоихъ! Одно воспоминаніе невозвратно протекшаго осталось тебѣ въ удѣлъ.

Сражайся, отважный мореходецъ съ влажною стихіею; пользуясь опытностію своею и щастьемъ, ты бодро летаешь по хребту неизмѣримаго пространства морей. Уже многіе годы провелъ ты на шумящихъ волнахъ; уже испыталъ различіе климатовъ, зрѣлъ чудеса Природы, мѣсто рожденія и смерти небеснаго свѣтила; уже не разъ возвращался на родину съ плодами удачь твоихъ, за синимъ океаномъ пріобрѣтенныхъ, и отдыхалъ въ объятіяхъ родныхъ и друзей, и съ новою, неутомимою довѣренностію отдаешься на волю алч-

ной стихїи. Ахъ! наконецъ ясное небо — надежда твоя — измѣняетъ тебѣ: внезапно вспыхнула буря, заревѣли грозные вѣтры — и рушилось твое древесное жилище, и ты поглощенъ бездною!

Герой, питомецъ Марса, сынъ Беллоны, прошедшїй сквозь огнь и воду, покорившїй подъ свои законы Царства, народы — и ты раноль, поздно ли заплатишь дань времени. Имя твое и слава летаетъ во всѣхъ концахъ вселенной; смерть въ огнѣ битвѣ каждую минуту зїяетъ надъ главою твоею и страшится тебя коснуться: кажется, что нѣтъ конца твоимъ лаврамъ и побѣдамъ — кажется, что ты плѣнилъ судьбу, завладѣлъ безсмертїемъ. Но ударилъ часъ, прервалась тонкая нить жизни и — тебя не стало.

Одна сажень хладной земли вмѣщаетъ выспреннїй генїй, разливавшїй лучезарный свѣтъ просвѣщенїя. Та же могила покоитъ бренные остатки великаго патрїота, мудраго законодателя, друга природы. Миръ съ вами, благотворители человѣчества, миръ съ вами до радостной зари, которая съ новымъ лучшимъ блескомъ для васъ возсїяетъ!

Уже нѣтъ гордаго властелина, который заражалъ воздухъ своимъ дыханїемъ,

который угнѣталъ беззащитныхъ, упивался кровавыми слезами своихъ жертвъ, на уничтоженіи собратій своихъ созидалъ собственное щастіе, и не зрѣлъ конца своему торжеству: уже нѣтъ сего тирана, — онъ снѣдь червей.

Гдѣ тѣ великолѣпныя зданія, на которыя истощены драгоцѣнныя сокровища и ревностные труды? Гдѣ монументы, въ память позднихъ потомковъ сооруженные? Одна громада развалинъ напоминаетъ величество ихъ; но рука времени скоро изгладитъ и сіи послѣдніе остатки, — и тамъ, гдѣ блистало золото, гдѣ великолѣпіе зодчества плѣняло глаза, возвышало чувства путешественника, — тамъ заростетъ терніе.

На берегу тихой рѣки росъ вѣтвистый дубъ, и гордою главою своею касался облаковъ; прохладная сѣнь его служила отдохновеніемъ утомленному путешественнику; онъ былъ свидѣтелемъ рожденія и смерти цѣлаго ряда столѣтій: но въ ту минуту, какъ созерцался онъ въ прозрачныхъ струяхъ, грянулъ громъ, засверкали перуны, и рухнулъ сей величавый дубъ корнемъ вверхъ; воды, служившія ему зеркаломъ, сдѣлались его гробомъ.

Въ благоговѣйномъ безмолвіи старецъ, бурнымъ путемъ достигшій мрачныхъ предѣловъ жизни, блѣдный, украшенный сѣдинами, согбенный тяжестію лѣтъ, съ глубокимъ чувствомъ горести мечтаетъ о сладостной навсегда скрывшейся веснѣ дней его, и взирая на западъ жизни, едва сохраняющій послѣдніе лучи бытія, противоборствуетъ, силится еще замедлить свое на землѣ пребываніе. Невольный трепетъ разливается по дряхлымъ членамъ его при одной мысли вѣчнаго отсутствія за предѣлы міра; но еще минута — и онъ склоняетъ главу свою съ покорностію.

О добродѣтель! даръ, самимъ Существомъ верховнымъ освященный, ты одна въ состояніи противостать хищному времени, одна ты сильнѣе сего единственнаго исполина, и ты одна превозносишься побѣдою своею надъ побѣдами! Лучезарное чело твое помрачаетъ его торжество и обезоруживаетъ сего соперника. Ты течешь неизсякаемымъ потокомъ; нѣтъ ограниченія, нѣтъ предѣловъ, нѣтъ конца тебѣ. Безсмертны имена, тобою озаренныя! блаженъ смертный, тобою осіянный!

А. Ивановскій.

Разговоръ Ума съ Разсудкомъ.

Разсудокъ и Умъ жили прежде въ такомъ согласіи, что даже трудно было различить ихъ одинъ отъ другаго. — Честолюбіе, которое ссоритъ между собою столько честныхъ людей, разлучило ихъ такимъ образомъ, что теперь весьма рѣдко случается имъ встрѣтиться, да и то развѣ для того, чтобъ опять ссориться, и я въ сожалѣнію примѣчаю, что они всякой разъ еще въ большій раздоръ приходятъ. Однажды мнѣ какъ-то случилось увидѣть ихъ вмѣстѣ обоихъ, но не помню гдѣ, — однакожъ не въ блистательныхъ кругахъ столицы, не на ужинахъ Мондора, не въ обществѣ модныхъ остряковъ — довольно сказать, что они гдѣ-нибудь сошлись. —

Ба! да и ты здѣсь? сказалъ Умъ съ презрительной усмѣшкой. — Какимъ образомъ я вижу тебя на своей дорогѣ? это рѣдко съ тобой случается.

Конечно, отвѣчалъ Разсудокъ, и причина сему очень обыкновенная.

Ты уже давно началъ бѣгать отъ меня, и я также не беспокоюсь гоняться за тобою. —

Умъ. Право ты худо дѣлаешь. Естьли бы тебѣ удалось поймать меня, ты бы важнѣйшую ролю игралъ въ свѣтѣ.

Разсудокъ. Это очень можетъ статься; но я не могу бѣгать очень скоро: я всегда хожу потихоньку, и вижу столько людей безполезно гоняющихся за тобой, что рѣшился лучше обходиться безъ тебя, и буду ждать, пока ты самъ не придешь за мною.

Умъ. Признайся однакожъ, что люди, которымъ посчастливилось догнать меня, не напрасно трудились.

Разсудокъ. Я въ томъ согласенъ, что ты щедро награждаешь ихъ за понесенныя ими для тебя беспокойства — ты даришь ихъ какими нибудь блистательными мыслями, какими нибудь острыми словами. — Они заставляютъ смѣяться; они забавляютъ общество, гдѣ меня нѣтъ, веселятъ ужинъ, гдѣ я засыпаю.

Умъ. Однакожъ ихъ уважаютъ, любятъ и повсюду превозносятъ — и по тому-то каждой добивается названія умнаго человѣка. — Скажи только о человѣкѣ: *онъ съ большимъ умомъ,* — и онъ будетъ этимъ очень доволенъ, отъ того симъ названіемъ наиболѣе и гордятся. — Естьли же, напротивъ, сказать о комъ нибудь: это человѣкъ разсудительный, — то повѣрь, что онъ нимало сею похвалою не польстится. —

Разсудокъ. Это по тому, что онъ этого не будетъ достоинъ; и этотъ человѣкъ никогда не будетъ имѣть здраваго разсудка. — Естьлибъ онъ его имѣлъ, то онъ весьма бы мало уважалъ названїе умнаго человѣка, которое часто даютъ такимъ людямъ, которые не знаютъ, что они говорятъ, а менѣе того еще, что они дѣлаютъ.

Умъ. Отъ чего же меня столько почитаютъ, а тебя такъ мало уважаютъ?

Разсудокъ. По тому, что ни кто не увѣренъ, имѣетъ ли тебя, а всѣ полагаютъ, что я во всякое время съ ними. — Впрочемъ, къ стати ли судить о дѣлахъ по той цѣнѣ, какую людямъ угодно полагать имъ. — По большей части любятъ все блистательное; а я никогда не стараюсь блистать.

Умъ. Я этому очень вѣрю; сїе привело бы тебя въ замѣшательство, бѣдный Разсудокъ. —

Разсудокъ. Когда мы были другъ съ другомъ согласны, то мы блистали одинъ отъ другаго: — теперь, какъ мы съ тобой разлучились, я живу въ неизвѣстности и весьма доволенъ своею судьбою. Я всегда ищу смиреннаго жилища мудраго, и скромнаго человѣка, который съ удовольствїемъ принимаетъ меня; а ты, пожалуй, летай

по Парижу, чтобы раждать тамъ зависть и удивленіе глупцовъ, и заставляй своихъ любимцевъ дѣлать и говорить безпрестанно глупости, которыя для меня кажутся весьма смѣшными. —

Умъ. Но которыя всѣ одобряютъ.

Разсудокъ. По тому, что меня тамъ нѣтъ, — а иначе тебя бы освистали.

Умъ. Я пользуюсь милостьми почти всѣхъ прекрасныхъ женщинъ.

Разсудокъ. По тому, что онѣ меня не знаютъ.

Умъ. Произвожу каждой день множество прекрасныхъ сочиненій, въ которыхъ ты ничего не значишь. . . .

Разсудокъ. Къ сожалѣнію ничего.

Умъ. Комедіи, для которыхъ бѣжитъ весь Парижъ, и гдѣ нѣтъ однако ни слова о тебѣ. . .

Разсудокъ. О! ни одного слова.

Умъ. — Прелестные стишки, мадригалы, элегіи, басни, сказочки стихами, прозою, нравоучительныя и ненравоучительныя, пѣсенки, водевили, комическія оперы, въ которыхъ ничего нѣтъ твоего.

Разсудокъ. Признаюсь и въ этомъ.

Умъ. Я начинаю уже входить въ трагедіи и толстые поэмы. —

Разсудокъ. А я начинаю изъ нихъ выходить. —

Умъ. Я вывожу на свѣтъ почти каждой день романы въ двухъ, трехъ, четырехъ и даже до шести Томовъ, гдѣ однако твоего ниодного слова нѣтъ. —

Разсудокъ. Это весьма справедливо.

Умъ. И которые всѣ превозносятъ.

Разсудокъ. Кромѣ меня.

Умъ. Я наполняю Францію множествомъ Академій, я присутствую во всѣхъ, а ты, думаю, ни въ одной.

Разсудокъ. Я и не думалъ никогда представляться туда.

Умъ. Одинъ я производилъ, защищалъ, поддерживалъ, распространялъ столько прекрасныхъ системъ морали, политики, религіи, Философіи, которыя вдругъ и будто бы отъ какого нибудь очарованія открыли глаза людямъ; которые произвели столь важную перемѣну въ идеяхъ и просвѣтили прекрасной вѣкъ нашъ. — Авторы всѣхъ сихъ

чудесѣ не удостоили даже совѣтоваться съ тобою.

Разсудокъ. Конечно, и это правда, и естьли я не имѣю надобности думать о славѣ сихъ сочиненїй, то тѣмъ менѣе думаю о славѣ ихъ послѣдствїй. —

Умъ. А ты все таки думаешь значить больше меня?

Разсудокъ. Я этого не говорю. Я значу гораздо болѣе тебя.

Умъ. Скажи мнѣ свои титла?

Разсудокъ. Вотъ онѣ: — Ты заставляешь говорить прекрасныя дѣла; я заставляю дѣлать полезныя. Ты забавляешь людей бездѣлицами; я наставляю ихъ въ постоянныхъ дѣлахъ. Ты блистаешь въ глазахъ ихъ; я не блистаю, но всегда веду ихъ къ добру. Ты придаешь имъ тщеславїя; а я придаю имъ всегда скромности. Ты производишь множество сочиненїй; но кто, кромѣ меня, поддерживать можетъ ихъ жизнь: я служу основанїемъ сочиненїй, а ты только наружностїю. — И такъ одно только основанїе можетъ противостать рушительному времени. Не уже ли ты думаешь, что безъ меня сїи безсмертныя сочиненїя Грековъ и Римлянъ удивляли потомковъ? Науки не могутъ

быть безъ правилъ, а безъ меня онѣ бы ихъ не имѣли. — Разсудительный человѣкъ тебя презираетъ, а со мною совѣтуется. Мольеры, Боало, Лафонтены ничего не дѣлали безъ меня; и скажи мнѣ, былъ ли ты хотя нѣсколько полезенъ Корнелїю, Расину, Фенелону, Боссюэту, Мильтону и прочимъ. — Безъ меня ты бы производилъ однѣ только сумазбродства и безпутныя дѣла. Памятники, которые бы въ честь твою воздвигали, такъ бы скоро были разрушаемы, какъ и созидаемы. Разсмотри всѣ сїи сочиненїя, такъ гордо выхваляемыя тобою! Едва онѣ появятся, то въ ту же минуту множество легкомысленныхъ и праздныхъ людей начинаютъ прославлять ихъ. Но на другой день, увы! онѣ умираютъ и такъ умираютъ, что всѣ забываютъ, былиль онѣ даже на свѣтѣ! — Отъ меня только ты получаешь прочность и продолжительность. Безъ меня, ты строишь только на пескѣ. И такъ ты никакъ не можешь обойтиться безъ меня. Напротивъ же того мои итшла еще гораздо лучше, ибо я не позволяю людямъ дѣлать глупостей; я заставляю ихъ узнавать настоящую цѣну вещамъ, поправляю ихъ ошибки, когда еще время позволяетъ, и прямо веду къ премудрости и щастїю тѣхъ, которымъ только угодно слушать со вниманїемъ мои наста-

вленія. И такъ повѣрь мнѣ, помиримся, не станемъ никогда разлучаться, — вотъ все, что мы можемъ лучшаго сдѣлать.

Умъ. Нѣтъ никакъ не хочу. Быть всегда съ тобою, все равно, что надѣть на себя несносныя оковы. — Ты бы, мнѣ слишкомъ былъ въ тягость, а я люблю свободу.

Разсудокъ. Прощай же, когда такъ. — Я пойду къ доброму поселянину, котораго наставляю, воспитывать многочисленное его семейство. Благодаря моимъ совѣтамъ, дѣла его идутъ лучше, нежели у твоихъ любимцевъ.

Умъ. Прощай — а я возвращусь въ Парижъ, гдѣ не надѣюсь встрѣтиться съ твоею глупою и печальною миною. — Я остановлюсь у молодаго стихотворца; онъ любитъ, онъ обожаетъ прекрасную женщину и ожидаетъ меня, чтобы писать влюбленное письмо, которое, ручаюсь, будетъ наполнено пріятными нѣжностьми и прекрасными стишками.

съ Французскаго.

А. . . . ръ С. . . . . чь.

III. СМѢСЬ.

Московскія записки.

(*Сообщено.*)

10 Мая артисты Императорскаго Московскаго Театра давали концертъ въ домѣ С. С. Апраксина. Пѣтое тріо: *Кто бѣднымъ милости творитъ*, заслуживаетъ особенное вниманіе при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Слова и музыка пріятны. Пріятно и то, что господа артисты не забываютъ прежнихъ арій изъ *Русалки*, которыя столько лѣтъ занимали Публику, смѣшили зрителей и достовляли удовольствіе. Пѣсня: *Милый мой сердечный другъ*, и къ ней придѣланный хоръ: *Юность! юность! веселися!* были искусно выражены пѣвицею, Г-жею Насовою. Вторая пѣсня *къ Царю-Батюшкѣ: Понесись по подъ небесью птица* и проч. принесли великое удовольствіе. Пѣніемъ управлялъ Г. Керцелли, а музыкою Г. Морини. Вообще концертъ заслужилъ одобреніе.

13 Мая П. А. Позняковъ соединилъ безцѣнный даръ благотворенія съ пріятностями общественныхъ забавъ. Данный спектакль въ пользу воиновъ, раненыхъ подъ стѣнами Парижа, обращалъ на себя вниманіе не столько игрою лицъ, сколько пользою и цѣлью спектакля. Благодарность ожидаетъ Благотворителя; но онъ ее не требуетъ; Рускому свойственно только великодушіе; удовольствіе благотворить есть лучшая его награда. Въ комедіи *Подложный кладъ* многія сцены занимали пріятно публику. Во второй піэсѣ: *Оборотни, или спорь до слезъ, а объ закладъ не бейся*, актриса, представлявшая сестру Угрюмина, привлекла вниманіе, и заслужила похвалу. Когда она пѣла арію на торжественное шествіе АЛЕКСАНДРА въ Парижъ, многіе плѣнялись талантомъ актрисы; но всѣ радовались особливо благотворительнымъ намѣреніемъ хозяина; и я, выходя изъ театра, твердилъ съ безсмертнымъ нашимъ Поэтомъ:

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Кревъ не собиралъ.

19 Мая общество Благородныхъ людей, ревностное къ славѣ Отечества и дѣламъ своего Монарха, торжествовало великую

эпоху особеннымъ праздникомъ (*) въ домѣ Г. Полтарацкаго, у Калужскихъ воротъ. Народныя увеселенія начались съ 4 часа послѣ обѣда. Для народа были качели, карусели, балансеры, ташеншпилеры и пѣсельники при громкой игрѣ военной музыки. Передъ вечеромъ яркое освѣщеніе сада и потѣшные огни въ томъ же саду представили блестящее зрѣлище. Изъ печатной программы сего праздника извѣстны аллегорическія предметы иллюминаціи. По съѣздѣ посѣтителей и посѣтительницъ и по прибытіи Господина Главнокомандующаго въ домъ сего собранія, въ 9 часовъ открылась сцена; и на ней былъ представленъ прологъ — Мелодрамма, *храмъ безсмертія*, въ трехъ лицахъ, съ хоромъ Европейскихъ народовъ. Россія, въ отсутствіи своего МОНАРХА, молитъ Небо о возвращеніи Отца Отечества; къ ней является радостная Европа, освобожденная Россійскимъ Государемъ; за нею въ слѣдъ идетъ Слава и возвѣщаетъ дѣла МОНАРХА. Вдругъ открывается сіяющій храмъ безсмертія, въ которомъ видѣнъ Бюстъ Императора. Россія преклоняетъ колѣно; всѣ Европейскіе народы окружаютъ

(*) Мы не видали сего праздника; но не сомнѣваемся, чтобы всѣ его черты не были вѣрны и точны, хотя онѣ описаны молодымъ человѣкомъ. *В. И.*

священный Образъ; Слава вѣнчаетъ его лаврами.

Три Благородныя Дамы представляли аллегорическія лица Россіи, Европы и Славы. Россія превосходила всякое описаніе: ея Царской величавости соотвѣтствовали богатыя украшенія; блескъ ея алмазовъ ослѣплялъ зрѣніе, а выраженіе чувство.

Къ Нему моя любовь
О Боже! ясно доказалась:
Лилась Россіи кровь
И грудь моя нещадно раздиралась.
Смерть зрѣла я моихъ сыновъ;
Но врагъ не наложилъ оковъ!
Къ Царю я вѣрной пребывала,
На брань младыхъ и старцевъ созывала,
И жертвуя собой,
Лишь слезы я лила, но не роптала.

Эти стихи были произнесены со всею чувствительностію признательной Россіи къ своему МОНАРХУ. Европа имѣла достоинство выразить свое щастіе, свою радость; а въ лицѣ Славы видѣли мы образъ сей богини. Все рукоплескало. Плескъ не умолкалъ въ продолженіе всего пролога.

Праздникъ заключился великолѣпнымъ баломъ и ужиномъ; и танцы продолжались до 4 часовъ утра.

Арапьевъ.

Извѣстія и замѣчанія.

— Мерсье, извѣстный писатель Французскій и Членъ Національнаго Института, умеръ въ Парижѣ 26 Апрѣля на 74 году отъ роду. Онъ говорилъ передъ концемъ жизни: „Я живу изъ одного любопытства; мнѣ хочется дождаться, что у насъ „наконецъ изо всего выйдетъ." — Это слово по крайней мѣрѣ умнѣе многихъ другихъ, которыя вырывались изъ устъ и съ пера автора на счетъ Невтоніанизма, Астрономіи, Метафизики, и проч. Журналисты сыпали на бѣднаго автора стрѣлы ироническаго остроумія; и естьли не удержатъ ихъ нынѣшнія бурныя обстоятельства, то вѣроятно, что они откланяются въ послѣдній разъ странностямъ сего забавнаго человѣка, и замѣтятъ можетъ быть послѣднюю *неудачу* Г. Мерсье, который такъ долго живши *изъ одного любопытства*, не дожилъ до *любопытнѣйшаго* конца нынѣшней перемѣны вещей. Сей авторъ извѣстенъ по сочиненіямъ: Tableau de Paris, de l'an 2440, ou rêve s'il en fut jamais, mon bonnet de nuit, de J. J. Rousseau consideré comme l'un des premiers auteurs de la Révolution и проч. и проч. Онъ написалъ множество драмъ, изъ которыхъ нѣкоторыя извѣстны и на нашемъ Русскомъ театрѣ. Его достоинство, какъ

писателя, не велико, талантъ его не отличный, и вообще онъ заслужилъ болѣе славу *страннаго* человѣка, нежели имя достойнаго писателя, по крайней мѣрѣ во Франціи, гдѣ его произведенія имѣютъ справедливыхъ судей. Въ другихъ земляхъ, какъ замѣчено многими, его авторскіе труды пользуются большею славою, имѣютъ болѣе читателей, и вообще приносятъ удовольствіе той части публики, которая не очень строга въ выборѣ книгъ. Но впрочемъ тотъ языкъ, на которомъ онъ писалъ, такъ обработанъ и словесность его націи такъ очищена, что, читая многія изъ сочиненій Г. Мерсье, не льзя не найти въ нихъ нѣкотораго искусства, вкуса и пріятности.

— Нѣкто сдѣлалъ во Франціи слѣдующіе четыре стиха на пенсію, опредѣленную Бонапарту:

Кто бездны поглотилъ полковъ и легіоновъ,
Дыша злодѣйствами и плавая въ крови,
Тотъ пенсіи теперь имѣетъ шесть мильоновъ:
Придется ль съ жертвы грошъ? Ахъ! нѣтъ, хоть не живи!

— Г. Шатобріанъ выдалъ уже новое изданіе своей книги: *О Бонапартѣ и Бурбонахъ*, книги, извѣстной и читателямъ Вѣстника. Въ семъ новомъ изданіи находит-

ся слѣдующее дополненіе: „Послѣднія про-
„изшествія, касательныя до Бонапарта,
„оправдываютъ мое первое объ немъ сужде-
„ніе. Давно предвидѣлъ я, что его конецъ
„не будетъ честный; но признаюсь, что
„онъ превзошелъ всѣ мои подозрѣнія; въ
„перемѣнѣ своей онъ сохранилъ только ро-
„лю и характеръ комедіанта: онъ *играетъ*
„равнодушнаго и хладнокровнаго. О сво-
„емъ паденіи говоритъ онъ какъ бы о па-
„деніи другаго, которое до него не касается;
„разсуждаетъ о томъ, чего можно надѣ-
„яться, или ожидать отъ Бурбоновъ; те-
„перь онъ Силла или Діоклитіанъ, какъ
„почиталъ себя прежде Александромъ и
„Карломъ Великимъ; онъ притворяется ко
„всему равнодушнымъ; но можетъ быть
„такое равнодушіе есть истинное: кажет-
„ся, что въ душѣ его царствуетъ одно глав-
„ное чувство, то, что онъ имѣетъ ра-
„дость и щастье *жить*. Не желаемъ ли-
„шить его сей выгоды: человѣкъ съ та-
„кимъ низкимъ духомъ не опасенъ.“ —

IV. ПОЛИТИКА.

О Бонапартѣ и Бурбонахъ.

(Продолженіе.)

Разсмотримъ внѣшній ходъ его правленія, ту политику, которою онъ гордился, и которую онъ опредѣлялъ сими словами: *Играть въ людей, вотъ вся политика.* Безумецъ проигрался, а Франція расплачивается.

Начиная съ его континентальной системы, ребяческой или безумной, видимъ, что войны его прикрывались только симъ предлогомъ. А его настоящая цѣль была другая: онъ хотѣлъ быть властелиномъ твердой земли, говоря о свободѣ морей. И умѣлъ ли онъ привесть въ исполненіе свою безразсудную систему? Отъ двухъ великихъ ошибокъ, по которымъ, какъ будемъ говорить далѣе, неудались его намѣренія противъ Испаніи и Россіи, не отперъ ли онъ противъ воли своей гавани Средиземнаго и Балтійскаго моря? не выдалъ ли Англичанамъ колоній цѣлаго свѣта? не от-

крылъ ли имъ въ Перу, въ Мексикѣ, въ Бразилїи торгъ гораздо важнѣйшїй въ сравненїи того, до котораго не хотѣлъ допустить ихъ въ Европѣ? Это такъ вѣрно и справедливо, что война его не только не разорила, но обогатила Англичанъ. Европа пользуется только нѣкоторыми излишествами Англинскихъ произведенїй; главные народы въ Европѣ довольствуются своими собственными мануфактурами для первыхъ потребностей жизни. Напротивъ того, въ Америкѣ народы имѣютъ во всемъ нужду отъ перваго одѣянїя до послѣдняго, и на десять милїоновъ Американцевъ расходится болѣе Англїйскихъ товаровъ, нежели на тридцать милїоновъ Европейцовъ; не говорю о привозѣ серебра изъ Мексики въ Индїю, о монополїи въ продажѣ какао, хины, кошенили и о другихъ прибыльныхъ торгахъ, которые обращались для Англичанъ въ новый источникъ богатства. Но есть-ли бы и удалось Бонапарту запереть гавани Испанїи и Бальтики, надлежало еще запереть порты Грецїи, Царяграда, Сирїи, Варварїи: предпринять такое дѣло было то же, что обязаться покорить всѣ предѣлы свѣта. А между тѣмъ, какъ онъ приступилъ бы къ новымъ завоеванїямъ, покоренные уже народы, не имѣя свободы для мѣны своихъ произведенїй, свергли бы его иго и отперли ихъ порты. По всему

видно, что онъ имѣлъ ложныя понятія о вещахъ, предпріятія мѣлочныя отъ намѣреній исполинскихъ, недостатокъ въ разсудкѣ и въ здравомъ смыслѣ, мечты безумнаго или бѣшенаго человѣка.

Его войны, его обращеніе съ Европейскими Кабинетами теряютъ обманчивый блескъ свой при малѣйшемъ примѣчаніи. Человѣкъ великъ не тѣми дѣлами, которыя предпринимаетъ, но которыя исполняетъ. Всякой можетъ задумать въ мечтѣ покорить міръ: одинъ Александръ совершаетъ великое дѣло. Бонапартъ управлялъ Испаніею, какъ своею областію, высасывая изъ нее кровь и золото. Этого не довольно; онъ хочетъ еще царствовать на тронѣ Карла IV. Чтожъ онъ дѣлаетъ? Съ начала по самой коварной политикѣ онъ сѣетъ раздоръ въ Королевской фамиліи, потомъ увозитъ ее, противъ всѣхъ законовъ божественныхъ и человѣческихъ, врывается въ землю того вѣрнаго народа, который при Трафальгарѣ за него сражался; на зло народному духу, убиваетъ Священниковъ, оскорбляетъ гордость Кастилійскую; противъ себя вооружаетъ потомковъ Цида и великаго Полководца. Тотъ часъ Саррагосса совершаетъ торжественный обрядъ своего собственнаго погребенія; и сокрывается подъ своими развалинами; По-

лянскіе Христіане бѣгутъ съ горъ Астурійскихъ: новый Мавръ изгнанъ. Эта война оживляетъ въ Европѣ духъ народовъ, озабочиваетъ Францію защищеніемъ лишней границы; творитъ для Англичанъ сухопутное воинство; черезъ четыре столѣтія снова приводитъ ихъ на поля Поатьерскія, и приноситъ имъ сокровища Америки.

Не прибѣгая къ симъ хитростямъ, достойнымъ Борджіи, Бонапартъ подъ нѣкоторымъ предлогомъ, не столь грубымъ, но столь же предосудительнымъ, могъ бы по крайней мѣрѣ объявить войну Королю Испанскому, выдать себя за покровителя Кастилійцевъ, притѣсненныхъ Княземъ Мира, польстить Испанской гордости, пощадить чинъ Священный, чтобы дойти вѣрнѣе до своей цѣли. Но онъ говорилъ въ бѣшенствѣ; *Не Испанцы мнѣ надобны, а Испанія*, и земля не приняла его. Бургосскій пожаръ произвелъ Московскій, и завоеваніе Алгамбры довело Руссихъ до Лувра. Великій и страшный урокъ!

Тѣ же ошибки въ походѣ на Россію въ Октябрѣ 1812 года . . . . . Онъ идетъ въ Москву одною дорогою безъ магазиновъ, безъ способовъ вѣрныхъ. Входитъ: священный градъ Полтавскихъ побѣдителей пылаетъ, и Бонапартъ съ мѣсяцъ времени дремлетъ

на пеплѣ и развалинахъ. Кажется, что онъ забылъ перемѣны годовыхъ временъ и жестокость климата; стоитъ, лаская себя надеждою на обманчивый миръ; до того не знаетъ сердца человѣческаго, что предполагаетъ возможнымъ, чтобы тотъ народъ, который для спасенія своего народнаго бытія, жертвовалъ Столицею, могъ подписать миръ на дымящихся развалинахъ домовъ своихъ. Генералы громогласно вызываютъ его изъ Москвы. Онъ удаляется, но удаляясь, злится, какъ младенецъ, и грозитъ скоро возвратиться съ другою арміею, въ которой *одно передовое войско будетъ состоять изъ* 300,000 *человѣкъ*. Богъ посылаетъ гнѣвъ Свой: все гибнетъ; къ намъ возвращается одинъ человѣкъ.

Безумствуя въ управленіи, злодѣйствуя въ политикѣ, чѣмъ могъ сей иностранецъ привлекать Французовъ? Его военною славою. Онъ лишенъ и того. Правда, видимъ въ немъ великаго мастера выигрывать баталіи; но кромѣ сего мастерства, послѣдній изъ Генераловъ знаетъ лучше свое дѣло. Онъ не имѣетъ понятія объ отступленіи и о завладѣніи мѣстомъ; онъ не терпѣливъ, не выжидаетъ слѣдствій; ибо оно бываетъ плодомъ долговременнаго соображенія военнаго; умѣетъ только одер-

живать побѣды, какъ было уже сказано, *ударомъ людей;* всѣмъ жертвовать для успѣха, не заботясь о пораженіи, переморить половину солдатъ своихъ маршами не по силѣ человѣческой. Какая ему нужда? У него готова конскрипція, и *пушечное мясо.* Говорили, что онъ довелъ до совершенства военную науку; а нѣтъ сомнѣнія, что онъ обратилъ искусство къ его младенчеству. Въ дѣлѣ военномъ у просвѣщенныхъ народовъ верхъ искусства состоитъ конечно въ томъ, чтобы умѣть защитить обширную землю съ малочисленною арміею; укрыть нѣсколько миліоновъ покойныхъ гражданъ за шестьюдесятью, или восьмьюдесятью тысячами воиновъ, такъ чтобы земледѣлецъ въ мирныхъ трудахъ своихъ едва зналъ, что дерутся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ его хижины. Римскую Имперію оберегали сто пятьдесятъ тысячь воиновъ, и Цесарь имѣлъ только въ Фарсаліи нѣсколько легіоновъ. Пускай побѣдитель міра защищаетъ теперь наши отеческіе кровы. Куда дѣвалась его прозорливость? какимъ дивнымъ образомъ та Франція, которую Луковикъ XIV окружилъ крѣпостями, которую Вобанъ заперъ, какъ прекрасный садъ, открыта со всѣхъ сторонъ нападенію непріятелей? Гдѣ гарнизоны ея пограничныхъ крѣпостей? Ихъ нѣтъ. Гдѣ пушки съ ея валовъ? Все обезоружено, все до послѣднихъ кораблей въ Брестѣ, Ту-

лонъ и Рошьфортъ. Естьли бы хотѣлъ Бонапартъ отдать насъ въ руки союзныхъ Державъ; естьли бы онъ продалъ насъ; естьли бы тайно измѣнилъ Франціи: то могъ ли бы онъ дѣйствовать иначе? Въ годъ и четыре мѣсяца двѣ тысячи милїоновъ наличныхъ денегъ, четыреста тысячь людей, воинскія и крѣпостныя орудія, снаряды и проч., все поглощено въ лѣсахъ Германїи и въ степяхъ Россіи. Въ Дрезденѣ Бонапартъ надѣлалъ множество ошибокъ, забывая, что злодѣйства караются иногда въ другомъ мірѣ, но проступки не остаются никогда безъ наказанія въ здѣшнемъ свѣтѣ. Онъ не вѣдаетъ ничего о дѣлахъ Кабинетовъ, отъ упрямства стоитъ на Эльбѣ, претерпѣваетъ въ Лейпцигѣ пораженїе, и отвергаетъ честный миръ, ему предложенный. Въ отчаянїи и въ ярости онъ выходитъ въ послѣднїй разъ изъ чертоговъ Королей нашихъ; по справедливости и неблагодарности истребляетъ огнемъ селенїе, гдѣ тѣ самые Короли имѣли нещастїе его выкормить; дѣйствуетъ противъ непрїятелей съ упорствомъ, но безъ плана, претерпѣваетъ послѣднїй ударъ, обращается въ новое бѣгство, и освобождаетъ наконецъ столицу просвѣщеннаго народа отъ своего ненавистнаго присутствїя.

Перо Француза отрекается представлять ужасы его полей сраженїя; раненый

человѣкъ для него тяжелое бремя: пускай умретъ — скорѣе конецъ дѣлу. Груды порубленныхъ воиновъ, откинутыхъ въ уголъ безъ разбору, остаются иногда по цѣлымъ суткамъ и по недѣлямъ безъ перевязки ранъ; обширнѣйшіе госпитали не вмѣщаютъ уже нѣсколькихъ сотъ тысячей больныхъ; на число ихъ не довольно ни лѣкарей, ни помощи. Никакихъ мѣръ и предосторожностей не взято палачемъ Франціи: нѣтъ ни аптекъ, ни лазаретовъ, ни даже инструментовъ для операцій. Въ Московскомъ походѣ, за недостаткомъ корпіи, перевязывали раны сѣномъ; недостало сѣна, раненые померли. Триста тысячь воиновъ, цвѣтъ и слава Франціи, бродили какъ тѣни по снѣгамъ въ пустыняхъ, опираясь не на оружіе, котораго носить не имѣли уже силы, а на еловые сучья, не имѣя другаго одѣянія, кромѣ окровавленныхъ шкуръ съ лошадей, бывшихъ послѣднею ихъ яствою. Старые полководцы, съ замерзлыми волосами и бородою доходили до такого униженія, что ласкою вымоляли у солдата бѣдную кроху отъ послѣдняго куска его: такъ томилъ ихъ голодъ; цѣлые эскадроны съ людьми и лошадьми замерзали въ ночное время, и на другое утро мертвецы стояли еще на поляхъ оледенѣлые. Единственными свидѣтелями страданія нашихъ сол-

датѣ въ сихъ пустыняхъ были стаи хищныхъ врановъ, которые, летая за воинствомъ, пожирали послѣднїе остатки его. Весною найдено было въ Россїи болѣе ста шестидесяти тысячь труповъ; на одномъ кострѣ сожжено до восьмидесяти тысячь. Моровая язва, неизвѣстная въ армїяхъ съ того времени, какъ начали воевать съ немногимъ числомъ людей, возвратилась съ конскрипцїей, съ миллїонами набранныхъ солдатъ, съ потоками человѣческой крови. А гдѣ былъ тогда истребитель нашихъ отцовъ, нашихъ братїй, нашихъ сыновъ, когда онъ пожиналъ такимъ образомъ цвѣтъ Государства? Бѣжалъ, сокрывался въ Тюльерїйскомъ дворцѣ; и отогрѣвая руки передъ огнемъ камина, говорилъ: *Здѣсь теплѣе, нежели на берегахъ Березины*. Ни слова въ утѣшенїе супругамъ и матерямъ, въ слезахъ его окружавшимъ, ни слова сожалѣнїя, ни знака чувствительности, ни раскаянїя, ни признанїя въ своей безразсудности не видно и не слышно было. Льстецы говорили: „Къ щастїю, во время ретирады Импе„раторъ не терпѣлъ никакого недостатка, „ни голода, ни стужи, ни безпокойства, „сидя въ теплой каретѣ: это великое „утѣшенїе.“ — И онъ среди двора своего являлся веселымъ, торжествующимъ, гордымъ, съ царскою на плечахъ мантїею,

со шляпою на головѣ подъ стать Генриху IV, величаясь на тронѣ и затверживая Императорскую осанку по наставленію актера Талма; но пышность его служила къ тому, чтобы онъ казался еще ненавистнѣе; и всѣ алмазы на его коронѣ не могли сокрыть той крови, которою онъ былъ облитъ.

Увы! поля сраженій и ужасы битвъ передъ нами! Уже не въ пустыняхъ онѣ заключаются, заключаются въ нашихъ предѣлахъ, въ нашей столицѣ, которую Нормандцы за тысячу лѣтъ передъ симъ осаждали безъ успѣха, и которая, къ утѣшенію народной гордости, имѣла только побѣдителемъ Кловиса, бывшаго потомъ Королемъ ея. Привесть непріятеля въ свою землю, не есть ли величайшее преступленіе въ мірѣ? Передъ нашими глазами погибли остатки нашихъ поколѣній; передъ нашими глазами помирали стада конскриптовъ, стада блѣдныхъ, изнеможенныхъ, старыхъ солдатъ, опираясь на столбы улицъ, едва удерживая въ рукѣ оружіе, которымъ обороняли отечество, а другою рукою прося милостыни; передъ нами по рѣкѣ Сенѣ плыли барки, и на дорогахъ тѣснились повозки, нагруженныя больными и ранеными, безъ всякаго призрѣнія. Одна изъ сихъ колесницъ, оставляющая за собою

слѣдъ крови, изломалась; съ нее попадали конскрипты безъ рукъ, безъ ногъ, простреленные пулями, изколанные копьями, кричавшіе отъ боли и просившіе мимоходящихъ доколоть ихъ. Бѣдные страдальцы, похищенные изъ хижинъ своихъ до наступленія совершеннаго возраста, уведенные въ ихъ сельскомъ одѣяніи на поле брани, и какъ *пушечное мясо* выставленные прямо на удары непріятельскіе для истощенія пушечнаго огня, бѣдные плачущіе страдальцы упадая подъ выстрѣлами, кричали: *о мать моя! о мать моя!* жалобный вопль, жалобное сѣтованіе на слабый возрастъ отрока, увлеченнаго изъ мирнаго отеческаго дома, и вдругъ изъ рукъ своей матери попавшаго въ руки своего жестокаго Государя! И за кого всѣ кровопролитія, всѣ муки? За ненавистнаго тирана, за Корсиканца, за иностранца, столь щедраго на ту кровь, которой нѣтъ капли въ его жилахъ, на кровь Французскую.

Ахъ! когда Лудовикъ XVI щадилъ нѣкоторыхъ злодѣевъ, которыхъ смерть могла обезпечить тронъ его и насъ избавить отъ бѣдствій; когда онъ говорилъ: „Не хочу жизнію одного изъ моихъ подданныхъ „искупить себя отъ погибели;" когда онъ писалъ въ своемъ завѣщаніи: „Поручаю „моему сыну, естьли случится ему

„къ нещастію быть Королемъ, помнить, что „онъ имѣетъ обязанность принести себя „въ жертву для щастія своихъ подданныхъ; „что онъ долженъ забыть всякую ненависть и всякое мщеніе, а особливо все, „что относится къ тѣмъ горестямъ и „бѣдствіямъ, которыя терплю; что онъ „можетъ только сдѣлать народы щастливыми, царствуя по силѣ законовъ;" когда онъ произносилъ на эшафотѣ: „Французы! молю Бога, да не мститъ Онъ народу „за пролитую кровь Королей вашихъ!" то былъ истинный Король Французскій, Король законный, отецъ и глава отечества.

Видя, какъ Бонапартъ оказалъ себя малымъ въ бѣдствіяхъ, не льзя вѣрить, чтобы его щастіе было дѣломъ его разума: что былъ твореніемъ нашего могущества, того мы почитали твореніемъ собственнаго его генія. А его наружное величіе проистекло изъ великихъ силъ, нами врученныхъ ему съ Государственнымъ его саномъ. Онъ принялъ всѣ побѣдоносныя воинства, образованныя нашими искуснѣйшими полководцами, которые погибали, и можетъ быть погибнутъ до послѣдняго жертвами тиранской его зависти; принялъ въ управленіе многочисленный народъ, возвеличенный побѣдами, торжествами и порывами народной свободы; ему только стоило уда-

ритъ ногою о богатую землю нашего отечества, и она высыпала передъ нимъ сокровища и воиновъ. Онъ нападалъ на утомленные и несогласные народы, побѣждая ихъ по очереди, заливая каждый изъ нихъ волнами народнаго многолюдства Франціи.

Когда Богъ посылаетъ на землю исполнителей небеснаго мщенія, передъ ними всѣ пути очищаются; съ талантами посредственными они имѣютъ успѣхи чрезвычайные. Родясь среди междоусобныхъ браней, истребители извлекаютъ ихъ главныя силы изъ тѣхъ бѣдствій, которыя вывели ихъ на свѣтъ, изъ того ужаса, который распространяется отъ воспоминанія сихъ золъ; передъ ними покорствуютъ народы, ибо они повелѣваютъ именемъ бѣдъ минувшихъ. Небо допускаетъ ихъ до власти унижать и развращать людей, истреблять честь, осквернять души, всего требовать и на все отваживаться; царствовать ложью, злочестіемъ и страхомъ; говорить всѣми языками, омрачать всѣ умы и взоры, заводить самый разсудокъ въ заблужденіе, славиться великимъ умомъ, когда они злодѣйствуютъ самымъ обыкновеннымъ образомъ (ибо превосходство во всѣхъ родахъ неразлучно съ добродѣтелью). Увлекая за собою обманутые народы, торжествуя съ чернію, побѣдами безславя имя свое,

съ пламенникомъ въ рукѣ, съ ногами въ крови, они стремятся еще на край свѣта какъ безумцы, гонимые тѣмъ Богомъ, въ Котораго не вѣруютъ.

Напротивъ того, когда угодно Провидѣнїю не карать, а спасти Царство; когда Оно посылаетъ не бичей, а служителей своихъ; когда Оно опредѣляетъ мужамъ, орудїямъ Его воли, чистую славу, а непорочную громкость: Оно не только не облегчаетъ для нихъ пути, какъ для Бонапарта, но и ставитъ передъ ними преграды, достойныя ихъ добродѣтелей. Такъ всегда отличается тиранъ отъ освободителя, истребитель народовъ отъ великаго Полководца, человѣкъ, посланный на разрушенїе, отъ человѣка, посланнаго для порядка. Тотъ владѣетъ неизмѣримыми способами, къ успѣху ведущими, а послѣднїй имѣетъ въ рукахъ самыя слабыя средства. Не трудно узнать по симъ первымъ чертамъ духъ и посланїе опустошителя Францїи.

(Здѣсь слѣдуетъ *изображенїе Бонапарта*, непечатанное въ 10 книжкѣ Вѣстника; потомъ авторъ продолжаетъ такъ:)

Но естьли мы отречемся отъ Бонапарта, кто заступитъ его мѣсто? Король.

Обязанности, неразлучныя съ Королевскимъ достоинствомъ, такъ извѣстны

всѣмъ Французамъ, что никто изъ нихъ не потребуетъ объясненія; Король приводитъ имъ тотчасъ на мысль законную власть, порядокъ, миръ, свободу опредѣленную и монархическую. Память древней Франціи, древніе обычаи, Христіанская вѣра, семейственные нравы, навыки младенческаго возраста, колыбель и гробъ, все имѣетъ связь съ именемъ Короля, столь священнымъ; оно не страшитъ, а напротивъ того успокоиваетъ насъ. Король, судія, отецъ, эти слова заключаютъ въ себѣ для Француза однѣ и тѣ же понятія. Онъ не знаетъ, что такое Императоръ; ему не извѣстна мѣра, форма, граница власти, приносимой симъ чуждымъ титломъ. Но ему извѣстно, что есть Монархъ, потомокъ Святаго Лудовика и Генриха IV, глава, котораго отеческая власть опредѣлена уставами, умѣрена нравами, смягчена и удобрена временемъ, какъ питательное вино, рожденное отъ земли отечественной и вызрѣвшее на солнцѣ Франціи. Перестанемъ убѣгать истинны: не будетъ для насъ ни спокойствія, ни щастія, ни блаженства, ни твердости въ нашихъ законахъ, мнѣніяхъ, имуществахъ, доколѣ Бурбонская фамилія не возвратится на престолъ. Нѣтъ сомнѣнія, что древность, будучи гораздо насъ благодарнѣе, возвеличила бы именемъ Божественнымъ то

поколѣніе, которое, начинаясь съ Короля храбраго и осторожнаго и оканчиваясь Королемъ мученикомъ, имѣло въ теченіе пяти столѣтій сорокъ три Монарха, изъ которыхъ только одинъ былъ тиранъ. Единственный примѣръ въ Исторіи свѣта и вѣчный предметъ гордости для нашего отечества! Честь и правота сидѣли на тронѣ Франціи, какъ на другихъ тронахъ сила и политика.

(*Продолженіе впредь.*)

Письмо изъ Парижа въ С. Петербургъ о путешествіи Бонапарта отъ Фонтенебло до Фрежуса (изъ Conservateur) (*).

. . . . Уже три дни, какъ я возвратился въ Парижъ, проводивъ Наполеона, бывшаго Императора Французовъ, отъ Фонтенебло до Фрежуса. Дорогою были съ ними приключенія: его обругали въ Авиньонѣ, но въ Провансѣ, въ одномъ селеніи Оргонѣ,

---

(*) Мы не хотѣли до сихъ поръ повторять разныхъ невѣрныхъ извѣстій о его путешествіи; но сіе письмо, писанное, кажется, однимъ изъ важнѣйшихъ его проводниковъ, имѣетъ характеръ несомнительной достовѣрности.

дѣло было гораздо важнѣе. Въѣхавъ въ селеніе, увидѣли мы постановленную висѣлицу; кукла въ мундирѣ и кровію замаранная представляла лице Наполеона; на животѣ у ней была надпись; впрочемъ висѣла крѣпкая веревка, и къ висѣлицѣ приставлена была лѣстница. Мы остановилися для перемѣны лошадей. Наполеонъ сидѣлъ въ каретѣ съ Графомъ Бертраномъ, а я позади въ другомъ экипажѣ съ моимъ камердинеромъ; за нами Австрійскій, Генералъ Коллеръ и Прускій Графъ Валдбургскій. Едва мы остановились, и толпа окружила карету: одни взбираются на верхъ кареты; другіе хотятъ отворить дверцы, запертые ключемъ; всѣ кричатъ языкомъ Прованскимъ: *вытащимъ его; повѣсимъ; изрубимъ въ куски, чтобы не осталось и памяти его.* Обязанность наша, христіанскій законъ и честь повелѣвали намъ противъ воли защитить сего человѣка. Народъ, увидя союзныхъ Чиновниковъ, немного усмирился. Мы ораторствуемъ; я кричу, что стыдно умертвить человѣка безъ защиты; что его довольно наказали, выгнавъ изъ Франціи; что до него не дойдетъ уже дѣла. Вдругъ раздаются голоса: такъ пощадимъ его по примѣру милосердыхъ Союзниковъ. Да здравствуютъ Бурбоны, да здравствуетъ Великій АЛЕКСАНДРЪ, да здравствуютъ Со-

юзники! Запрягли лошадей; онѣ пустились стрѣлою, а въ слѣдъ за ними пустили нѣсколько камней, которые разбили стеклы въ его каретѣ. Мы ѣдемъ за нимъ; насъ провожаетъ толпа съ восклицанїями: да здравствуетъ Король, АЛЕКСАНДРЪ, и проч. Отъѣхавъ съ милю, Наполеонъ сажаетъ курьера въ карету на свое мѣсто, а самъ садится на лошадь въ голубомъ сертукѣ, въ круглой шляпѣ, и около шести миль ѣдетъ верхомъ; вся его свита надѣваетъ бѣлыя кокарды. Наконецъ въ городѣ Э прячется онъ въ трактирѣ. Мы прїѣзжаемъ въ то же мѣсто, обѣдаемъ и проводимъ вечеръ; никто изъ городскихъ не зналъ, что тутъ былъ Наполеонъ. Хозяйка дома приняла его новымъ образомъ, не зная, что она имѣетъ съ нимъ дѣло; самъ Наполеонъ разсказывалъ мнѣ ихъ разговоръ. Вотъ онъ: *Хозяйка.* А, вы конечно присланные отъ Бонапарта. — *Напол.* Да, сударыня. — Скоро ли онъ самъ будетъ? — Скоро, я думаю. — Такъ его везутъ въ пристани, чтобы посадить на корабль? Но гораздо бы лучше и короче было убить его здѣсь. — За что такая ненависть? Къ тому же вамъ не чего уже бояться, ибо онъ выѣзжаетъ изъ Францїи. — Нѣтъ, было бы вѣрнѣе убить его. Онъ можетъ возвратиться; однакожъ мы не боимся этого. Когда его сажаютъ на корабль,

то вѣрно съ тѣмъ, чтобы утопить въ морѣ. — Послѣ сего произшествія надлежало скорѣе удалиться изъ сего опаснаго города по его недальнему разстоянію отъ Марсели. Ему было должно снова переодѣться. Вотъ что случилось: отъ усталости я заснулъ и забылъ мой плащь въ той комнатѣ, гдѣ мы обѣдали съ Наполеономъ. Возвратясь къ нему въ полночь, увидѣлъ я на Эльбскомъ Императорѣ Австрійскій мундиръ Генерала Коллера, на головѣ его шапку и кокарду Прускаго Графа Валдбурскаго, а на плечахъ плащь мой. Передъ нимъ и съ нимъ переглядываясь, стоялъ Офицеръ нашей свиты въ его голубомъ сертукѣ и съ его круглою на головѣ шляпою; Наполеонъ упросилъ его такъ переодѣться. Этотъ Офицеръ сѣлъ въ Наполеонову карету съ Генераломъ Бертраномъ, а Наполеонъ съ Генераломъ Коллеромъ. Съ нами ничего болѣе не случилось. Когда присоединилась къ намъ Австрійская эскорта, ожидавшая насъ на дорогѣ, тогда каждый представлялъ свое истинное лице. Мы хотѣли посадить его на корабль въ Сенъ Тропезѣ; но было только мѣста для однѣхъ мулъ, и судьба хотѣла, чтобы мы довезли его до Фрезуса; чтобы Наполеонъ, отрѣшенный отъ престола, сѣлъ на корабль въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ на берегъ Генералъ Бонапартъ, возвратясь

изъ Египта. Онъ предпочелъ Французскому кораблю красивую фрегату Англійскую. Я простился съ нимъ; онъ много благодарилъ меня, и просилъ засвидѣтельствовать глубочайшее почтеніе Императору АЛЕКСАНДРУ. Генералъ Коллеръ и Полковникъ Кампбель, Англійскій Коммисаръ, проводятъ его до острова Эльбы; а мы съ Прускимъ Графомъ Вальдбургскимъ возвратились въ Парижъ. Забылъ сказать, что въ Авиньонѣ люди, вооруженные саблями, хотѣли принудить его слугу, сидящаго на кучерскомъ мѣстѣ, кричать: да здравствуетъ Король. Графъ Трухсесъ усмирилъ ихъ буйство. Всѣ описанныя мною подробности вѣрны; все, что будутъ разсказывать лишняго, выдумано . . . . Увѣрьте всѣхъ, что Наполеонъ не опасенъ, и не опасенъ ни мало. Я видѣлъ его въ подлинномъ его лицѣ, и онъ себя считаетъ щастливымъ, что ускользнулъ подобру и поздорову. Наполеонъ избралъ неудачный конецъ: оставшись жить, онъ убилъ свою партію.

ИЗВѢСТІЯ

о послѣднихъ произшествіяхъ.

Когда въ послѣднихъ преніяхъ Англійскаго Парламента говорено было объ отсылкѣ Бонапарта на островъ Эльбу и о вопросѣ, примутъ ли его къ себѣ жители сего острова, одинъ знаменитый Ораторъ сказалъ: Захочетъ ли кто нибудь, имѣя въ рукахъ хищнаго звѣря, пустить его въ своихъ окрестностяхъ бѣгать по волѣ? Послѣ того народная молва, вѣрное эхо невѣрныхъ извѣстій, нарядила уже депутацію отъ имени Эльбскихъ жителей къ союзнымъ Монархамъ съ прозьбою, пощадить народъ и освободить островъ отъ сего великаго гостя. Но гость, вопреки газетнымъ извѣстіямъ и Парламентскому Оратору, ступилъ уже ногою на берегъ своего новаго Царства при 101 пушечномъ выстрѣлѣ съ крѣпости и при шумномъ стеченіи народа, который волнами высыпалъ на берегъ, чтобы видѣть высаженнаго къ нему звѣря, говоря словами Англійскаго оратора. Войска стояли въ ружьѣ. Чиновники его привѣтствовали; ему поднесли ключи города Порто Ферраіо. Такъ у древнихъ язычниковъ чистота нравовъ не мѣшала поклоняться въ лицѣ Юпитера богу разврата, чувственности и сладострастія. Но Бонапартъ, принявшій послѣ титла могущества и власти Галльскаго Императора

званіе Императора Эльбскаго, послѣ обширнѣйшаго Царства въ мірѣ островъ, ограниченный 30 милями въ окружности, послѣ требованій своихъ на имя героя, побѣдителя и Царя вселенной долю сосланнаго съ твердой земли плѣнника, доказалъ, что онъ не есть мужъ Плутарховъ, хотя Сегюръ и сказалъ въ концѣ своей картины Европы, что Бонапартъ ожидаетъ Плутарха. Въ наше время всѣ догадки политиковъ обращаются въ стыду ихъ соображеній.

На твердой землѣ, по слабому въ новости положенію и по важнымъ слѣдствіямъ, которыя перемѣна дѣлъ ея можетъ имѣть для всей Европы, Франція первая обращаетъ на себя взоры. На теперешній разъ достойны примѣчанія разныя мѣры, принятыя новымъ правительствомъ, чтобы утвердить свое существованіе. Одна изъ самыхъ дѣятельнѣйшихъ мѣръ есть безъ сомнѣнія та, что Король опредѣлилъ для каждаго особеннаго отдѣленія войскъ главнымъ начальникомъ Принца своего Дому. Графъ д'Артуа предводительствуетъ національной гвардіею и Швейцарами; Принцъ де Конде линейной инфантеріей; Дюкъ д'Ангулемъ полками кирасирскими и драгунскими; Дюкъ де Берри конными егерями и уланами, и проч. Прежніе предводители, подъ начальствомъ сихъ

Принцевъ, удерживаютъ свои преимущества и доходы, какъ Инспекторы. Національной гвардіи обѣщано, что она не будетъ никогда отправлять полевой службы. Армія должна быть снова формирована, но поставлена на мирную ногу, и она должна состоять только изъ 220 тысячь человѣкъ. Всѣ Офицеры обязаны возвратиться къ своимъ мѣстамъ и корпусамъ, для объявленія Инспекторамъ, желаютъ ли они остаться въ службѣ, или имѣть пенсіи. На 1815 годъ назначенные, или уже собранные рекруты, распускаются по домамъ; всѣ другіе рядовые воины обязаны служить до увольненія ихъ по формѣ. Изъ 42 человѣкъ состоящая депутація армейскихъ Полковниковъ представлялась Королю; и на замѣчаніе оратора, что всѣ они служили съ нижнихъ самыхъ чиновъ, Людовикъ XVIII отвѣчалъ, что всѣмъ Полковникамъ Французской арміи безъ исключенія жалуетъ онъ знаки ордена золотой лилеи. Сіи взятые предосторожности для привлеченія воинства на сторону новаго правительства кажутся не излишними, судя по извѣстіямъ, получаемымъ изъ разныхъ мѣстъ о расположеніи возвращающихся военноплѣнниковъ (*). Въ Венгріи ни одинъ не хотѣлъ надѣть бѣлую кокарду; въ вышед-

---

(*) См. Zuschauer. стран. 241 No 954.

шемъ изъ Глогау гарнизонъ одинъ Генералъ Лапланъ имѣлъ на себѣ знакъ Королевской; и въ Ландау присланный отъ Короля парламентеръ, Французскій Генералъ Шрамъ, терпѣлъ оскорбленіе народа (*) за то, что имѣлъ благоразуміе кричать: *Да здравствуетъ Король, а не Императоръ.* Кажется, что эти извѣстія подали поводъ къ слуху, будто бы союзные Монархи предложили Королю на услугу часть ихъ войска; и частныя письма (говоритъ Г. Меркель въ своей газетѣ), утверждаютъ даже, что 90 тысячь человѣкъ рѣшительно остаются во Франціи, и располагаются въ кантониръ квартирахъ такъ близко одни отъ другихъ, чтобы они могли въ однѣ сутки собраться. Но что касается до общаго народнаго мнѣнія, то оно отзывается въ пользу Короля; чему служатъ доказательствомъ многочисленныя депутаціи отъ разныхъ городовъ, которыя однѣ за другими представляются своему Государю съ обѣтами всеподданнической вѣрности, и при самомъ благосклонномъ пріемѣ со стороны Монарха. Нѣтъ сомнѣнія, что на всѣ умы во Франціи подѣйствуетъ особливо новое повелѣніе Генералъ-фискалу осмотрѣть всѣ темницы, чтобы даровать свободу безвиннымъ преступникамъ, заклю-

(*) См. тотъ же номеръ Рижскаго Зрителя, (Zuschauer).

ченнымъ прежнимъ правительствомъ, и важное слово, сказанное недавно Графомъ д' Артуа одному изъ своихъ приближенныхъ: прошу васъ, государь мой, быть не болѣе роялистомъ, какъ Король, и я (de n'etre pas plus Royaliste que le Roi et moi).

Достойно также замѣчанія, что послѣдній остатокъ республиканской формы, въ которую безумные демагоги хотѣли нѣкогда отлить не только свое правленіе, но и всѣ другія въ Европѣ, приближается къ своему разрушенію во Франціи. Сенатъ, хотящій положить преграды доброму Королю и не умѣвшій противиться самовластію тирана, возбудилъ противъ себя общее негодованіе. Отвсюду сыплются стрѣлы на новую конституцію, и во многихъ сочиненіяхъ осмѣиваютъ ту ролю, которую Сенатъ игралъ передъ лицемъ Бонапарта. Но особливо вооружаются противъ *наслѣдственного достоинства* Сенаторовъ, постановленнаго ими въ законъ. Забавники говорятъ, что такая статья есть хитрое покушеніе со стороны Сенаторовъ присвоить своимъ дѣтямъ привиллегіи, откупленныя лестію. Общее мнѣніе вызываетъ даже Министровъ, обязанныхъ отвѣтственностію, къ отчету въ дѣлахъ прежняго правительства. Сенаторы Камбаcересъ, Сіесъ и Франсуа де Нешато сложили, какъ слышно, свое званіе.

Гораздо постояннѣйшая въ своемъ народномъ характерѣ, гораздо мудрѣйшая въ своихъ Государственныхъ учрежденїяхъ, гораздо внимательнѣйшая къ ходу ума человѣческаго, Англїйская нацїя не перестаетъ какъ въ войнѣ, такъ и въ мирѣ, дышать духомъ филантропїи и почитать политику неразлучною съ нравственностїю. Графъ Грей спрашивалъ въ Парламентѣ, имѣютъ ли Министры намѣренїе выморить Норвегїю голодомъ? Въ такомъ случаѣ онъ принесетъ именемъ Англїйскаго народа жалобу Принцу-Регенту. Не получая удовлетворительнаго отвѣта, онъ предложилъ 10 Мая (н. с.) снять блокаду съ Норвежскихъ гаваней. Но Лордъ Ливерпуль, не объясняясь по сему случаю и не упоминая о Норвежскомъ народѣ, сказалъ только: „Шведскїй Кронпринцъ завоевалъ Голштеинъ и Шлезвитъ; „за то Датскїй Король уступилъ Норвегїю." Предложенїе Лорда Грея было опровергнуто большинствомъ голосовъ. На вопросъ, для чего Гваделупа не возвращена до сихъ поръ Швецїи, былъ тотъ отвѣтъ, что Швецїя ее не требовала. Министры не оскорбляются ни мало, что Члены Парламентовъ стоятъ за пользу человѣчества и справедливости; а краснорѣчїе ораторовъ не мѣшаетъ теченїю Министерскихъ дѣлъ, которыя идутъ своимъ порядкомъ; такъ, по газетѣ Morning chronicle, Англїйскїй

Посланникъ Лордъ Странгфордъ отнесся въ Ріожанейрѣ къ Португальскому Правительству съ требованіемъ, чтобы острова Мадеры и Св. Екатерины, какъ станція для кораблей, пристающихъ къ Бразиліи, были уступлены Великобританіи. Предложеніе было отвергнуто, и Лордъ Странгфордъ приготовился къ отъѣзду. Такъ для мирныхъ переговоровъ съ Америкою избранные Лордъ Гамбье и Г. Гамильтонъ уполномочены требовать новой границы для Канады. Вѣроятнымъ образомъ оба Министерскія предложенія будутъ скоро предметомъ жаркихъ преній въ Парламентахъ. Замѣтимъ еще одно новое происшествіе, въ которомъ торжествовали истина и правосудіе Англичанъ. Пишутъ изъ Лондона, что судъ Адмирала Стирлинга кончился. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что требовалъ денегъ за свое покровительство торговлѣ. Преступленіе доказано, и сентенція говоритъ, что Адмиралъ Стерлингъ останется въ спискѣ Адмираловъ, но не можетъ быть произведенъ въ вышніе чины, ни употребленъ въ морской службѣ.

Англіей подкрѣпленная и по Англійской системѣ образовавшая свою новую конституцію, Испанія отправила Президента Временнаго Правленія Кардинала Бурбона

на встрѣчу Испанскаго Короля въ Валенцію. 5 Апрѣля онъ вручилъ Королю Государственный Уставъ, и въ знакъ покорности поцѣловалъ его руку. Король прибылъ уже въ Саррагоссу, гдѣ народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ. Ожидаютъ многихъ Грандовъ, которые будутъ стараться о сближенiи Короля съ чинами. Кортесы съ жаромъ стоятъ за свои права, и за уставъ Государственный. По извѣстiямъ изъ Кадикса, правительство отправило оттуда на корабляхъ 12,000 опытныхъ Испанскихъ войскъ въ Америку, чтобы дѣйствовать противъ тамошнихъ *инсургентовъ*, и завоевать новую Луизiану, которую Бонапарте заставилъ Карла IV уступить себѣ, и потомъ продалъ Соединеннымъ Областямъ Сѣверной Америки за 18 милiоновъ ливровъ.

О новомъ политическомъ образованiи другихъ Государствъ Европейскихъ извѣстно до нынѣ съ нѣкоторою вѣроятностiю, но не со всею желаемою достовѣрностiю, что въ Италiи домъ Мюрата уступаетъ Неаполь на вѣчныя времена Королю Сардинскому, и Австрiйскiй Эрцгерцогъ Францъ будетъ коронованъ Королемъ Италiи, съ достаточною массою владѣнiй, чтобы имѣть способъ впредь обезпечить Италiю отъ нападенiя Французовъ; что въ Германiи, для окончательнаго рѣшенiя

дѣлѣ ея, соберется Конгрессъ въ Вѣнѣ; что въ Швейцарїи присоединится республика Женевская и Княжество Невшательское; что въ Белгїи подъ именемъ Коммисаровъ находятся присланные Резиденты отъ Россїи, Пруссїи и Австрїи для приведенїя дѣлъ въ порядокъ; что въ городѣ Вормсѣ Коммисаръ правительства Баронъ Отерштедъ объявилъ всенародно, что Реинскїя земли не возвратятся никогда къ Французскому народу (*); что, на конецъ, *пресосходнѣйшая* (eccelentissima) Генуэзская республика возстановлена, и новое правленїе ея уже дѣйствуетъ.

Сѣверная Держава, выходящая изъ тѣни безвѣстности на свѣтъ политики, изъ стихїи спокойствїя на бурю военныхъ и междоусобныхъ браней, Норвегїя въ одно время навлекаетъ на себя оружїе непрїятелей, и трудится надъ сочиненїемъ Государственнаго устава. Когда Наслѣдный Принцъ Шведскїй ведетъ уже войска свои противъ мятежнаго начальника Норвегїи и объявилъ уже солдатамъ своимъ въ Любекѣ (21 Мая н. с.), что они должны

(*) Къ тому суетному народу (говоритъ Баронъ въ прокламацїи), который съ другими обращался съ жестокостїю и злобою, а самъ рабски служилъ похитителю въ грабежѣ и убїйствѣ.

сражаться не съ народомъ Норвежскимъ, но съ обманывающими его предводителями; когда Англія, вѣрная порука за святость трактатовъ, окружаетъ берега Норвегіи своими морскими силами, чтобы принудить ее выполнить заключенное въ Килѣ условіе, Государственный Сеймъ, въ Ейдсволдѣ, полагаетъ въ своихъ засѣданіяхъ начала конституціи: „Норвегія должна быть наслѣдственною и ограниченною Монархіею; Королевство свободнымъ и нераздѣльнымъ; Регентъ Королемъ. Богослуженіе остается Евангелическое-Лютеранское; другія вѣроисповѣданія удерживаютъ ихъ свободу и права. Король имѣетъ право вести войну, заключать миръ и право миловать. Повѣренные народа имѣютъ исполнительную власть, и всѣ налоги въ своемъ распоряженіи. Судебная власть отдѣляется отъ другихъ дѣйствій правительства. Ни лица, ни общества не могутъ имѣть наслѣдственныхъ преимуществъ. Искусства и ремесла гражданскія не подвержены никакимъ стѣсненіямъ. Неограниченная свобода книгопечатанія должна существовать въ Государствѣ." Но можетъ ли образоваться конституція тамъ, гдѣ царствуютъ внутренніе раздоры? Газеты говорятъ, что въ Норвегіи есть три партіи; сильнѣйшая на сторонѣ Принца, но по[illegible]на ея хочетъ, чтобы онъ отказался отъ своихъ наслѣдственныхъ

правъ на Данїю, и чтобы Норвегїя не была никогда въ соединенїи съ тою землею. Другая партїя, изъ крестьянъ состоящая, требуетъ соединенїя со Швецїею. Третья партїя хочетъ чистой Демократїи. (Норвегїя не имѣетъ дворянства.) Но участь Норвегїи зависитъ отъ посредничества союзныхъ Державъ.

Послѣдняя любопытная черта на политической картинѣ Европы есть та, что въ Константинополѣ правительство запретило вывозъ денегъ изъ Турецкихъ владѣнїй, и повелѣло таможенному начальству выдать на монетный дворъ всѣ ходячїя монеты, взнесенныя приватными людьми.

Iюня 7 дня.

КОНЕЦЪ LXXV ЧАСТИ.

ОПЕЧАТКИ

въ NO 11 Вѣстника Европы.

Напечатано:			*Читай:*
Стран.	Стр.		
178	26	*Занесеннымъ*	занесеннаго.
183	9	*Старца*	человѣка.
193	въ примѣч.	*Въ трактатѣ Провидѣнія*	въ трак. о Провидѣнiи.
205	1	*Предст[illegible]енія*	пребыванія.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

II. НАУКИ.

IV. ЛИТТЕРАТУРА.

V. СМѢСЬ.

Стран.

VI. ПОЛИТИКА.

